

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ТИРАСПОЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ОБРАЗОВАНИЯ,
ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ И ПОЛИТОЛОГОВ
“PRO MOLDOVA”

Николай БАБИЛУНГА

БЕССАРАБИЯ ПОД РУССКИМ ПРАВЛЕНИЕМ

**История края в жизнеописании
его губернаторов в XIX – начале XX вв.**

Тирасполь
2020

Научный редактор – В.Я. Гросул,
доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:

С.М. Назария, доктор политических наук, профессор;

В.А. Содоль, кандидат исторических наук доцент;

П.М. Шорников, кандидат исторических наук доцент

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Бабилунга, Николай.

Бессарабия под русским правлением : История края в жизнеописании его губернаторов в XIX–начале XX вв. / Николай Бабилунга ; научный редактор: В. Я. Гросул ; Институт социально-политических исследований и регионального развития, Тираспольское отделение Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Ассоциация историков и политологов «ProMoldova». – Тираспол : Б. и., 2020 (Бендерская типография «Полиграфист»). – 244 p. : fig.

100 ex.

ISBN 978-9975-3431-2-1.

[94(478)+94(47+57)]»18/19»(092)

Б 125

В книге на основе изучения архивных документов, других исторических источников, а также имеющейся литературы и воспоминаний, впервые в историографии освещаются биографии всех руководителей Бессарабии с момента присоединения края к России в 1812 г. до начала оккупации Бессарабии королевской Румынией. Жизнеописания всех высших руководителей, от первого гражданского губернатора области Скарлата Стурдзы до губернского комиссара Временного правительства Константина Мими, позволяют выпукло и предметно оценить роль политики России в истории молдавского народа за более чем столетнее пребывание края в составе единой империи, а затем республики. Каждый из русских правителей этой частицы страны представлял собой личность и сыграл ту или иную роль в истории нашей родины. Эту роль автор попытался выявить и наглядно показать читателю.

Именно в этот период русского правления молдавский этнос на территории Бессарабии и Левобережного Приднестровья складывается в уникальную нацию с собственной историей, самобытной культурой, языком, менталитетом, неповторимым психологическим складом, своей молдавской идентичностью. Ни в досоветской, ни в советской, ни в постсоветской историографии не было подобного издания, которое в такой же степени фактической достоверности рассказывало бы об истории края в ракурсе жизнеописания всех его правителей в этот крайне важный для молдаван исторический период.

Написанная живым, доступным языком, эта книга адресует не только специалистам-историкам, преподавателям и студентам, учителям и ученикам, но и всем любителям истории родного края, истории нашего Отечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение к читателям (<i>С.Н. Бабурин</i>)	5
Введение	8
РУССКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КНЯЖЕСТВА	
ДО ЕГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ	
(<i>в годы войны 1806–1812 гг.</i>)	19
СКАРЛАТ ДМИТРИЕВИЧ СТУРДЗА (<i>1812–1813 гг.</i>)	31
ИВАН МАРКОВИЧ ГАРТИНГ (<i>июнь 1813 – октябрь 1817 гг.</i>)	39
ИВАН ХРИСТОФОРОВИЧ КАЛАГЕОРГИ	
(<i>22 февраля 1816 – 30 декабря 1817 гг.</i>)	50
КОНСТАНТИН АНТОНОВИЧ КАТАКАЗИ	
(<i>17 декабря 1817 – 16 августа 1825 гг.</i>)	55
ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ТИМКОВСКИЙ	
(<i>16 августа 1825 – 17 января 1826 гг.</i>)	65
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ТУРГЕНЕВ	
(<i>17 января 1828 – 30 июля 1828 гг.</i>)	71
НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ПРАЖЕВСКИЙ	
(<i>2 ноября 1828 – 24 марта 1829 гг.</i>)	78
АКИНФИЙ ИВАНОВИЧ СОРОКУНСКИЙ	
(<i>24 марта 1829 – 17 апреля 1833 гг.</i>)	82
ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ АВЕРИН	
(<i>16 июля 1833 – 28 августа 1834 гг.</i>)	86
ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ФЕДОРОВ	
(<i>28 августа 1834 – 29 мая 1854 гг.</i>)	93
МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ИЛЬИНСКИЙ	
(<i>15 июля 1854 г. – 10 ноября 1857 гг.</i>)	106
МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ ФАНТОН-ДЕ-ВЕРРАЙОН	
(<i>10 ноября 1857 – 19 декабря 1862 гг.</i>)	110

ИВАН ОСИПОВИЧ ВЕЛИО	
(28 декабря 1862 – 1 августа 1863 гг.)	116
ПЛАТОН АЛЕКАНДРОВИЧ АНТОНОВИЧ	
(1 августа 1863 – 30 ноября 1867 гг.)	120
ЕГОР ЕГОРОВИЧ ГАНГАРД (5 декабря 1867 – 3 июня 1871 гг.)	128
НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВИЧ ШЕБЕКО	
(3 июня 1871 – 27 февраля 1879 гг.)	136
ЕВГЕНИЙ ОСИПОВИЧ ЯНКОВСКИЙ	
(15 мая 1879 – 21 августа 1881 гг.)	143
МОДЕСТ МАВРИКИЕВИЧ КОНИАР	
(16 августа 1881 – 30 июня 1883 гг.)	147
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КОНСТАНТИНОВИЧ	
(30 июля 1883 – 4 июля 1899 гг.)	154
РУДОЛЬФ (ВИКЕНТИЙ) САМОЙЛОВИЧ ФОН РААБЕН	
(10 июля 1899 – 4 мая 1903 гг.)	161
СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ УРУСОВ	
(30 мая 1903 – 31 октября 1904 гг.)	173
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАРУЗИН	
(31 октября 1904 – 11 октября 1908 гг.)	188
ИВАН ВИКТОРОВИЧ КАНКРИН	
(11 октября 1908 – 7 мая 1912 гг.)	199
МИХАИЛ ЭДУАРДОВИЧ ГИЛЬХЕН	
(7 мая 1912 – 22 сентября 1915 гг.)	206
МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОНОВИЧ	
(22 сентября 1915 – 13 марта 1917 гг.)	212
КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ МИМИ	
(13 марта 1917 – 21 ноября 1917 гг.)	220
Заключение	231

Уважаемые читатели!

У вас в руках книга новая и достаточно необычная для молдавской и российской исторической науки. Жизнеописание всех высших чиновников, назначаемых царем для управления присоединенным к России бессарабским краем на протяжении более сотни лет, не являлось желательной темой для историков дореволюционной России, а тем более – историков советских времен или постсоветского периода. Исследователей привлекают обычно широкие темы: экономическое, политическое или социальное развитие страны в какой-то период, формирование наций, классов и партий, их борьба за власть и борьба с властью, их цели и способы достижения целей.

И это правильно, это бесспорно. Но зачастую при рассмотрении таких глобальных явлений и процессов где-то далеко в стороне оставались конкретные люди, участники и свидетели этих процессов, подчас даже их вершители. А ведь еще классик сказал, что история – это не что иное, как действующий в своих интересах человек. Когда же этот конкретный человек проводит и олицетворяет политику государства, руководит жизнью населения какой-то определенной территории, его жизнь, очевидно, приобретает познавательную ценность не только для близкого круга родных и соратников, но и для истории, для потомков.

Для современной Республики Молдова, для Приднестровья тема оценки более чем столетнего пребывания этого края в составе России актуальна и злободневна. Левобережье Днестра вошло в состав Российской империи по Ясскому миру в декабре 1789 г., а Пруто-Днестровское междуречье почти на четверть века позже – по Бухарестскому миру, в мае 1812 г., за месяц до вторжения полчищ Наполеона в нашу страну. Как отнеслось местное население к столь резкой перемене своего образа жизни? Как правительство России вознамерилось управлять вновь приобретенным краем? Каких людей присылало для этого?

Наверное, не открою большого секрета, если выскажу утверждение, что быстрая и внезапная смена привычного культурного и политического пространства, как правило, является для страны, для народа, для каждого отдельного человека событием достаточно болезненным и труднопереносимым. В такие исторические моменты особо остро возникает проблема собственной идентификации, связанная с разделением мира на «свой–чужие». Во всю мощь вырастает и проблема «инаковости», «другости» тех, с кем ты еще совсем недавно делил радости и тяготы жизни, делил по-братски хлеб и кров. И, конечно,

в таком обществе возникает потребность в историческом поиске тех, кто виноват во всех тяготах современного бытия, или, говоря языком улицы, «кто съел нашу колбасу» (а также сало, мамалыгу, хачапури и проч.).

У многих из нас на памяти трагические времена насильственного развала Советского Союза, возникновения на его развалинах новых независимых и суверенных государств, заточенных чаще всего на пещерной русофобии и ненависти к проживающим на их землях «русофонам», «оккупантам», «мигрантам» и «манкуртам». Переписывание собственной истории с целью подвести целую историческую базу под эту ненависть стало отличительной чертой становления «национальной» исторической школы во многих из этих государств.

К сожалению, не избежала подобной метаморфозы официозная историография и Республики Молдова. Представляя Россию и славянским мир в качестве исконного зловещего врага «румынского возрождения», ее адепты не только ложно интерпретируют исторические факты и фальсифицируют их, но даже и отказывают молдавскому народу в праве на собственную историю, свой язык, свою культуру, свой менталитет. И, что показательнее всего, заявляют при этом, что есть на свете только румыны, а молдаван, якобы, «придумали» русские цари или даже Сталин. Официозные историки Молдовы только одного не могут внятно объяснить – почему жители Бессарабии в 1812 г., в столь тяжелые для России времена, не влились большими количествами в армию Наполеона, как это сделали поляки и жители многих других европейских стран? Почему не избавили себя от русских?

Ясный и недвусмысленный ответ на этот вопрос дает автор этой книги, известный молдавский историк, профессор, академик Международной славянской академии Николай Вадимович Бабилунга. Почти три десятилетия возглавляемая им научная структура в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко изучала историю Приднестровья, историю Молдавии, ее связи с историей Украины и России. В этот период в Тирасполе было основано и получило развитие научное направление, сочетающее в себе лучшие традиции советской исторической школы историков-марксистов и глубокий объективизм исследований, тщательный анализ противоречивости и многовариантности исторического процесса. Нельзя не отметить и подлинного патриотизма этой школы, ее осознанного интернационализма, открытости, толерантности. Искренняя любовь к Отечеству для Н.В. Бабилунги и его коллег-историков не является дежурной декларацией или

ничего не значащим лозунгом, а составляет смысл и содержание всей научной деятельности, всей жизни.

Но данная книга особенная по замыслу и характеру исполнения. Не перегружая текста тяжелой терминологией и околонучной словесной эквилибристикой, автор живым языком, доступно и увлекательно рассказывает о жизни и судьбе правителей Бессарабии в составе Российской империи. Среди них были люди совершенно разные по типу и характеру, по своему опыту и воззрениям; были военные и ученые, чиновники и дипломаты, люди равнодушные и те, кто полюбил этот замечательный край навсегда.

Не было, пожалуй, лишь тех, кто выкачивал бы из этой земли себе или империи в угоду людские и природные ресурсы, ее достояние и богатство. Потому что Россия подобных целей никогда не ставила. Бессарабия, а затем и Молдавия стала для Российской империи, потом – для Советского Союза естественной и неотъемлемой частью. Лишь драматические события конца XX в. и развал единой страны разрушили такую прочную связь. Надолго ли? Это решит будущее.

По моему мнению, не только для историков, но и для всякого любознательного читателя, даже не знакомого с особенностями исторического развития Пруто-Днестровского междуречья, чтение этой книги представит познавательный интерес и пользу для расширения кругозора, и даже удовольствие от знакомства с реальностями другого мира, ушедшего от нас в прошлое. Приятно и само общение с произведением объективного, знающего и вдумчивого автора. Но особо я рекомендовал бы эту книгу жителям Молдовы, которым уже три десятилетия не преподают в школах не только нашу общую историю, но даже и историю самой Молдавии.

Как специалист в истории государства и права, я скажу: невозможно быть сознательным гражданином общества, прошлое которого тебе неизвестно. Невозможно любить свою землю, свой народ, не познавая его истории, какой бы она ни была. И счастье, когда путеводителями в этом деле становятся люди неравнодушные, знающие, беспристрастные и талантливые!

Сергей Николаевич БАБУРИН,

доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
президент Международной славянской академии,
председатель Международного Славянского Совета

Введение

Давайте взглянем на историю молдавской государственности с высоты птичьего полета. Впервые в истории человечества эта государственность появляется в виде Молдавского княжества в 1359 г. и существует пять столетий – до 1859 г., до момента слияния ее с государственностью валахов (мунтян), которые стали называть румынами себя и те этносы, которых они ассимилировали; в первую очередь, – молдаван, проживавших между Карпатами и Прутом. Но еще за несколько столетий до этого, в начале XVI в., Молдавия теряет свою самостоятельность и становится частью Османской империи. В 1812 г. по результатам одной из русско-турецких войн восточная территория Молдавского княжества между Днестром и Прутом, Карпатами и Черным морем, названная позже Бессарабией, освобождается от турецкого ига и становится частью Российской империи.

И вот, через почти шесть десятилетий после исчезновения Молдавского княжества, в период русских революций 1917 г., на территории Российской республики вспыхнула попытка возрождения молдавской государственности в виде Молдавской Демократической Республики. Правда, не прошло и месяца, как румыны захватили Бессарабию, ликвидировали зарождающуюся молдавскую государственность и назвали этот оккупированный ими край своей провинцией «Басарабия». Как оказалось, сама идея возрождения молдавской государственности в 1917 г. понадобилась румынам только для того, чтобы вырвать Пруто-Днестровское междуречье из состава России и «легитимно» включить в Румынию, уничтожив при этом даже намеки на какую-то возможную молдавскую государственность в своей упряжке.

Но молдавская государственность вновь возрождается через семь лет после этих событий, в 1924 г. Теперь уже на территории, которая раньше никогда не входила в границы Молдавского княжества. На левом берегу Днестра, на древних казацких землях, когда-то входивших в состав Крымского ханства и Речи Посполитой, рождается Молдавская Автономная ССР как часть Украинской Советской Социалистической Республики. И через два десятилетия на базе этой автономии с изгнанием румын с территории Бессарабии в 1940 г. на карте мира появляется союзное молдавское государство в форме Молдавской ССР как части СССР. Через год нацистская Румыния в одной упряжке с

гитлеровской Германией вновь захватывает эти земли и превращает правобережную часть МССР в свою провинцию «Басарабия». При этом левобережную часть МССР выпрашивает у своих берлинских хозяев во «временную эксплуатацию» в качестве своей колонии «Транснистрия».

Освобождение Молдавии от нацистов в 1944 г. возвратило на берега Днестра молдавскую государственность, которая просуществовала здесь до эпохи насильственного развала СССР и образования на его обломках сразу двух молдавских государств – Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики. И, поскольку большая часть политического класса Молдовы не желает признавать самобытности молдавской нации, готова в любой момент отменить молдавскую государственность, вновь превратив свою землю в румынскую провинцию, единственной надежной и стабильной формой существования молдавской государственности в настоящее время остается лишь ПМР. Остается несмотря на ее международную непризнанность и незавершенность так называемого «Приднестровского конфликта».

Однако вернемся в позапрошлый век. Утрата молдавской феодальной государственности в середине XIX в. за Прутом вовсе не означала потери или даже гибели молдавского народа, его самосознания, его языка, его самобытной и неповторимой культуры, его истории, наконец. Молдавский этнос продолжал существовать. Но после 1812 г. его ареал сузился до Бессарабии и левобережья Днестра. Теперь, после образования Румынии в 1859 г. и формирования румынской нации, центр сохранения и развития молдавской культуры и становления молдавской нации переносится на восток от Прута, в Днестровско-Прутское междуречье, в Бессарабию и Приднестровье. Здесь, в составе России, молдаване после освобождения от османского гнета попали в новые социально-экономические, политические и культурные условия, которые благоприятствовали перерастанию молдавской феодальной народности в молдавскую буржуазную нацию.

Бессарабская губерния в 1914 году

Рис. 1. Схема Пруто-Днестровского междуречья

Конечно, эти новые условия нельзя назвать тепличными. Молдаване в границах самодержавной России не имели своей национальной государственности; это так. Но означает ли отсутствие национальной государственности невозможность формирования нации? Отнюдь!

Молдавская нация зарождалась здесь в условиях многонационального государства, не знавшего почти национально-государственно-

го деления (за немногими исключениями: Финляндия, Польша, ряд среднеазиатских ханств). Ибо, вообще-то говоря, в Российской империи своей собственной государственности не имели и другие народы – украинцы, эстонцы, грузины, армяне, латыши, белорусы; по большому счету, ее не имели даже и русские. Это, конечно, накладывало на все процессы национального развития свои неповторимые отпечатки. Но это никак не отменяло сами процессы национального развития всех народов, в том числе и молдаван.

В этой книге мы познакомимся с тем, в какие условия попало население Пруто-Днестровского междуречья после изгнания отсюда турок и татар, после включения этих земель в состав России. В частности, мы изучим жизнеописания и деяния тех правителей, которые руководили этим краем в составе России. Это совершенно новая страница на многотрудном историческом пути молдавского народа, которую мы открываем, чтобы лучше осознавать и оценивать свою собственную историю.

Ведь ни в досоветские, ни в советские, ни в постсоветские времена мы почти ничего не знали и не знаем о тех людях, которые правили нашими предками на этих землях в течение многих десятилетий. Эти темы почти совсем не интересовали историков и общественность во времена диктата постулатов «исторического материализма», а потому история наша во многом превращалась в некую схему, где действуют «классы», «сословия», «крестьянство», «дворянство», «буржуазия», «пролетариат», да только нет живых людей со своими интересами, страстями, характерами, культурой, умом. Мы попробуем наполнить эту лакуну.

Тем более, что в постсоветские времена в Молдове истматовские схемы почти без всякой передышки были заменены новыми, не подлежащими сомнению и критике постулатами, согласно которым никаких молдаван в истории никогда не существовало, а на протяжении тысячелетий, со времен Иисуса Христа и Буребисты, румыны непрерывно проживали в своем «румынском пространстве», отбиваясь от «славянских варваров» и прочих «кочевников с востока». И сама молдавская государственность в этой схеме превращается в досадную историческую ошибку, своего рода некий курьез, постоянно мешавший объединению восточнороманских народов («румын») в единое могучее государство.

Эта схема, не имеющая вообще никакого отношения к исторической действительности, вот уже почти три десятилетия навязывается общественному сознанию Молдовы с целью смены молдавской идентично-

сти народа на румынскую. Какие-то результаты, возможно, и есть. И тем не менее, желание познать подлинное прошлое своего народа, а не мертвые схемы политиканов от истории, продолжает существовать в народе. Это желание неистребимо, как неуничтожимо стремление к свету истины в потемках полуправды и откровенной лжи. В этой книге мы попытаемся объективно описать несколько важных страниц из истории молдавского народа, из истории народов Бессарабии после их вхождения в состав Российской империи. Кто и как управлял этими народами на протяжении XIX – начала XX вв.

А для этого нам следует мысленно вернуться в начало XIX в., в то время, когда эта часть Молдавского княжества была освобождена от османского ига и вошла в состав России. Окончание войны 1806–1812 гг. завершилось подписанием М.И. Кутузовым Бухарестского мирного договора, что привело к освобождению восточной части Молдавского княжества – территории между Днестром и Прутом. С 1813 г. эта территория стала называться Бессарабией. Остальная часть княжества оставалась под турецким владычеством.

В 1812 г. увенчалась успехом трехсотлетняя борьба, которую вели молдавский и другие населяющие край народы против Османской империи и ее союзников. Этот исторический этап определил дальнейшую судьбу края, сыграл огромную роль в его развитии. Молдавское население Пруто-Днестровских земель, включенных в состав Российского государства, в полной мере сохранило национальное самосознание, этноним «молдаван» и глотоним «молдавский язык». Никто здесь и не помышлял ни о каких румынах, никто из молдаван к румынской нации себя не причислял, никто не стремился заменить молдавский язык языком румынским и молдавскую культуру культурой румынской. При этом никто и не отрицал, что за Прутом живут близкородственные люди по языку, по культуре, по исторической судьбе. Но там жили румыны. А здесь, на территории Пруто-Днестровских земель, сформировалась молдавская буржуазная нация, здесь жили молдаване. Как жили столетиями и ранее. Хотя, повторим, правовой статус Бессарабии в составе России не являлся национальной государственностью молдавского народа.

К началу XIX столетия Молдавское княжество оказалось разделенным на три части: в 1775 г. Австрия захватила Буковину, в 1812 г. Россия присоединила к себе Бессарабию, а остальная часть страны по-прежнему оставалась под властью Порты. Надо помнить, что и молдаване, и валахи начиная с XVII в. десятки раз обращались к России с просьбами о присоединении их к этой православной державе. В начале XIX в. по-

явилась реальная возможность это исполнить, но угроза наполеоновского нашествия на Россию не позволила к 1812 г. разрешить просьбы Дунайских княжеств о принятии их в состав Российского государства, полностью освободить земли Молдавии и Валахии от османского господства и, возможно, объединить их в составе одного государства.

Ведь в первые годы XIX в., т.е. до вступления в Дунайские княжества русских войск, Бессарабия в административном отношении делилась на три части. Лишь центральная ее область, включавшая Сорокский, Бельцкий, Оргеевский и Кишиневский цинуты, была под управлением молдавского господаря. Вторая часть – так называемые райи на Днестре и Дунае с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил и большим количеством сел, – составляла турецкую часть и управлялась чиновниками (пашами) султана. Наконец, третья часть, которая включала Буджак и простиралась на юге Днестровско-Прутского междуречья, была во владении буджакской орды татар с их столицей в Каушанах, законам Молдавского княжества не подчинялась.

С 1806 г. Бессарабия, как и княжество в целом, управлялось русской администрацией. А после Бухарестского мира по итогам русско-турецкой войны и присоединения Бессарабии к России система управления краем складывалась соответственно желаниям русского правительства сохранять местные законы и обычаи. В соответствии с «Правилами временного правления Бессарабии» 1813 года, официально закрепившими за краем название «Бессарабская область», здесь было введено на первых порах административное управление на автономных началах. В то же время правительство стремилось постепенно модернизировать феодальное право времен фанариотов, ввести в крае европейский стиль управления, губернскую административную систему, общероссийские законы и судопроизводство.

Эта тенденция обусловила своеобразие административного устройства и управления. Как же конкретно управлялась присоединенная к России территория? Кто находился здесь на вершухе властной пирамиды и каковы были его полномочия?

Фактически Бессарабия с 1813 по 1885 гг. находилась под двойным управлением: с одной стороны, – верховным, осуществляемым сначала главнокомандующим Дунайской армией, затем наместниками – генерал-губернаторами, потом военными генерал-губернаторами. С другой стороны, непосредственное управление областью, а затем губернией осуществляли гражданские, временами военные губернаторы Бессарабии. Относительно верховного управления отметим, что с 1812 по 1816 гг. Бессарабия находилась под верховным управлением

адмирала П.Б. Чичагова, бывшего главнокомандующего Дунайской армией. С 1816 по 1823 г. область была в ведении Подольского и Бессарабского военного генерал-губернатора А.Н. Бахметьева, наделенного полномочиями и наместника края. В связи с его отъездом на лечение эту должность временно занимал попечитель колонистов южной России генерал-лейтенант И.И. Инзов (1820–1823 гг.). С 1823 по 1874 г. Бессарабия находилась под верховным управлением Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, который до 1828 г. носил также титул «Наместник Бессарабской области».

Должность наместника Бессарабии была упразднена в 1828 г. С этого момента верховное управление краем перешло в руки Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, и эта система управления сохранялась вплоть до 1874 г., т.е. до упразднения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства. В этой связи полномочия Бессарабского военного губернатора были расширены. Однако вплоть до 1885 г. военный губернатор Бессарабии находился в некотором подчинении у Одесских генерал-губернаторов. Это были генерал-адъютант Э.И. Тотлебен, князь А.М. Дондуков-Корсаков, генерал-лейтенант Роок. Отметим, однако, что с 1823 по 1844 г. верховным правителем Бессарабии был граф, генерал-фельдмаршал М.С. Воронцов. С самого начала его правления наметился курс на ограничение автономных прав области.

Вместе с тем, в соответствии с «Правилами временного правления Бессарабии» 1813 года, было создано правительство области. Первым гражданским губернатором Бессарабской области стал молдавский боярин Скарлат Дмитриевич Стурдза (23 июля 1812 г. – 17 июня 1813 г.). Одновременно он являлся председателем областного правительства. В должности военачальника был утвержден генерал И.М. Гартинг. В связи с уходом С.Д. Стурдзы по состоянию здоровья полномочия губернатора были переданы генералу И.М. Гартингу (26 мая 1816 г. – 30 декабря 1817 г.). После И.М. Гартинга генерал-губернаторами Бессарабии были различные сановники и государственные чиновники, о которых мы еще поговорим на страницах книги.

«Правила временного правления Бессарабии» сохраняли жителям края их привычные обычаи, существовавшие с турецких времен и даже более ранних эпох. Основными законами здесь считались древние, неписанные «обычаи земли» и некоторые статьи уголовного права, которые действовали на территории Молдавского княжества за Прутом, по-прежнему находящегося под властью Порты.

Согласно «Временным правилам...» жители Бессарабии освобождались на три года от всех государственных податей. Однако чиновники-бояре продолжали собирать с крестьян государственные подати в свою пользу. Продолжавшийся произвол чиновников-бояр в цинутах вызвал недовольство и волнения среди крестьян Бессарабии. Были случаи ухода крестьян за Прут. Все это обеспокоило царское правительство. Оно было вынуждено принять меры по устранению наиболее вопиющих злоупотреблений со стороны бояр и чиновников.

В Петербурге видели необходимость некоторого ограничения прав бояр в управлении краем для облегчения положения простого населения и взяли курс на постепенное введение в Бессарабии общероссийских законов. Но действия губернатора в этом направлении встревожили боярство. Землевладельцы обратились к императору Александру I с просьбой назначить губернатора из местных бояр. Российское правительство, стараясь ничем не ущемлять интересов местной верхушки, уступило просьбам бояр. В результате в 1816 г. губернатор И.М. Гартинг был отстранен от должности. С этого времени была учреждена, как уже было отмечено, должность полномочного наместника Бессарабии. Им стал генерал-лейтенант А.Н. Бахметев (1816–1820 гг.), к которому перешли функции верховного правления краем.

Учреждение наместничества привело к ограничению прав гражданского губернатора и областного правительства, что явилось шагом на пути ограничения автономных начал административного управления Бессарабией. Одновременно Александр I в марте 1816 г. в рескрипте на имя Преосвященного экзарха, митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони выразил озабоченность положением дел в Бессарабии и подтвердил намерение «...даровать ей гражданское управление, сообразное с ее правами, обычаями и ее законами».

В апреле 1818 г. Александр I возвращался с австрийской границы, где проходили его переговоры с австрийским императором, и, направляясь в Одессу, по пути посетил Кишинев. На встречу с императором съехалось множество бояр. Прибыли даже бояре из соседних княжеств – Молдавии и Валахии. По результатам этой встречи императором был подписан давно готовившийся закон «Устав образования Бессарабской области 1818 года». По новому закону молдавские бояре были уравнены в правах с русскими дворянами. Были также учреждены Верховный совет при наместнике и областной суд. Совету принадлежала высшая административная и судебная власть. Уголовный суд, согласно

«Уставу», совершался на основании российских законов и решал дела на русском языке. Гражданский суд руководствовался молдавскими законами, или «обычаями земли». Областное и местное управление по-прежнему оставались в руках молдавских бояр. Делопроизводство велось на молдавском и русском языках.

Таким образом, Бессарабская область по своему юридическому статусу представляла собой автономную административную территориальную единицу в составе Российской империи. Такая форма государственности Бессарабии в виде автономии в составе Российской империи просуществовала десять лет. Законом «Учреждения для управления Бессарабской областью» от 29 февраля 1828 г. было положено начало реорганизации административной системы края по общероссийским стандартам. Принцип выборности в замещении административных должностей отменялся. Верховный совет Бессарабии, созданный в 1818 г. и обладавший законодательными функциями, был заменен областным советом, но уже как совещательным органом при генерал-губернаторе. Вместо областного правительства учреждалось Областное правление.

Следовательно, в 1828 г. Бессарабия фактически лишалась прежней формы самостоятельного и автономного управления. Были введены общерусские губернские учреждения и установлена общегосударственная налоговая система. Делопроизводство было переведено на русский язык. К середине 80-х годов молдавский язык был исключен из государственных учреждений. Его возрождение начинается лишь в последние десятилетия XIX в.

Бессарабия, однако, по-прежнему именовалась областью, поскольку в судебных учреждениях сохранились местные особенности, вытекающие из местного обычного права. Административное устройство и управление Бессарабией согласно закону 1828 г. сохранилось без существенных изменений вплоть до 1873 г., когда на основе буржуазных реформ, проведенных в России, Бессарабия была превращена в губернию общероссийского типа. Таковой она оставалась вплоть до декабря 1917 г.

В течение XIX века имели место некоторые изменения границ Бессарабии. Согласно Адрианопольскому мирному договору 1829 г., по результатам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. к Бессарабии отошло устье реки Дунай, до того находившееся под властью Порты. А затем в результате поражения России в Крымской войне (1853–1856 гг.), по Парижскому мирному договору 1856 г., южная часть Бессарабии была

передана Молдавскому княжеству, остававшемуся под властью Турции. Но после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. юг Бессарабии был возвращен России, а появившееся в 1859 г. на карте Европы новое государство – Объединенные княжества Молдавии и Валахии (позднее – Румыния) – получило территорию Северной Добруджи.

Бессарабия делилась на уезды: Хотинский, Бельцкий, Сорокский, Оргеевский, Кишиневский, Бендерский, Аккерманский и Измаильский. Губернским центром был определен г. Кишинев. Будучи в начале XIX в. небольшим поселением, сожженным турками перед скорым их бегством из Молдавского княжества, во второй половине века он становится одним из самых густонаселенных городов Российской империи.

С присоединением Бессарабии к России коренным образом изменились социально-экономические, политические и демографические условия исторического развития края. Значительно увеличился темп роста населения, расширился его этнический состав. За период 1812–1859 гг. население края выросло с 256 до 941,1 тыс. человек. А в начале XX в. в крае насчитывалось уже 2, 5 млн жителей, то есть население за столетие возросло в десять раз. В турецкие времена население княжества росло мизерными темпами (по 100 тыс. человек в течение столетия), а в отдельные годы и десятилетия число жителей края резко сокращалось.

Изменился этнический состав населения края. Удельный вес молдаван за период с 1817 по 1854 г. сократился с 78,2% до 54,9%. Во второй половине XIX в. этнический состав населения стабилизировался. По данным Всеобщей переписи населения России 1897 г., в Бессарабии проживали 920,9 тыс. молдаван, или 47,6% всего населения. Молдаване не составляли и половины жителей многонационального края, но были в регионе самой многочисленной этнической группой населения. Наряду с молдаванами здесь проживали украинцы, русские, гагаузы, евреи, болгары, немцы, цыгане, поляки, греки, армяне и представители других этносов. Взаимные межэтнические контакты формировали совместные традиции быта, способствовали сближению культур разных народов и их обогащению.

Вот что в общих чертах представлял собой этот край. А кто и как им управлял в XIX в., мы с вами узнаем в последующих очерках о каждом из его правителей.

Рис. 2. Почтовая открытка России XIX в.

РУССКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КНЯЖЕСТВА ДО ЕГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ (В ГОДЫ ВОЙНЫ 1806–1812 гг.)

Укрепление русского влияния на Востоке, успехи России во взаимоотношениях с Турцией в последние годы XVIII в. шли в разрез с захватническими планами наполеоновской Франции. Наполеон всемерно добивался ослабления России – своего наиболее опасного противника на пути реализации этих широких планов. Правда, неудачный для Бонапарта Египетский поход французов на территорию Османской империи на какое-то время омрачил радужные перспективы французско-турецкого сотрудничества на базе общих антироссийских интересов.

Однако подписание в 1802 году турецко-французского мирного договора, возобновление деятельности французских консульств в Дунайских княжествах открыли перед Францией широкие возможности для реанимации своей целенаправленной политики в Стамбуле в деле максимального обострения русско-турецких отношений. Подстрекаемые Францией реваншистские круги Порты, янычары и религиозные фанатики развернули бурную деятельность по возвращению потерянных ранее территорий (Крыма, Приднестровья и других), а также ликвидации влияния России в Молдавии и Валахии.

Используя неудачи России в войне с Францией (1806–1807 гг.), генералу Себастиани, французскому послу в Стамбуле, фанатично преданному Наполеону, удалось убедить турецкое правительство нарушить прежние договоры с Россией. Орас Франсуа Бастьен Себастиани, имя которого впоследствии было выбито на Триумфальной арке в Париже, сам участвовавший в битве при Аустерлице, предрекал турецким сановникам скорый разгром русской армии войсками Наполеона и поощрял султана Селима на открытые и демонстративные нарушения всех ранее достигнутых русско-турецких договоренностей. Следуя советам французов, в 1806 году султан сместил с престола господаря Александра Мурузи, обвинив его в содействии России, а на его место назначил профранцузски настроенного Скарлата Каллимаки. В Валахии вместо Константина Ипсиланти султан поставил Александра Суцу.

Все это вынудило Россию к решительным действиям. К тому же принуждала и угроза закрытия черноморских проливов Босфор и Дарданеллы для русских военных судов, превращение Балканского региона во французский плацдарм в случае войны против России, отказ сул-

тана от выполнения принятых обязательств в отношении Молдавии и Валахии, стягивание турецких войск в район Днестра, укрепление и усиление крепостей на Днестре и Дунае. В ноябре 1806 года, после подписания Александром I специального манифеста, в котором ввиду приближения французской армии к границам России, война объявлялась «необходимо-нужною», русские войска вступили в Молдавию. Так началась русско-турецкая война 1806–1812 гг.

В начале войны Россия заявила об отсутствии у нее каких-либо намерений аннексировать княжества. В диванах обоих княжеств был зачитан манифест Александра I от 23 декабря 1806 года, в котором объявлялось, что Россия будет четко соблюдать автономные права и привилегии княжеств, прежнее их управление и местные обычаи. В этих условиях население Молдавии и Валахии благосклонно относилось к русским войскам, которые, в отличие от османских и татарских войск, не грабили, не издевались над простыми жителями, крестьянами и горожанами. Более того, видя в этих воинах своих освободителей, крестьяне старались оказывать русским войскам посильную помощь, поскольку русское командование оплачивало поставляемую для армии провизию, фураж и другие товары по твердым ценам. При этом командование следило, чтобы насилие и грабежи были полностью исключены.

Стремление освободиться от тяжелого османского гнета в княжествах было всеобщее, за исключением небольшой части бояр протурецкой ориентации. Об этом всенародном стремлении свидетельствует очередное обращение молдавских бояр и

Рис. 3.
Митрополит Вениамин Костак

духовенства на имя императора Александра I от 24 июня 1807 года, в котором они писали, что начало войны «...подало нам повод согласно от мала до велика дерзнуть и со слезами прибегнуть к избавлению нашему и просить избавления... от бывшего на нас тиранского ига, от суровости иноверцев и опасностей от мятежников». Обращаясь к российскому руководству, авторы писали: «Истребите несносное правление, дышащее угнетением бедному сему народу, присоедините правление земли сей к Богохранимой державе». От имени молдавского народа данное прошение подписали митрополит Вениамин Костаке и еще 20 высших церковных и светских деятелей страны.

Вступление русской армии в Молдавию и Валахию стимулировало освободительное движение на Балканах. На многих оккупированных турками территориях начали формироваться воинские подразделения для вступления в состав русской армии. Во главе волонтерских отрядов стояли офицеры – выходцы из Молдавии, участники предыдущей русско-турецкой войны. Стремление молдавского народа присоединиться к России митрополит Вениамин Костаке выразил бессмертными словами: «Истинное счастье сих земель заключается в их присоединении к России».

Внутреннее положение княжеств было тяжелым. Длительное и разрушительное турецкое господство, расточительное правление господарей-фанариотов, русско-австро-турецкие войны, которые проходили на этой территории, довели край до обнищания и разорения. Все это заставило русское правительство и командование Дунайской армией принять действенные меры по административному устройству княжеств. При главнокомандующем Дунайской армией был учрежден пост председательствующего в диванах, на который был назначен действительный тайный советник, русский сенатор генерал С.С. Кушников. Фактически все нити гражданского управления находились в руках этого человека.

Сергей Сергеевич Кушников (1765–1839) был родом из Чебоксарского уезда Казанской губернии. Его мать была сестрой знаменитого русского писателя и историка Н.М. Карамзина, того самого, который о молдавском господаре Стефане Великом сказал удивительно точные слова: «Мужественный в опасности, твердый в бедствии, скромный в счастья... он был удивлением государей и народов, с малыми средствами творя великое» (эта характеристика многие десятилетия украшала памятник господарю в Кишиневе, пока не была разбита в начале перестройки варварами из Народного фронта Молдовы). Люди, хорошо знавшие Кушникова, отзывались о нем так: «Он был красавец собою,

Рис. 4. С.С. Кушников.
С картины В.А. Тропинина

ума основательного, человек просвещенный и добрый... Он говорил прекрасно по-французски... знал языки: немецкий и итальянский; был любимым адъютантом Суворова... и имел много иностранных орденов, которые до войны 12-го года были большою редкостью. Он сам любил Суворова, вспоминал об нем всегда с чувством...».

С.С. Кушников был отважным военным, участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., в результате которой левобережное Приднестровье вошло в состав России. Он отличился при штурме Очакова и получил за свой подвиг золотой крест. Как адъютант А.В. Суворова участвовал во всех крупных сражениях той войны.

Суворов отзывался о будущем председателе дивана Молдавии в письме к баварскому посланнику барону Бюлеву следующим образом: «Мой настоящий старший адъютант — полковник Кушников, известный Вам лично. Ему поручались все важные дела, причем он исполнял их с неизменным усердием и неутомимостью, чем и заслужил от меня полное одобрение».

Впоследствии Кушников воевал против Наполеона, затем перешел на гражданскую службу, стал московским вице-губернатором, петербургским гражданским губернатором, получил звание действительного тайного советника, был сенатором. Подавив восстание декабристов, император Николай I назначил Кушникова членом верховного уголовного суда над русскими офицерами-повстанцами. Он был среди тех немногих, кто голосовал против смертной казни для декабристов. С.С. Кушников стал одним из инициаторов и руководителей сбора народных средств и строительства в Москве Храма Христа-Спасителя, который был взорван в сталинскую эпоху, восстановлен уже в наши времена и по праву стал символом возрождения современной России.

В столицу Молдавии Яссы сенатор Кушников прибыл в феврале 1808 г. и прослужил здесь до февраля 1810 г. Непосредственной зада-

чей русской администрации было снабжение армии продовольствием и всем необходимым. Крестьяне охотно, как отмечало в своих донесениях русское командование, выполняли оплачиваемые работы по перевозке грузов, строительству дорог и переправ, поставкам продовольствия. Но алчные бояре из местной администрации по привычке продолжали собирать с населения налоги «для нужд военного времени» в двойном и тройном размере, разоряя крестьян и обогащаясь за их счет.

Получая от населения многочисленные жалобы на бесчинства и беззакония местных чиновников, русское командование, заинтересованное в надежных тылах, было вынуждено учредить строгий контроль за деятельностью местных чиновников. Это означало ограничение вопиющих злоупотреблений бояр-чиновников, устранение из органов управления бояр протурецкой ориентации. Новая администрация провела ряд прогрессивных мероприятий. Была введена денежная отчетность, под угрозой сурового наказания запрещены взятки, было упорядочено судопроизводство и приняты меры по ускорению рассмотрения дел. Для наблюдения за выполнением судебных решений были учреждены специальные комитеты. В своей деятельности Кушников и вся русская администрация опиралась на бояр, настроенных прорусски. Молдавские земли, составлявшие бывшие турецкие территории (Бендерская, Аккерманская, Хотинская и др. райи) и находившиеся под управлением турок, были возвращены княжеству. На их жителей распространилась власть дивана.

Между тем, после некоторого затишья весной 1807 г. военные действия в районе дунайских крепостей возобновились. И все-таки кампания 1807 года затягивалась. Русская дипломатия следила за разгоревшейся придворной борьбой части турецких пашей против султана. В 1807 году янычары свергли султана, но и при новом султана положение Порты не улучшилось. Турция погружалась в пучину глубокого кризиса.

Россия тоже испытывала трудности из-за неудач в европейских войнах с Наполеоном и готова была заключить мир с Портой, вывести свои войска из Дунайских княжеств, естественно, при условии подтверждения Турцией всех прежних договоров с Россией. Турция отвергла предложения Петербурга. Однако неожиданно для Турции 25 июля 1807 года между Россией и Францией был заключен Тильзитский мир. Молдавия и Валахия вошли в сферы влияния России, а Франция стала посредником в русско-турецких переговорах. Обеща-

ние Наполеона Александру вступить в войну против Турции на стороне России и отдать России оба Дунайских княжества, если Стамбул не пойдет на выгодный для России мир, сделало Порту более покладистой. В августе 1807 года Петербург и Стамбул заключили Слободзейское перемирие. Хотя война временно приостановилась, но Турция теперь уже под влиянием английских дипломатов не была склонна подписывать мир на условиях, предложенных Россией. Англичане рассматривали Россию как союзника Наполеона и настраивали турецких сановников на продолжение военных действий.

После вступления русской армии в Бухарест в декабре 1806 года сюда вернулся господарь Валахии Константин Ипсиланти, а господарь Молдавии Скарлат Каллимаки, не добравшись до столицы Молдавии, бежал в Стамбул. Но вскоре взаимоотношения К. Ипсиланти с главнокомандующим Днестровской армией И.И. Михельсоном сложились неблагоприятно. Наряду с привлечением населения к выполнению работ по обслуживанию армии, Михельсон, по слухам, потребовал у господаря еще 80 кошельков денег. В разоренных и ограбленных княжествах такую сумму собрать, как полагал господарь, невозможно, отказавшись от ее сбора. Иван Михельсон пригрозил в случае невыполнения требования отдать Константина Ипсиланти туркам. Господарь бежал в Петербург и пожаловался царю Александру I. Михельсон был отозван из армии. Под угрозой разжалования генерал застрелился в Бухаресте, как считали многие. На самом же деле генерал скончался своей смертью, а его забальзамированное тело было перевезено в его собственное имение и похоронено в России. В декабре 1806 года каймакамом Молдавии стал Иордаке Русет-Розвани.

Назначенный в июле 1809 г. главнокомандующим Молдавской армией П.И. Багратион активизировал военные действия, взяв крепости Мачин, Кюстенже, Измаил и Браилу, разбил турецкий корпус у Рассавета, разгромил турок под Татарицей. Но по иронии судьбы на войне с турками отважный русский офицер одерживал гораздо более весомые победы, чем на поле борьбы с чиновниками из молдавской администрации. Зима 1809–1810 годов прошла в борьбе П. Багратиона с местной боярской оппозицией, подстрекаемой австрийскими и турецкими агентами. Генерал строго наказывал крупных бояр за безграничное лихоимство, грабежи населения и измену, для чего создал специальную комиссию по расследованию злоупотреблений на местах.

Рис. 5. П.И. Багратион.
С картины Дж. Доу

Наведение Багратионом порядка в гражданском управлении княжеством имело шумный и скандальный успех. В очередной раз был смещен штат высших чиновников. Сбор податей и выполнение повинностей были взяты под контроль русского командования и русских чиновников. Это вызвало возмущение в среде местных бояр, которые стали терять часть своих доходов, получаемых от нещадного ограбления населения, от безнаказанности, беззаконий и произвола. Волны политических интриг боярства накрыли Молдавию и Валахию. В Петербург посыпались негодующие жалобы

и доносы от бояр. Александр I, не желая раздражать местные элиты, сменил главнокомандующего и председательствующего в диванах. Вместо Багратиона командующим стал престарелый генерал-фельдмаршал А.А. Прозоровский, а после его смерти в лагере на берегу Дуная в августе 1809 г. командующим назначен нетерпеливый, заносчивый, но обожаемый солдатами молодой генерал Н.М. Каменский. Вместо С.С. Кушникова председательствующим в диванах Молдавии и Валахии становится бывший киевский губернатор, действительный тайный советник, сенатор В.И. Красно-Милашевич, добрейшей души человек.

Увольнение с должностей высокопоставленных российских военных и гражданских чинов, конечно, являлось определенным знаком местной элите: вас слушают, с вами считаются, ваши интересы будут учтены. Тем не менее, политика разумного реформирования и модернизации административного управления и судопроизводства, а вместе с ней и оживление торговли, развитие ремесел и поддержка просвещения в Молдавии и Валахии свернуты не были. Россия имела здесь свою важнейшую стратегическую цель, от которой отказываться не собиравась. Эта цель состояла в закреплении авторитета России на Балканах и распространении русского влияния на все поработанные Турцией православные народы.

Рис. 6. В.И. Красно-Милашевич

Василий Иванович Красно-Милашевич (1752–1820) был русским офицером, имел множество наград. Участвовал в последней русско-турецкой войне XVIII в. и в чине генерал-майора получил орден Св. Георгия с такой формулировкой: «Во уважении за усердную службу, храбрые и мужественные подвиги, оказанные в сражении при Мачине и разбитии войсками Российскими под командою генерала князя Репнина многочисленной турецкой армии». Перейдя на гражданскую службу, он возглавил киевское наместничество, стал сенатором, действительным тайным советником. В диванах Молдавии

и Валахии, проживая в Яссах, председательствовал с 1810 г. до 1812 г., до окончания войны.

Военные действия 1810–1811 годов продолжали развиваться благоприятно для русской армии, которая овладела правым берегом Дуная. Однако международная обстановка после прекращения Петербургом континентальной блокады Англии резко изменилась в худшую сторону для России. Франция стала убеждать Турцию не идти на мир с Петербургом. Но неизбежность войны с Наполеоном побуждала Россию к скорейшему заключению мира с Портой. Каменский, передав командование Молдавской армией графу А.Ф. Ланжерону, по болезни отбыл в Одессу, где неожиданно скончался от лихорадки. Окружение царя требовало укрепления и смены командования армией на Дунае. Александра фактически принудили передать Молдавскую армию в руки бывшего киевского военного губернатора, нелюбимого им М.И. Кутузова, который великолепно знал обстановку на месте, ибо служил при Прозоровском командиром корпуса этой армии.

Новому главнокомандующему пришлось развернуть свою военно-дипломатическую деятельность в сложной обстановке. С армией, сокращенной почти на половину (пять дивизий с турецкого фронта были отправлены на укрепление западной границы, на случай вторжения Наполеона), М.И. Кутузову не только надобно было отстоять завоеван-

ные позиции, но и разгромить противника, а главное – заключить выгодный для России мир.

Одновременно с военными действиями М. Кутузов уделял большое внимание внутреннему положению княжеств. Им были приняты срочные меры в области административного делопроизводства, ограничения произвола и злоупотреблений чиновников-бояр, командиров воинских частей и улучшения экономического положения княжеств. Русская администрация добивалась, чтобы крестьяне своевременно засевали и обрабатывали свои наделы. Военные коменданты организовывали и оказывали помощь населению в проведении сельскохозяйственных работ.

Села, пострадавшие от войны, освобождались русской администрацией от государственных повинностей, была сокращена подводная повинность для нужд армии. Были активизированы работы по исследованию богатств недр земли Молдавии, начатые в 1810 году группой специалистов-металлургов, которые обнаружили в районе Байи, Хангу, Бележет и Нямц железную и золотую руду. Русское командование и гражданская администрация предприняли меры также и по совершенствованию образования, распространению просвещения среди населения княжеств. Из Киева и других русских городов в Яссы и Бухарест приглашались ученые и учителя для работы в местных учебных заведениях. Заметно улучшилось благоустройство городов.

Административные, хозяйственные и культурные мероприятия, проводимые в княжествах, преследовали цель притупить, в определенной мере, тяготы войны, усилить тыл русской армии, привлечь симпатии населения не только княжеств, но и всего Балканского полуострова к России и тем самым укрепить здесь влияние империи, русского государственного устройства, русской культуры, русского духа. При этом правительство России стремилось опираться на местных бояр, сохранив все их привилегии. Петербург даже не жалел авторитета и достоинства прославленных своих генералов, лишая их должностей и званий за любое нарушение основ этой политики, малейшее отклонение от этой общей линии.

Между тем, война продолжалась, пожирая жизни людей и колоссальные средства. С начала войны, 1806 года, и до марта 1811 года сменилось четыре главнокомандующих Дунайской армией, бои шли с переменным успехом, военным действиям и кровопролитию не было видно конца. А с запада на Россию надвигалась страшная гроза – нашествие «двунадесяти языков» наполеоновской армады. Прибыв в Молдавию, которую он назвал «магазинном Цариграда», Кутузов сразу приступил к подготовке разгрома турецких войск.

Рис. 7. М.И. Кутузов.
С картины Р.М. Волкова

У М.И. Кутузова под рукой были четыре дивизии, насчитывавшие 27 тысяч человек пехоты, 13,7 тысячи кавалерии, 4,5 тысячи артиллеристов, в том числе и части, занятые осадой крепостей. У османов только под Шумлой была 80-тысячная армия, а все силы турок превосходили во многом силы Кутузова. Военный талант российского полководца проявился в том, что он не стал идти к Шумле, где прочно засел великий визирь Ахмет с основным войском. Это было бы самоубийством; Кутузов решил хитростью выманить его из крепости, распространяя слухи о слабости русской армии. Он очистил от

османов населенные пункты на правом берегу Дуная, закрепившись в крепости Рушук.

Турецкий командующий Лаз Азиз Ахмет, будучи осведомленным о сокращении русских войск, с 60-тысячной армией в июне 1811 года атаковал 15-тысячный отряд Кутузова под Рушукком, но все атаки турок были отбиты. Османы вынуждены были отступить. Кутузов отказался от заманчивого в таких случаях преследования и решил заманить противника на левый берег Дуная. Великий визирь расценил этот шаг русских войск как беспорное доказательство их слабости и во главе 35-тысячного отряда у местечка Слободзеи переправился на левый берег Дуная, где его ждал Кутузов. Русские войска окружили войска Ахмета, начав их уничтожение. В это же время Кутузов направил 10-тысячный корпус генерал-лейтенанта Е.И. Маркова на правый берег Дуная, который с ходу овладел турецким лагерем, захватив все склады с боеприпасами, продовольствием, турецкую артиллерию. Тем самым турки лишились возможности оказания помощи армии Ахмета на левом берегу Дуная. Окруженные войска Ахмета были разгромлены. Сам великий визирь бежал из окружения, был обвинен в некомпетентности и снят с должности.

Потерпев жестокое поражение под Рушукком, Стамбул в очередной раз пошел на переговоры. Но мирные переговоры вовсе не означали

всеобщего умиротворения на истерзанной боями земле. Как и предыдущие войны, русско-турецкая война 1806–1812 гг. принесла княжествам и их населению неисчислимые бедствия. Пребывание русских войск на территории Молдавии и Валахии в течение 6 лет требовало огромных затрат. В условиях, когда в княжествах традиционно были живучи взяточничество, казнокрадство, не предусмотренные законом поборы с населения боярами-чиновниками под видом сбора дани для нужд армии, обстановка накалилась еще больше. Эту ситуацию использовали в своих интересах турецкие, австрийские и в особенности французские дипломаты и их агенты. Все это пришлось преодолеть русской администрации, используя поддержку своих сторонников, которых было все же несравненно больше, чем недругов.

Переговоры завершились в Бухаресте подписанием 16 мая 1812 года русско-турецкого мирного договора. По его условиям Порты уступила России восточную часть Молдавского княжества – территорию Пруто-Днестровского междуречья, которая с 1813 года стала именоваться Бессарабией.

С заключением этого мирного договора прекратила свою деятельность русская администрация. Порты в очередной раз, как это было принято, назначила господарем Молдавии своего человека – фанариота Скарлата Каллимаки, представителя офанариотившегося рода, основанного молдаванином Ионом Кэлмэцуем под именем Иоан Каллимаки. Освобождение от османского ига по условиям Бухарестского мира части территории Молдавии – от Карпат до Черного моря и от Днестра до Прута – означало этническую сепарацию (разделение) некогда единой молдавской народности на две части, которые с этих пор стали разделять государственные границы Османской и Российской империй. Хотя, справедливости ради, нельзя не отметить, что молдаване переживали сепарационные акты задолго до Бухарестского мира: северные районы в Буковине в свое время отхватила Австрия, часть молдавских сел турки приписали к своим райям и управляли ими по законам шариата, юг Днестровско-Бугского междуречья захватила буджакская орда, левобережные районы Днестра принадлежали Польше и Крымскому ханству.

Сама по себе подобная сепарация не является каким-то уникальным или невиданным явлением в истории. Переселение части норвежцев в древние времена на остров Исландия привело со временем к появлению исландской нации. В результате освоения англичанами континента Австралия рождается австралийская нация. А заселение и освоение англичанами, ирландцами, французами и другими европей-

цами Северной Америки привело к появлению новых наций, американцев, канадцев и др. В Молдавии никаких переселений этническая сепарация не предполагала. Но свое исконно родовое имя – молдаване – сохранила лишь та часть молдавского этноса, которая проживала между Прутом и Днестром, а также в левобережном Приднестровье. И даже на территории Запрутской Молдовы в Румынии еще многие десятилетия второй половины XIX в. новоиспеченные румыны продолжали по-прежнему называть себя молдаванами, а некоторые жители и по сей день не теряют своего молдавского самосознания.

Но в целом население Запрутской Молдовы, оставшееся в 1812 г. в составе Османской империи, имело другую судьбу. Продолжая бороться за свое национальное освобождение от османского ига, молдаване и валахи в этой совместной борьбе объединялись, а в 1859 г. создали единое государство под объединенным управлением, которое позже было названо Румынией. С появлением на политической карте мира нового государства название «Молдавия» как имя территориально-государственного организма надолго исчезает. А процессы взаимной ассимиляции близкородственных народов – молдаван и валахов, да и других восточно-романских групп, формируют на протяжении многих десятилетий в единых государственных границах новый этнос – румынский.

Идеологи агрессивного румынизма с тех пор на протяжении всего XX века пытаются насильственно включить в свой состав также и молдаван Пруто-Днестровского региона вместе с левобережным Приднестровьем. Это удалось сделать ценой большого кровопролития в 1918–1940 гг. и в 1941–1944 гг. Это не удалось сделать в 1991–1992 гг., когда мужество защитников Приднестровья позволило не только отстоять государственную независимость ПМР, но, по большому счету, – и спасти, сохранить государственность Молдовы. Но молдавская государственность, как оказалось, не нужна кишиневским унионистам, а также их румынским покровителям, их спонсорам и хозяевам в наши дни.

Как бы там ни было, но в начале XIX в. некогда единый в Средневековую эпоху молдавский этнос волею исторических судеб оказался в двух независимых и слабо связанных между собой державах, в которых шло интенсивное формирование на его основах двух самостоятельных наций. Это требует от нас рассматривать их историю отдельно. Кто управлял Запрутской Молдовой в период с 1812 по 1859 г., до создания румынского королевства – тема отдельного разговора. В этой книге мы посмотрим, кто управлял Бессарабией в составе Российской империи с 1812 по 1917 г.

СКАРЛАТ ДМИТРИЕВИЧ СТУРДЗА (Июль 1812 – июнь 1813 г.)

Рис. 8. С.Д. Стурдза

Последним молдавским господарем до ликвидации в 1859 г. Молдавского княжества и его объединения с Валахией был Александр Иоан Куза. Но его власть, как и власть его предшественников, в первой половине XIX в. распространялась лишь до реки Прут. К востоку от Прута тоже проживали молдаване, но это была другая территория, другая страна, другие законы и порядки, другое управление. И, поскольку запрутские молдаване после образования единой Румынии постепенно ассимилировались с валахами в одну румынскую нацию, именно молдаванам Бессарабии и Приднестровья суждено было

судьбой стать наследниками и продолжателями культуры, языка, традиций, истории древнего молдавского этноса, формирование которого шло из глубины веков многие столетия.

Однако в составе России молдаване не имели своей национальной государственности, что, как мы уже говорили, не влекло каких-либо трагических последствий для их положения в империи и возможностей собственного развития. Они жили на своей территории сначала в области, потом преобразованной в губернию по общерусским законам, и управлялись чиновниками, подчинявшимися общероссийскому законодательству. Законы Российской империи не содержали каких-либо положений, направленных на ущемление жителей, принадлежавших к той или иной национальности. Правда, имелись законы, ограничивающие население по конфессиональному признаку, по их вере. Но абсолютное число молдаван были православными, и эти дискриминационные положения (черта оседлости, ограничения в образовании и проч.) их не касались ни в коей мере.

Первым гражданским губернатором Бессарабской области после присоединения Бессарабии к России стал шестидесятидвухлетний бо-

ярин Скарлат Стурдза. Он родился в 1750 г. в родовитой семье знатного и богатого молдавского царедворца Дмитрия Стурдзы. Его отец занимал высокие должности при дворе господаря и был великим ворником, т.е. главным судьей, которому подчинялись все остальные судебные инстанции страны. Он был логофетом, главой господарской канцелярии и боярского дивана, хранителем государственной печати, а по сути – вторым человеком в княжестве. Супруга Дмитрия и мать Скарлата Роксана Гика также принадлежала к высшему обществу молдавского княжества и была дочерью Григория II Гики, который в 20–40-х годах XVIII в. четыре раза восходил на молдавский престол и два раза на престол Валахии.

Вообще боярский род Стурдза занимал далеко не последнее место в истории средневековой Молдавии. Впервые он упоминается в документе, написанном в 1540 г., а основателем потомственного дворянства считается великий ворник Илья Стурдза, который был возведен в это звание грамотой трансильванского князя Михаила I Алафи в 1579 г. Один из предков Скарлата Григорий Стурдза был в 60-е годы XVIII в. великим логофетом и принял деятельное участие в составлении законодательного сборника, известного как «Уложение Григория Каллимаки». Другой представитель этого рода Иоанн Стурдза был избран боярами господарем и после утверждения султаном Махмудом правил Молдавией в 20-е гг. XIX в. Молдавским господарем был также и племянник Скарлата Михаил Стурдза, который опирался на Россию и правил княжеством с 1834 до 1849 г. Высшие должности в государстве занимали и многие другие представители этого рода.

Неудивительно, что Скарлат получил блестящее образование в Лейпцигском университете и воспитывался здесь в духе вольнолюбивых идей просвещения и прогресса, был знаком со многими учеными-современниками. Здесь же укрепились его симпатии к России, молодому сильному государству, перед которым открывались широкие горизонты будущего в отличие от слабеющей и дряхлеющей восточной деспотии османов. В Молдавском княжестве Скарлат Стурдза стал казначеем, а затем членом дивана. Он женился на Султане Морузи, дочери молдавского господаря Константина Морузи.

Его пророссийские взгляды ни для кого не были секретом. Поэтому после подписания Ясского мира в декабре 1791 г., когда русские войска покидали княжество, а турецкие возвращались, Скарлат Стурдза вынужден был бросить все свое имущество, свои земли и имения, чтобы уйти в Россию вместе со всем своим многочисленным семейством. Вы-

сокопоставленный боярин вполне понимал, какие опасности поджидают его и его семью, попади он в руки свирепых янычар, – турки не прощали симпатий к России ни крестьянам, ни верхам подчиненных им народов. Потеряв в княжестве почти все свои богатства, Скарлат Стурдза получил в России орден Святого Владимира и статус эмигранта, пусть и почетного, пусть и приближенного ко двору и высшему свету Петербурга. Сын Скарлата Александр Стурдза поступил на службу секретарем министра иностранных дел канцлеру графу Иоанну Каподистрия, а дочь Роксандра, живя в Царском Селе и Петербурге, через несколько лет стала фрейлиной супруги будущего российского императора Александра I Елизаветы Алексеевны.

Вскоре семья переселяется в имение, подаренное Скарлату Дмитриевичу императрицей Екатериной, в Могилевской губернии. Здесь она уединенно жила в тишине и покое, пока в 1803 г. после всех столичных катаклизмов и перемен (смерть Екатерины, переход власти к Павлу, убийство Павла, восшествие на престол Александра) вновь возвращается в Петербург. Здесь С.Д. Стурдза получает чин действительного статского советника – один из высших чинов государственной иерархии страны. Чин соответствовал званию генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте, давал право занимать должности директора департамента, губернатора, градоначальника и предполагал обращение «Ваше превосходительство». Представители этого класса дворянства определяли политику страны.

Рис. 9. П.В. Чичагов

Весной 1812 г., когда русско-турецкая война близилась к завершению, Скарлат Стурдза прибыл в Бухарест вместе с адмиралом Павлом Васильевичем Чичаговым, командующим Дунайской армией и Черноморским флотом. Александр подписал указ о назначении адмирала Чичагова командующим и генерал-губернатором Молдавии и Валахии 7 апреля 1812 г., будучи недовольным медлительностью М.И. Кутузова на переговорах с турками. Отправляя в Молдавию Чичагова, Александр сказал адмиралу примечательные слова: «Я Вам

не даю советов, зная, что Вы – злейший враг произвола». Скорее всего, император России намекал на то, что под его начальством крепостного состояния крестьян в Молдавии вводиться не должно; он действительно знал адмирала Чичагова как убежденного противника крепостной неволи и сторонника отмены в стране крепостного права.

С этими напутствиями царя Стурдза и Чичагов направились на юг. Но Кутузов еще до их прибытия подписал в Бухаресте с турками мирный трактат, по которому граница между Османской и Российской империями переносилась с Днестра на Прут, а территория Бессарабии полностью освобождалась от турецких войск и входила в состав России. В условиях уже начавшейся войны с Наполеоном П.В. Чичагов в июле 1812 г. уводит Дунайскую армию на север, в Волынь, для соединения с 3-й Западной армией генерала А.П. Тормасова. А Скарлат Стурдза тогда же, 23 июля 1812 г., получает назначение на пост губернатора только что образованной Бессарабской области Российской империи. Так первым гражданским губернатором Бессарабии становится родовой молдавский боярин С.Д. Стурдза.

В области, которую получил в свои руки первый ее губернатор, насчитывалось примерно 250 тыс. жителей. Здесь было несколько небольших городов, главным образом, рядом с бывшими турецкими крепостями – Бендеры, Аккерман, Хотин (Кишинев и Бельцы были названы городами в 1818 г., а Оргеев, Сороки, Кагул еще позже – в 1835 г.). В области насчитывалось еще немногим больше 750 селений, и только 8 из них не имели своей православной церкви. Таков был уровень набожности населения, что совершенно естественно для времени, когда вся жизнь человека от рождения до смерти регламентировалась церковью и зависела от нее.

Учитывая это обстоятельство, молдавский митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони, которому подчинялось молдавское духовенство, а реально через него и все население, задумал превратить церкви не только в центры местной духовной и общественной жизни, но и в центры административного управления Бессарабией. Когда российский император поинтересовался мнением губернатора на этот счет, Стурдза ответил, что есть смысл сохранить традиционное влияние церкви на жизнь местного населения, поскольку это влияние имеет глубокие исторические корни 300-летнего турецкого владычества и враждебной населению края османской законности, которой молчаливо противостояла православная духовность. Тем не менее, административное управление должно быть самостоятельным и не зависеть от церковных правил. План митрополита губернатор не поддержал.

Рис. 10. Митрополит
Гавриил Бэнулеску-Бодони

Бэнулеску-Бодони, имевший высокий авторитет в придворных кругах Петербурга, настаивал на своем варианте. И ему, как искусному дипломату и убедительному полемисту, действительно удалось провести некоторые свои принципы, тем самым немного «подмочив» репутацию губернатора. И это скоро сыграет свою роль. Однако Стурдза, несмотря на почтенный возраст, недомогания и болезни, продолжал организовывать государственное устройство своей области, стараясь не особенно рушить устоявшиеся с турецких времен традиции и привычный для населения уклад жизни.

В это время в Петербурге граф Иоанн Каподистрия разрабатывает основной закон для вновь приобретенной области «Правила временного управления Бессарабии». Этот закон был принят в марте 1813 г. и передавал всю военную власть генералу, а гражданское управление – в ведение гражданского губернатора и областного правительства. Правительство состояло из Общего собрания (в него входили советники административных учреждений, а председательствовал сам губернатор) и двух департаментов; один – судебный, другой ведал статистикой, финансами и коммерцией.

Дела в правительстве и обоих департаментах велись параллельно на русском и молдавском языках, а в составе администрации численно преобладали молдавские чиновники. На 7 молдавских приходилось 5 русских чиновников. Что касается власти на местах, в уездах, то она полностью оставалась в руках местных бояр, как это было и при турках. Исправники сами решали дела, руководствуясь не российскими законами, а местными «обычаями земли». Они назначали своих подчиненных в округа, околашей, и на участки – капитанов де мазыл и капитанов де тырг. По сути, сохранение старой откупной системы турецко-фанариотских времен делало местных бояр полновластными хозяевами своих территорий. И это в условиях, когда никаких налогов

и обязательных поставок для турецких властей не собиралось, когда все доходы текли в карманы боярского начальства!

Стурдза сумел не только ничем не ущемить интересы молдавских бояр, но даже и гарантировать неприкосновенность их произвола, взяточничества, волокиты и бюрократизма. Корыстолюбие и издевательство молдавских бояр почти никак не ограничивались общероссийскими законами. И, тем не менее, «Правила» 1813 г. устанавливали единую структуру административного управления в крае, вводили отчетность в учреждениях и допускали некоторый мягкий контроль над деятельностью чиновников. А это само по себе являлось шагом вперед от пережитков ненавистных народу порядков времен фанариотского беззакония и произвола к порядку и стабильности.

С.Д. Стурдза, возможно, по природной мягкости и деликатности, а возможно, и упрямого нежелания «ущемлять» интересы бояр, никаких шагов не предпринимал для пресечения их взяточничества и беззаконий. Не исключено, что он и не собирался этого делать, своеобразно понимая свою роль в процессе благоустройства своей родины в составе Российского государства. Но в любом случае он не учел, что является теперь не самовластным бесконтрольным монархом, а российским чиновником. В столицу полетели жалобы о творящихся в крае беззакониях и коррупции. А крестьяне, не видя никаких перемен к лучшему в своем положении, были готовы покинуть пределы Российской империи. Над Стурдзой стали сгущаться тучи.

Вскоре из Петербурга в Кишинев приезжает специальная правительственная комиссия под руководством ревизора А. Байкова. Комиссия вскрыла факты злоупотреблений и коррупции, ущемления законных интересов крестьян, их нещадной эксплуатации, грабежей и обманов. В отчете ревизионной комиссии сказаны слова, которые не могли не вызвать беспокойства и озабоченности в правящих кругах страны: «Крестьяне, обремененные непосильной данью и незаконными налогами, вынуждены бросать семейные очаги, бежать через Прут и обустроить свою жизнь на территории турецкой империи... Искренне жаль, если эта страна, будучи населенной и богатой сельхозпродукцией, будет обречена стать пустыней».

Расследование творимых боярами в крае беззаконий и преступлений против местного населения показало, что С. Стурдза абсолютно не проводит требуемую от него политику превращения Бессарабии в своеобразную витрину для православных народов Балкан, томящихся под османским владычеством. Наоборот, его политика покровительства ненасытным и жадным аппетитам боярства разоряет крестьян и за-

Рис. 11. Гранитная колонна с крестом на могиле С.Д. Стурдзы

ставляет их бежать из России. Это было совершенно недопустимо. В июне 1813 г. действительный статский советник С.Д. Стурдза ушел с поста гражданского губернатора Бессарабской области по болезни. В начале апреля 1816 г. он умер в Кишиневе. Был похоронен в Санкт-Петербурге на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Могила эта сохранилась до наших дней.

Вскоре рядом с отцом была похоронена и дочь бывшего губернатора Елена Скарлатовна. Она вышла замуж за российского дипломата, посла России в Швейцарии и Баварии, литератора

Д.П. Северина. Но счастье молодых было краткосрочным. В возрасте 24 лет в 1818 г., через пять месяцев после свадьбы, Елена умерла.

Сын первого бессарабского губернатора Александр Скарлатович Стурдза (1791, Яссы – 1854, Одесса) был известным в свое время писателем-теологом, дипломатом, общественным деятелем. По приглашению русского поэта В.А. Жуковского сотрудничал в основанном А.С. Пушкиным журнале «Современник», печатал статьи исторического содержания, дружил и общался с великим русским поэтом в 1823–1824 гг.

Дочь губернатора Роксандра Скарлатовна Стурдза (1786, Стамбул – 1844, Петербург), фрейлина императрицы, также была давнишней знакомой А.С. Пушкина еще по Царскому Селу, а затем и по Петербургу. Она получила в дар от Александра I землю в Бессарабии и поселилась в имении

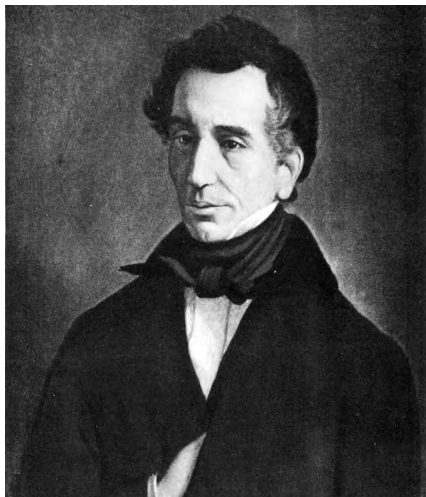

Рис. 12. Писатель А.С. Стурдза

Манзырь в Бендерском уезде. В замужестве за саксонским дипломатом А.К. Эдлингом, проживавшем в России, она стала графиней Эдлинг. В рукописях А.С. Пушкина сохранился рисунок Роксандры Эдлинг, датированный апрелем 1821 г., когда поэт находился в кишиневской ссылке.

Внучка губернатора Мария Александровна Стурдза была известной одесской красавицей. Стала женой российского князя Е.Г. Гагарина, а их потомки положили начало известному княжескому роду и носили двойную фамилию Гагарины-Стурдзы. Когда 12 апреля 1961 г., впервые в истории преодолев земное притяжение, в космос полетел первый человек Земли Юрий Алексеевич Гагарин, многие зарубежные газеты, особенно эмигрантская пресса, достаточно оживленно обсуждали вопрос, принадлежит ли советский космонавт к этому знатному российско-молдавскому дворянскому роду. Как было доказано впоследствии, никакого отношения к молдавским боярам первый в истории человечества космонавт не имеет и вовсе не является отдаленным потомком бессарабского губернатора и нескольких молдавских господарей.

ИВАН МАРКОВИЧ ГАРТИНГ (Июнь 1813 г. – октябрь 1817 г.)

Рис. 13. И.М. Гартинг

Недовольство бояр попытками Петербурга навести порядок в присоединенной к России земле Пруто-Днестровского междуречья и тем самым ограничить их воровство и взяточничество, как мы уже говорили, вызвало поток писем в столицу с просьбами «сохранить законы области» и «дать гражданского правителя сей области из природных молдаван». Но эти политические требования получили обратный эффект. Губернатор С.Д. Стурдза, принявший сторону бояр, был снят с должности.

Российские власти были разочарованы тем, что губернатор не спешит выполнять строгие инструкции, полученные им при вступлении в должность лично от царя через адмирала П.В. Чичагова: «Надобно дать восчувствовать жителям Бессарабии выгоды отеческого и щедрого правления и искусным образом обратить на область сию внимание пограничных народов. Последняя война занимала умы и надежды молдаван, валахов, греков, болгар, сербов и всех народов, привязанных к России... Болгары и сербы, молдаване и валахи ищут отечества. Вы можете оное им предложить в сем крае». Стратегический замысел императора Александра I на Балканах требовал, чтобы губернатор с самого начала принимал практические меры по развитию экономики, торговли, просвещения, в короткие сроки вывел бы край из сферы средневековой восточной деспотии, привел бы его к нормам просвещенной европейской цивилизации. Эти планы в корне противоречили экономическим интересам молдавских бояр, желающих только одного – бессовестно и беспощадно грабить местное население, сохраняя для этого фанариотские порядки взяточничества и продажности.

Жалобы бояр, их стремление сохранить в крае турецко-фанариотские законы для своего безудержного обогащения, как и поддержка этих планов назначенным губернатором, вследствие чего началось

бегство населения за Прут в Османскую империю, показали, что пора дать Бессарабии такого руководителя, который, как требовал Петербург, смог бы «поставить все в движение, чтобы возбудить в жителях этой области любовь к родине и правительству». Более того, губернатору вменялось в обязанность, чтобы все, ищущие спасения от турецкого гнета, нашли бы его в Бессарабии, где «их имущество и справедливость» будут обеспечены законом и всей мощью Российской державы. А для этого следовало не потакать растущим аппетитам взяточников и сребролюбцев, а справедливо подбирать чиновников, чтобы «общественные должности были правосудно распределены» и «правотой правления заставить жителей Бессарабии забыть отсутствие законов, приведенных в систему». Выполнение этого требования российским правительством было решено возложить на русского инженера, 54-летнего генерала И.М. Гартинга.

Иван Маркович Гартинг имел голландские корни и родился в 1758 г. в семье Марка Гардинга и его супруги Марии Команс. Во времена правления Екатерины он в 15-летнем возрасте поступил на военную службу в качестве прапорщика инженерных войск русской армии. Служил под командованием графа А.В. Суворова. Уже в 19 лет юноша принял участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., а затем в Польских кампаниях 1792 и 1794 гг. В составе корпуса генерала А.Г. Розенберга он прошел пол-Европы в знаменитых Итальянском и Швейцарском походах полководца А.В. Суворова. За храбрость и военное умение Гартинг осенью 1799 г. был награжден орденом Святого Иоанна Иерусалимского, чином генерал-майора и направлен служить на левый берег Днестра, в гарнизон русской армии в Каменец-Подольском.

Через год молодой генерал был переведен в Херсон, где служил в должности военного коменданта города. А с началом новой русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Гартинг воевал в действующей армии. Под его командованием находились все инженерные службы Молдавской армии. И воевал генерал Гартинг весьма успешно, о чем свидетельствуют его многочисленные награды. В марте 1806 г. он получил орден Святой Анны, в 1808 г. он был награжден орденом Святого Георгия, в 1809 г. ему было пожаловано имение Лидское в Гродненской губернии на 12 лет без всякой платы «за отличные подвиги и неутомимые труды, оказанные в нынешнюю кампанию против турок», в 1819 г. удостоен ордена Святого Владимира 2-й степени «за отличие при покорении крепости Силистрия», в 1811 г. генерал был награжден золотой шпагой с алмазами «За храбрость», а в 1812 г. – орденом Святого Георгия 3-го класса «в ознаменование отличного мужества и храбрости, оказанных

в сражениях против турецких войск после перехода на правый берег Дуная». Еще ранее Гартинг за военные действия во время Итальянского похода Суворова получил сардинский орден Святых Маврикия и Лазаря.

После окончания войны и подписания Бухарестского мира И.М. Гартингу было поручено командование инженерными службами Дунайской армии с июня 1812 г. И вскоре (16 июня 1813 г.) заслуженный генерал получает необычное для себя назначение – должность гражданского губернатора Бессарабии, т.е. края, за освобождение которого от турецкого владычества он недавно воевал. Вероятно, петербургские власти, назначая вместо мягкого и уступчивого, связанного с местным боярством прочными нитями Скарлата Стурдзы боевого генерала Ивана Гартинга, учитывали его решительность и военную закалку, знание местных условий и особенностей взаимоотношений различных категорий населения в этом крае, а также его опыт как инженера в возведении мостов, переправ, в строительстве дорог и различных сооружений военного и гражданского характера. Очевидно, его знания могли очень скоро пригодиться в деле благоустройства новой российской территории. Кроме того, в столице полагали, что генерал ни в коем случае не будет поддерживать старые методы управления гражданской жизнью и сможет дать импульс для развития края по пути, намеченному императором Александром для Бессарабии.

Рис. 14. Е.Г. Стурдза (Гартинг)

Не исключено, что при назначении Гартинга на должность губернатора учитывалась и его женитьба после окончания войны с турками в 1812 г. на 26-летней Елене Григорьевне Стурдза, принадлежавшей к известному боярскому роду. Она приходилась сестрой будущему молдавскому господарю Михаилу Стурдзе, бескровно подавившему революцию 1848 г. в Запрутской Молдавии. Это было второе замужество Елены. За пять лет до того она развелась с Александром Гикой, от брака с которым имела сына Григория Александра Гику, впоследствии одного из последних

господарей Молдавского княжества (1849–1853, 1853–1856 гг.). Елена Григорьевна была красивой женщиной и пользовалась успехом в высшем обществе Кишинева, встречалась с А.С. Пушкиным во время его кишиневской ссылки. В браке с Гартингом она родила сына Карла (1813–1889 гг.).

Тем не менее, Гартинг оказался на посту гражданского губернатора края, понятно, не в силу своих родственных связей и семейного положения. В июне 1813 г. 63-летний Скарлат Стурдза сильно хворал из-за разбившего его паралича. Поэтому его без сожаления отстранили от должности. Он оказался первым и последним губернатором – выходцем из местной знати. Поскольку к тому времени Чичагов и 3-я армия уже находились в заграничном походе, главным начальником Бессарабии формально стал Петербургский главнокомандующий и управляющий Министерством полиции Сергей Кузьмич Вязмитинов, первый председатель Комитета министров России. Перемена курса правительства в отношении формы местного управления оказалась связана с получением в Петербурге донесений, рисовавших «местные обычаи» и поведение новоиспеченной администрации в неблагоприятном свете. Необходимость ограничения автономии Бессарабии и склонность ее властей к «злоупотреблениям» связывались с непригодностью местных чиновников к эффективной деятельности. Кроме того, ряд политических деятелей в Петербурге (в том числе Иоанн Каподистрия) временно отошли от дел и уже не оказывали местной знати полной и безоговорочной поддержки.

Отставка С.Д. Стурдзы была связана и с некоторыми переменами в отношениях российской элиты к положению Бессарабии. В частности, Вязмитинов был неприятно удивлен содержанием записки действительного статского советника Л.С. Байкова. Эту беду накликали на свою голову сами бояре своими многочисленными жалобами и доносами в столицу Российской империи. Байков, посланный в край с инспекцией, занял крайне негативную позицию по отношению к местным порядкам. Да и к местному законодательству. В частности, он писал: «В обоих княжествах нет других законов, кроме воли правительства и нескольких заповедей царя Юстиниана». В целом же Байков сделал вывод, что бессарабские «обычаи состоят в праве сильного, и в том, кто больше даст». Чтобы исправить это положение, считал он, надо как можно скорее отказаться от допотопного регионального законодательства и приводить его в соответствие с общеимперским. А прежде всего – подчинить аппарат управления краем Сенату и общероссийским министерствам.

Эту точку зрения полностью разделял и военный инженер Иван Маркович Гартинг, назначенный губернатором Бессарабии после увольнения Стурдзы. Он поставил своей задачей замену советников областного правительства, назначенных Стурдзой из числа местных помещиков, поскольку, как считал Гартинг, они оказались не способны ни к российской, ни к молдавской службе. Об этом он писал прямо: «Они употребляют себя более к нарушению, нежели к соблюдению правосудия.»

Гартинг предложил немедленно заменить их представителями тех помещиков, которые прибыли в Бессарабию и оказались более достойными и способными для должностей советников. Однако отзываясь негативно о пережитках фанариотских времен, Гартинг был более осторожен в том, что касается распространения общероссийского законодательства в крае. Новый губернатор предлагал взять для Бессарабии за образец Таврическую губернию, «бывшую краем равномерно как Бессарабская область принадлежавшим Турции, где также прежде не было никаких законов» и представлявшую, подобно Бессарабии, «особенные виды к населению оной и расширению торговли».

Точка зрения Гартинга нашла отражение в его реформаторской деятельности в отношении местного законодательства. В 1814 г. губернатор составил «Проект образования по части гражданского управления», в котором отметил недостатки существующей системы управления. Общее собрание областного правительства, состоящее из президента (губернатора) и 12 советников обоих департаментов, не является постоянным присутствием, подобно губернскому правлению в Таврической губернии. «Отсутствие вице-губернатора, – писал Гартинг, – и постоянного губернского присутствия в случае болезни или отлучки губернатора оставляет область фактически без руководства». Более того, губернатор не сможет классифицировать и решать дела ни по молдавским законам, ни по российским, – «Первых из них, по-видимому, вовсе не существует, ибо нигде нет никаких ни книг по молдавским законам, ни актов, чтобы, хотя какие-либо сторонние законы в Молдавии были введены в употребление; а рассказывают лишь молдавские бояре словесно, что в Молдавии есть обычаи, в свое время употребляемые». Утверждение Гартинга об отсутствии в Бессарабии законодательства, возможно, и являлось явным преувеличением. С другой стороны, нельзя не учитывать желание бессарабских бояр оставаться единственными толкователями местного права. Поэтому вполне возможно в данном случае и умышленное сокрытие боярами от губернатора правовых актов и сборников.

Наличие в кадровом составе департамента только двух русских советников при семи молдавских, по мнению Гартинга, автоматически приводило к решению рассматривавшихся вопросов исключительно в интересах молдавской стороны. Отсутствие в области вице-губернатора и бессилие второго департамента в составе руководства (а именно его должен был возглавить вице-губернатор и три советника) обеспечили бессилие финансовой, промышленной и торговой политики при отсутствии статистики правительства. В результате финансовая отчетность за 1812–1814 гг. просто отсутствовала. Поэтому Гартинг настаивал на немедленной ревизии, которая только и могла привести в порядок дела и улучшить положение края.

Невысокого мнения был Гартинг и об уровне уездной (цинутной) администрации. По мнению губернатора, местные исправники были не столько уездными администраторами в российском смысле, сколько полновластными хозяевами цинутов. Ведь бессарабские исправники являлись одновременно уездными предводителями дворянства, главами гражданских и уголовных уездных судов, главами земских судов и земской полиции, а также городничими и городовыми магистратами в местечках. К тому же они сменялись каждый год, что вносило в ведение дел неразбериху и путаницу. Но, пожалуй, главным пороком области управления Бессарабией Гартинг считал отсутствие областного прокурора и уездных юристов, которые могли бы контролировать деятельность центральных департаментов и уездных исправников. Эти должности, в представлении губернатора, были основным условием успешной интеграции Бессарабии в империю.

Понятное дело, такие взгляды, как и назначение Гартингом ряда русских чиновников в важные органы власти, не могли не вызвать недовольства бессарабских дворян. Началось лихорадочное написание и составление петиций царю, в другие правительственные учреждения. Оппозиционные бояре обратились к митрополиту Гавриилу Бэнулеску-Бодони с просьбами помочь в защите их «законных» интересов. Весьма показательно, что этот шаг возымел действие.

В глазах российской элиты и чиновников митрополит Гавриил был, несомненно, наиболее авторитетной фигурой в Бессарабии. В Петербурге не забывали о той поддержке, которая была оказана молдавской церковью российской военной администрации в Дунайских княжествах. Кроме того, митрополит внес немалый вклад в прекращение массового исхода крестьян за Прут, который начался из-за злоупотреблений бояр и злонамеренных слухов о возможности распространения на область крепостного права.

Аргументы оппозиционных бояр базировались на голословных обвинениях губернатора и его администрации во всех мыслимых злоупотреблениях. Бояре не преминули выступить с опровержением позиции Байкова и Гартинга. В ответ на их утверждение российских чиновников об отсутствии в Бессарабии местных законов и обычаев они пишут: «Четвертый истекает век, как Молдавия управляется законами и правилами своими, и потому можно ли поверить, что она не имела и ныне не имеет оных? Разве не существуют все древние обычаи молдавские и неперменные правила? Разве нет печатных правил Василия Воеводы? Не существуют ли изданные в разные времена узаконения господарей, грамоты и завещания? Не производятся ли дела на основании законов Юстиниана и других греческих императоров?» Ссылка бояр на законы Василия Лупу, конечно, делает честь их эрудиции; тем не менее, нельзя не заметить, что она абсолютно неуместна, поскольку по этому законодательству никто в Молдавии уже не жил много столетий. К тому же во времена фанариотов были приняты другие законы, которые устраивали Порту, а не интересы страны.

Бояре заявили в своем обращении к митрополиту Гавриилу просьбу передать императору их желание иметь в качестве губернатора «природного молдаванина, который бы знал наш характер, веру нашу и законы». Они даже назвали конкретную кандидатуру – И.Ф. Катаржи. Илья Филиппович Катаржи был генерал-майором русской армии, женатым на дочери господара Григория Гики. Это был представитель рода знатных и влиятельных бояр, землевладелец, человек богатый и обеспеченный – ему принадлежали имения в Сокирянах, в Гура-Быкулуй, Телице, Слобода Рошкана и др. Бояре потребовали также возвести самого митрополита в должность высшего судейского лица. Честолюбивый Гавриил, понятно, не мог не заметить этой просьбы. Он согласился помочь челобитчикам, чтобы довести их желания до обер-прокурора Священного Синода, а через него и до императора.

Митрополит Гавриил в своем обращении к обер-прокурору Святейшего Синода А.Н. Голицыну проявил не меньше эрудиции, чем оппозиционные бояре. Касаясь законодательства и его исторических корней в Молдавском княжестве, он даже вводит в число аргументов некоторые новые нотки, в частности, аргумент о наличии в Бессарабии особой местной юридической традиции. Гавриил был хорошо знаком с положением в Трансильвании, где в конце XVIII в. в интеллигентной среде развернула свою деятельность ардяльская школа, утверждавшая тезис о латинском происхождении румынского языка. Отсюда митрополит в своем письме Голицыну выводит мысль о римских истоках

молдавского права: «Молдавия, как римская колония, управлялась издревле римскими законами; впоследствии времени она сделалась областью константинопольского государства, и как христианские, так и мусульманские потом государи не отнимали у них прав. Молдавский диван и теперь имеет для руководства Юстиниановы законы. Что же касается злоупотреблений, то они не могут считаться доказательством отсутствия законов».

Как бы там ни было, но эта переписка бессарабских бояр и ходатайство Гавриила не остались без внимания. В мае 1815 г. в Бессарабию был направлен дипломат Павел Петрович Свиный, русский писатель, историк, правовед, издатель, родственник русского поэта М.Ю. Лермонтова. Правда, человек порыва, он зачастую выступал как дилетант в своих многочисленных увлечениях и занятиях разного рода. Свиный был личностью возбудимой и активной – ходили даже слухи, что сюжет комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» был составлен по эмоциональным рассказам Свиного о своей поездке в Бессарабию. Этому чиновнику и было поручено изучить местное законодательство и составить о нем свое мнение, представить его в правительственные круги России.

Свиный не отрицал существования права Бессарабии, которое восходило своими корнями к римско-византийскому законодательству. Как человек крайне увлекающийся и не особо заботящийся о достоверности своих исторических познаний, Свиный в своем сочинении «Описание Бессарабской области» упоминает и Юстиниановы законы, введенные в Молдавии под именем «Василика», и уложение господаря Василия Лупу 1646 г., и кодексы Леона и Арменуло. Видимо, под влиянием своих друзей, молдавских бояр, обратившихся к русскому царю, он перечислил разновидности византийских хрисовов, и фирманов Блистательной Порты, и хати-шерифов турецкого султана. Так или иначе, они действовали на территории Бессарабии и определяли жизнь ее населения до вхождения в состав России. Вообще-то книга Свиного представляет довольно занятное описание Бессарабии первых десятилетий XIX в. Даже сейчас, в наши дни, она читается как интереснейшее сочинение со множеством подробностей о жизни наших земляков в те времена. Существующих злоупотреблений дипломат не отрицал, но относил их существование к неизжитому «духу турецкого деспотизма».

В целом описание положения в Бессарабии Свиного коренным образом противоречило мнению одного из видных деятелей Бессарабии протопопа П.С. Куницкого, который писал сразу же по присоединении края к России, что «в действительности в этом крае господствует право

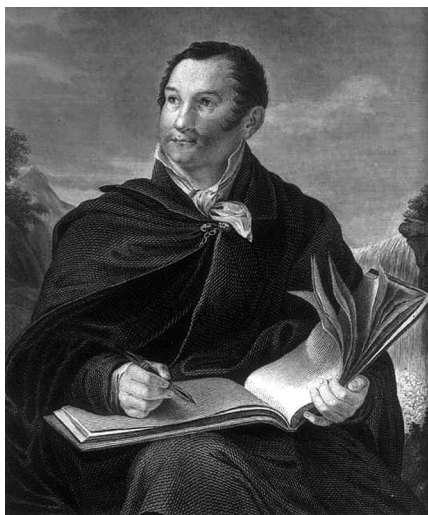

Рис. 15. П.П. Свинин

сильного, и воля, и прихоть начальства являются законом для подчиненных. Поэтому обыватели сего края, освободившись от таковых угнетений присоединением к России, не только не пожалуют о правительстве, под которым они доселе были, но еще с великой радостью примут те права и законы, какие им даны будут».

Странно, но такому легкомысленному человеку, как П.П. Свинин, у которого, как и у Хлестакова, была «легкость в голове необыкновенная», поручалось привести местные законы в некую систему, которая должна была стать законодательной основой

Бессарабии. Специальный дворянский комитет, созданный по этому поводу, получил от Свинина все собранные им материалы. Однако, скорее всего, не такое уж сильное прилежание проявлял П.П. Свинин к этой кодификации законодательства. В конце концов, работа созданного комитета завершилась ничем.

Но правительство России, видимо, было вполне удовлетворено «работой» П.П. Свинина и не требовало никаких дополнительных уточнений. Фактически его миссия открыла новый этап в политике присоединенного края, которая отныне стала «уважать» местные законы. Во всяком случае, 1 апреля 1816 г. последовал высочайший рескрипт на имя митрополита Гавриила, в котором русский император отмечал, что учреждая временное управление в Бессарабии, он «положил оному в основание давнишние ее обычаи и преимущества. Не приступая к окончательному его образованию, Я хотел прежде научиться из опытов, и ожидал, что время и обстоятельство, а также точные обо всем донесения покажут мне, каких должно ожидать последствий от сего опыта».

Видимо, Александр в это время находился под влиянием своего государственного секретаря Каподистрия и дал себя убедить в том, что выводы П.П. Свинина о необходимости продолжать мягкую политику в отношении бессарабского боярства его полностью устраивают. Он даже написал, что с прискорбием узнал о злоупотреблениях, вызвавших бегство жителей за Прут, и потому посылает наместника

для исправления ситуации, которому предоставит возможность дать гражданское управление Бессарабии, «соответственное с ее нравами, обычаями и ее законами. Все состояния жителей имеют равное право на наследие предков своих и на мое к ним благоволение и все духовенство, дворянство, граждане и народ должны найти равную защиту и покров в сем новом образовании».

Бессарабским наместником первоначально предполагалось назначить сенатора Карла Федоровича Модераха, инженер-полковника, Пермского губернатора, архитектора и строителя (в Петербурге он руководил строительством каналов и дорог, набережной реки Фонтанки, каменного театра). По каким-то соображениям это назначение не состоялось, и очень скоро выбор пал на военного губернатора Подольской области, героя Отечественной войны 1812 г. Алексея Николаевича Бахметева. В своем письме Бахметеву Иоанн Каподистрия отмечал, что политической целью устройства управления Бессарабией было привлечение сюда прорусски ориентированных представителей балканских народов, которым не принес облегчения Бухарестский мир. Однако вместо притока людей политика старой администрации привела к эмиграции местных жителей. Каподистрия подчеркивал: «Речь идет о том, чтобы на деле показать, что при всем сохранении за краем его отличительного и национального характера, можно добиться того, чтобы сделать край исключительно полезным для Империи в

отношении финансов, населения, торговли и политики».

В высочайшем рескрипте на имя наместника от 21 мая 1816 г. упоминалось обещание, данное при присоединении Бессарабии ее жителям от имени императора «предоставить все выгоды чадолюбивого и на христианской вере основанного правления». Среди прочего в документе говорилось: «Сей цели нельзя достигнуть иначе, как дав Бессарабии особое областное управление, согласное с коренными ее законами, с нравами и обычаями, достаточное к обеспечению прав и преимуществ, принадлежащих к каждому сословию жителей, и, нако-

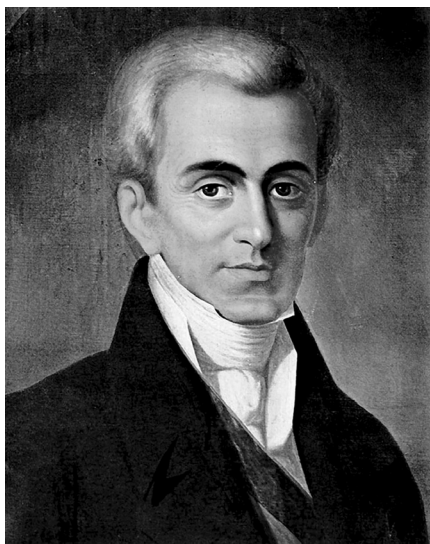

Рис. 16. Иоанн Каподистрия

нец, способное к постепенному раскрытию тех обильных источников, коими природа так щедро наградила сию землю».

Этот рескрипт позволял наместнику напрямую обращаться к царю по всем вопросам, касающимся управления краем. Среди предписаний имелось и указание на необходимость расследовать злоупотребления, имевшие место в период правления Гартинга, равно как и саму деятельность последнего. Тучи недоброжелательства стали сгущаться над И.М. Гартингом. Герой русско-турецкой и Отечественной войны 1812 г., вероятно, был не силен в интригах и склоках мирного времени. В октябре 1817 г. он был отправлен в отставку.

Тем не менее, Иван Гартинг оставил о себе потомкам добрую память. При Гартинге в Кишиневе стала разворачивать свою деятельность созданная по инициативе Г. Бонулеску-Бодони духовная семинария, а также епархиальная типография. Они сыграли совершенно исключительную роль в духовном развитии края и просвещении его народа. В семинарии помимо богословских дисциплин преподавались такие предметы, как математика, география, история, логика, философия, грамматика, поэзия. Молдавский язык изучался в обязательном порядке вместе с русским, греческим, латинским, а факультативно – немецкий и французский.

С именем Гартинга было связано и открытие первой в Кишиневе больницы «Городовой госпиталь». Никаких больниц до этого события здесь не было. В случае болезни жители могли обращаться только к всевозможным лекарям-самоучкам и знахаркам. Гартинг стал хлопотать об открытии в областном центре первого медучреждения. Он, в частности, написал в Петербург ходатайство о разрешении на строительство госпиталя, в котором указал, что непостоянный климат края, теснота, в которой обитают местные жители, способствуют быстрому распространению болезней. «Даже в благородных домах, – писал гражданский губернатор, – больные не получают должной медицинской помощи, их бросают на произвол судьбы, боясь заразиться, а шарлатаны-лекари содержат больных в тесных грязных помещениях, напоминающих страшные тюрьмы».

Состоятельные люди жертвовали на строительство госпиталя денежные суммы – бояре Балыш, Кантакузен, Стурдза, Ралли, Катаржи. Простые люди также помогали строительству, чем могли. Крестьяне предместий и окрестных сел подвозили стройматериалы, участвовали в работах. Больница была открыта в 1817 г. на окраине Кишинева, на улице, которую тогда называли Госпитальной. Умер И.М. Гартинг в 1831 г. в возрасте 63 лет.

ИВАН ХРИСТОФОРОВИЧ КАЛАГЕОРГИ (22 февраля 1816 г. – 30 декабря 1817 г.)

Окончательная отставка гражданского губернатора Бессарабии И.М. Гартинга последовала, как уже отмечалось, в октябре 1817 г. Но это не совсем точно, поскольку какой-то период, когда шло расследование деятельности Гартинга, его обязанности были переданы другому человеку, который и осуществлял эти функции в течение около двух лет. Это был не очень видный чиновник, о котором историкам известно немного, – Иван Христофорович Калагеорги. Правда, есть разночтения: можно встретить и другое написание этой фамилии – Калагеоргий, а некоторые путают ее с известной фамилией сербских князей Карагеоргиев.

Иван родился в семье греческого дворянина в 1766 г., служил секунд-майором (младший штабной офицерский чин) Екатеринославского кирасирского полка князя Потёмкина-Таврического. С детства был приближен к царской семье, так как воспитывался вместе с великим князем цесаревичем Константином Павловичем, вторым сыном императора Павла I и братом будущего императора Александра Благословенного. Находясь в таком близком общении, Калагеорги в 28-летнем возрасте женится на девице Елизавете Григорьевне Тёмкиной,

которую придворные сплетники считали дочерью императрицы Екатерины II и ее фаворита князя Григория Потёмкина. Фамилия жены – Тёмкина – произошла как бы от усечения фамилии отца (Потёмкин).

От своего отца князя Потёмкина девочка получила обширные поместья в Новороссийском крае, где впоследствии и прожила свою жизнь. Впрочем, эта версия о царском происхождении супруги Калагеорги многими историками оспаривается. А вот с самим Г.А. Потёмкиным было связано много интересных страниц в истории Приднестровья, в том числе и формирование Коша

Рис. 17. Е.Г. Тёмкина

верных козаков (Черноморского казачьего войска), бескровное взятие Бендерской крепости русскими войсками и др. В этой дружной семье Калагеорги родилось 6 дочерей и 4 сына.

По воспоминаниям одного из потомков Калагеорги, семейство их «жило дружно, весело и шумно, но вместе с тем как-то очень беспокойно, ожидая по временам всяких бед и напастей». Но этими фактами личной жизни чиновника наши знания о нем почти ограничиваются. Поскольку Иван Калагеорги вел жизнь скорее закрытую, чем публичную.

Получив должность в Херсонской казенной палате, Калагеорги с семьей переезжает в Херсон, ставший центром обширной губернии, в которую входила Одесса, Тирасполь, Григориополь, Дубоссары и другие города и села края. Вскоре он заступает в должность вице-губернатора Херсонской губернии, а почти через 10 лет (срок немалый для карьерного чиновника той эпохи) становится екатеринославским гражданским губернатором и переезжает в город Екатеринослав.

Происходит это в 1816 г., когда И.Х. Калагеорги уже был назначен бессарабским гражданским губернатором. Однако свою бессарабскую должность, по всей видимости, губернатор считал временной, бывал здесь наездами, оставляя жену и детей в Екатеринославе. Его деятельность в Бессарабии как гражданского губернатора оставалась почти незаметной, поскольку фактическим правителем края был генерал Бахметев, осуществлявший подлинное руководство на месте.

Рис. 18. Генерал А.Н. Бахметев.
Портрет работы Дж. Доу

Фактически Калагеорги являлся в крае его подчиненным. Правда, Калагеорги был назначен председателем Бессарабского временного комитета, и его руками А.Н. Бахметев и проводил все необходимые преобразования, которые требовал от него Петербург.

Дело в том, что Каменец-Подольский военный губернатор генерал-лейтенант Алексей Николаевич Бахметев в 1816 г. получает должность полномочного наместника Бессарабской области и руководствуется инструкциями правительства России в отношении края, отвечая во всей полноте

за их исполнение. Ему было поручено установить причины недовольства местного населения и бегства его за Прут. С этой целью он начал основательную чистку местной администрации. Бахметев безжалостно смещает чиновников как из русских, «набранных по необходимости тогдашнего времени с великою поспешностью» (как отмечалось в одном документе той поры), так и из молдаван, сохранявших свои места в аппарате власти еще с турецких времен и не знавших других методов управления, кроме как фанариотских.

В июне 1816 г. генерал Бахметев создает временный комитет, в который вошли несколько членов, избранных из молдавских бояр (генерал-майор Катаржи, статский советник Гика, надворный советник Милло, спатари: Бушкенеск, Казимир и Янку Стурдза, стольник Матвей Рышкан, каминарь Прунку), и двое, назначенные от правительства, – вице-губернатор М.Е. Крупенский и чиновник Коллегии иностранных дел, переводчик и секретарь А.П. Юшневский. Руководил комитетом губернатор Калагеорги.

Калагеорги должен был, по мысли Бахметева, составить новый проект образования Бессарабской области. Как считал генерал А.Н. Бахметев, именно Иван Калагеорги подходит для этой цели лучше всего, поскольку он знал молдавский язык, был непосредственно знаком с обстановкой и особенностями жизни в этом крае. Выполняя указания И. Каподистрия, Бахметев требовал создания внутри молдавского боярства твердой социальной опоры для политики Петербурга. И такому знатоку здешних особенностей, как Калагеорги, будет легче найти язык с боярами, наладить контакты с экономической и местной политической элитой, ослабить оппозицию России внутри боярства. Ибо при И.М. Гартинге оппозиция окрепла, а контакты эти ослабли.

Собственно Бахметеву предписывалось Петербургом привлечь представителей местного боярства к составлению нового варианта основного закона образования Бессарабской области, причем учесть в возможно полном варианте все местные особенности и сохранить молдавским боярам их привилегии и преимущества в управлении краем. Особенность и, можно даже сказать, пикантность ситуации состояла в том, что именно злоупотребления и произвол бояр являлись главными причинами обострения противоречий между большинством местного населения и управляющими властями. В то время, как центральные власти объявили об освобождении всех жителей края от всех налогов на 5 лет, бояре-чиновники, нисколько не смущаясь, по-прежнему соби-

рали их в свою пользу. Это и вызывало бегство недовольных жителей с насиженных мест.

Временный комитет, занимая вышестоящее место по отношению к областному правительству, обязан был усовершенствовать структуру управления краем, его административное устройство, налоговую систему, учредить и наладить регулярную почтовую связь, создать надежную пограничную охрану, организовать устройство колонистов, укрепить внутренний порядок и местную полицию, наладить судопроизводство и т.д., и т.п. С этой целью генерал Бахметев в августе 1816 г. указывает и разъясняет Калагеорги и всем членам временного комитета основные направления политики на будущее.

Суть этой политики состояла в следующем: совершенствовать формы государственного управления, опираясь на местную знать и русских чиновников, укрепить в крае влияние России и позиции ее правительства, организовать и правильно устроить освоение всех богатств края. Для этого, в первую очередь, требовалось навести порядок в сборе налогов и увеличить их поступление в государственную казну. Но это было невозможно без ограничения произвола местных чиновников-бояр в управлении конкретными делами и в суде. Важной задачей оставалась и, так сказать, «идеологическая» составляющая будущих изменений – местное население должно было оценить «заботу» Петербурга и батюшки-царя об интересах жителей Бессарабии – своеобразной витрины для балканских народов под властью османов.

Вот, собственно, чем и занимался гражданский губернатор Калагеорги в период своего не слишком долгого правления – составлением документа, известного как «Устав образования Бессарабской области», утвержденного чуть позднее, во время визита в край императора Александра I. Но об этом чуть позже. Что касается лично Ивана Калагеорги, то этот «добрейший человек и благодетель», как отзывались о нем современники, вскоре заболел и попросился в отставку. Ему была назначена пенсия. Он лечился в Железноводске, но здоровье было возвращено лишь отчасти. После лечения на водах он восстановил речь, но говорил очень тихо. Боли в ноге прекратились, и он мог нормально ходить. Однако память к нему полностью так и не вернулась. Есть свидетельства, что в это время (1820 г.) его посетил А.С. Пушкин, встречавшийся в доме Калагеорги со своими давними друзьями Волконскими.

Умер бывший гражданский губернатор Бессарабской области в начале 40-х гг. XIX в. В Третьяковской галерее в Москве хранится порт-

Рис. 19. *Елизавета Тёмкина
в образе богини Дианы*

рет предполагаемой дочери Екатерины и светлейшего князя Потёмкина, выполненный в 1794 г. по заказу опекуна Тёмкиной, племянника Потёмкина А.Н. Самойлова, известным художником Владимиром Боровиковским. Он называется «Портрет Елизаветы Тёмкиной в образе богини Дианы». Возможно, кому-то из наших читателей и доведется увидеть этот портрет. Вспомните тогда этот эпизод из истории нашего края.

КОНСТАНТИН АНТОНОВИЧ КАТАКАЗИ **(17 декабря 1817 г. – 16 августа 1825 г.)**

Через два месяца после увольнения военного инженера И.М. Гартинга с поста гражданского губернатора Бессарабии в эту должность вступает человек сутобо штатский, 31-летний действительный статский советник К.А. Катакази. Он принадлежал к молдавскому и русскому дворянскому роду греческого происхождения. Его предки были константинопольскими греками-фанариотами.

Отец нового губернатора Антон Катакази возглавлял русофильскую группировку фанариотов, что было, конечно, в Османской империи смертельно опасным, очень рискованным делом. Поэтому в 1807 г., в самом начале первой русско-турецкой войны XIX в., сыновья Антона вместе с отцом и матерью (Еленой Фетала, дочерью великого логофета Вселенской Патриархии в Константинополе Гавриилы Фетала) переселяются сначала в Бухарест, потом в Россию, в Киев.

Глава семейства, как и все фанариоты, знал толк в коммерции. Он начал скупать земли в восточной части Молдавского княжества, освобожденной от турецких войск. Приумножив свои капиталы, семья Катакази становится в Бессарабии крупным земельным собственником. Вскоре все члены рода Катакази были причислены к бессарабскому дворянству. Богатые и активные молодые люди, его сыновья, стали делать быструю карьеру на российской государственной службе.

Младший из сыновей, Гавриил Антонович Катакази (1794–1867), получил домашнее образование под руководством французского аббата, был зачислен на военную службу, а потом принят в дипломатическое ведомство России. Он начал свою деятельность коллежским советником, но вскоре был послан в русскую миссию в Стамбул. Проявляя гибкость ума и незаурядные дипломатические способности, стал одним из главных знатоков и советников правительства по делам Молдавии, Валахии, Греции и других поработченных турками государств. Он выполнял самые ответственные задания Петербурга, был одним из «апостолов» тайного общества «Филики Этерия», послом России в Греции, дослужился до высочайшего ранга действительного тайного советника, стал российским сенатором.

Старший сын Константин Антонович Катакази (1786–1758) был женат на дочери молдавского господаря Константина Ипсиланти Екатерине. А ее братья Александр и Дмитрий Ипсиланти возглавили вооруженную борьбу греков против турецких захватчиков. И вовсе не случайно, что Кишинев, столичный город Бессарабской области, неужи-

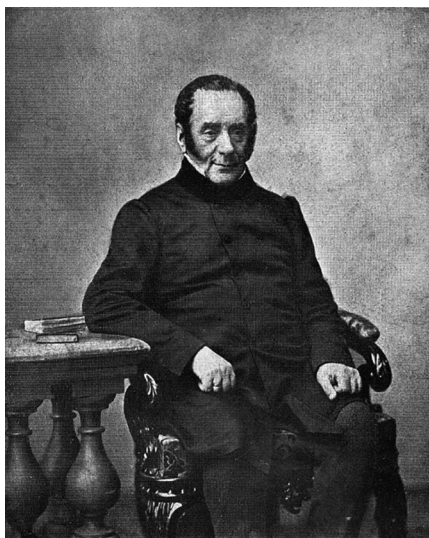

Рис. 20. Г.А. Катакази

данно становится самым главным центром консолидации греческих патриотических сил и подготовки вооруженного антитурецкого восстания. Ведь руководитель этого восстания Александр Ипсиланти четыре месяца до своего перехода через Прут в феврале 1821 г. и начала антитурецкой борьбы жил в доме у своей сестры, в доме бессарабского губернатора. Понятно, что и губернатор Катакази открыто поддерживал греческих революционеров, борцов за освобождение своего народа от османского ига.

И бессарабскому губернатору, и его брату – российскому дипломату – не откажешь в масштабности

мышления при организации греческого национально-освободительного движения Гетерии. Познакомившись лично с императором России (Александр нанес визит в Кишинев в 1818 г. – об этом чуть позже), К.А. Катакази задумал вовлечь в решение греческого вопроса людей из ближнего окружения российского монарха. В конце 1818 г. по пути из Стамбула в Москву в Кишинев приехал секретарь русской миссии при Блистательной Порте, родной брат губернатора Гавриил Катакази. Константин познакомил здесь брата со своими родственниками из семьи Ипсиланти – Георгием, Николаем и Дмитрием. Все они тут же, в Кишиневе, были посвящены в члены «Филики Этерия». Правда, генерал-майор Александр Ипсиланти, адъютант Его императорского величества, вступить в общество отказался, чем изрядно огорчил гетеристов. Но зато у него было время все взвесить и обдумать – через два года он согласился не просто вступить, но и возглавить греческое национально-освободительное движение.

Проживая в доме губернатора Катакази в конце 1820 – начале 1821 гг., Александр Ипсиланти сумел превратить этот дом в штаб по разработке конкретных планов антитурецкого восстания. А сам Кишинев благодаря губернатору стал «колыбелью греческой революции», как назвал его министр иностранных дел Австрии Клеменс фон Меттерних. Отсюда оружие шло восставшим через Прут. Отсюда ушли на верную гибель все

Рис. 21. Александр Ипсиланти

братья Ипсиланти, братья Кантакузины, а вместе с ними и составленные здесь молодыми греками повстанческие отряды. Здесь, в Кишиневе, жители с сочувствием и надеждой ловили каждую весточку о начавшемся восстании на территории Молдавии и Валахии.

Находившийся в кишиневской ссылке Пушкин искренне восхищался подвигом однорукого полководца Александра Ипсиланти и рвался в ряды сражающихся. Весной 1821 г. он пишет своему другу Дельвигу: «Недавно приехал в Кишинев и скоро оставлю благословенную Бессарабию: есть страны благословеннее. Празд-

ный мир не лучшее состояние жизни». Вскоре по Москве поползли слухи о бегстве Пушкина в армию греческих повстанцев. Обеспокоенные петербургские власти дали указание в Кишинев как можно лучше присматривать за ссыльным поэтом.

Однако поддержка греческих заговорщиков находилась лишь на уровне личных симпатий и устремлений К.А. Катакази. Как губернатор он должен был каждодневно решать совсем иные задачи, которые ставило перед ним время: совершенствовать государственное управление, развивать местное хозяйство и торговлю, поддерживать финансовое обращение и кредит, экономическую жизнь, упорядочить сбор налогов, ограничивать коррупцию и мздоимство бояр. В этой связи губернатору пришлось с самых первых дней своего правления принять на себя большую часть работ по руководству комиссией, которую создал в 1816 г. для Бессарабии назначенный царем полномочный наместник генерал-лейтенант А.Н. Бахметев.

Эта комиссия называлась Временный комитет для разработки проекта устава образования Бессарабии и должна была разработать такой тип государственного устройства края, который бы отвечал и требованиям социального прогресса, и запросам экономического развития, да и не в последнюю очередь меркантильным интересам местных землевладельцев, так называемого «высшего общества». Ибо, как писал

статс-секретарь И.А. Каподистрия полномочному наместнику Бахметеву, «эта область по желанию государя должна в глазах жителей соседних стран казаться местом отдохновения и благополучия». Только вот как соединить несоединимое?

Флигель-адъютант Александра I генерал П.Д. Киселев, направленный в Бессарабию царем с инспекционной поездкой в 1816 г., в своем рапорте писал о бедственном положении населения этого края, где все отдается на откуп, все имеет цену, а местные исправники больше других являются «грабителями, платя за место свое от 20 до 30 тыс. рублей». Как гармонизировать этот чудовищный произвол исправников и откупщиков, делающих свои состояния на систематическом насилии и злоупотреблениях; гармонизировать с пожеланием благополучия и отдохновения для того населения, которое и является для хищников источником их несправедливо нажитого богатства?

При этом любое ограничение произвола молдавских бояр и меры по упорядочению внутреннего управления воспринимались ими как покушение на «силу правил и обычаи земли». А затем поток жалоб и доносов сметал неугодных боярам чиновников, как это уже было с генералом И.М. Гартингом. Но безнаказанность боярского беззакония лишь способствовала бегству жителей Бессарабии за Прут, в пределы Османской империи, где безудержный произвол местных богатеев мог иногда ограничиваться жестокостью турецких властей. Ведь турки не допускали никакой конкуренции в деле «законного» грабежа порабощенного населения.

Константин Катакази под контролем поставленного над ним чиновника Бахметева вносит изменения в деятельность областного управления, создает уездные управления, в состав которых вводятся ревизоры, земские исправники и околаши, разграничивает функции департаментов областного правительства, ограничивает открытый произвол местных чиновников, да и вообще, – принимает меры к общему хозяйственному улучшению жизни населения края. Во всех городах и местечках создаются склады продовольственных запасов (их называли запасные продовольственные магазины) на случай неурожая. Для оживления торговли учреждаются новые ярмарки. Чтобы уберечь жителей области от возможных эпидемий, поставлены таможни и карантинные пункты по борьбе с холерой и язвой. В 1817 г. учреждается коммерческий суд в Измаиле, а в Кишиневе создается городская дума.

Большое внимание губернатор уделяет строительству путей сообщения: старые почтовые и торговые пути ремонтируются, новые строятся. Улучшена дорога через Буджакскую степь из Кишинева в Измаил, на Дунай, а на севере области – от Бричан до Новоселицы.

Проложен и организован путь с юга области на север – от Аккермана по Черному морю до Рени и вверх по реке Прут до Новоселицы. В крае открывались первые школы для детей. А главное – специальные чиновники стали разбираться с ворохом дел по злоупотреблениям в Кишиневском, Оргеевском и Измаильском уездах.

Чтобы ограничить грабежи населения при взимании налогов и податей, был создан специальный комитет для проверки счетов доходов и расходов за период с 1812 по 1816 г. Эффект не замедлил сказаться на настроении жителей края. Как сообщал в Петербург полномочный наместник Бессарабии генерал А.Н. Бахметев, в результате улучшения экономического положения бегство крестьян за Прут из Бессарабской области прекратилось; и даже наоборот, – наблюдается желание жителей Молдавского княжества переселиться в пределы Бессарабии. В данном случае интересно отметить такой момент. Бежавшие из-за границы в Бессарабию крестьяне подвергались опасности быть выданными правительством обратно их владельцам, ибо помещики соседнего Молдавского княжества настойчиво домогались возвращения их царан и крепостных цыган.

Однако губернатор К.А. Катакази в этом отношении занял очень четкую и твердую позицию: никакого возвращения беглых в Запрутскую Молдову не будет, ибо, как писал он в Петербург, это «могло бы произвести в соседственных или ближайших народах весьма невыгодное насчет России мнение». Он считал, что, наоборот, расширение приема беглых «произведет благоприятное для здешнего края влияние на прочих заграничных поселян, коль скоро узнают они о таком снисхождении и покровительстве для их собратий». Несомненно, К. Катакази мыслил государственными категориями стратегического масштаба.

И все же самым главным направлением работы губернатора оставалось руководство Временным комитетом по разработке статута Бессарабии в составе России. Именно этого требовал от него в первую очередь наместник Бахметев, который в свою очередь исполнял волю Петербурга. Однако заседавшие в комитете представители молдавского боярства были пассивны, безынициативны и не проявляли к этой ответственной работе никакого интереса, зачастую прямо уклонялись от участия в законотворческой деятельности. Часть бояр вообще не посещала заседания, несмотря на предупреждения губернатора и наместника. Эта пассивность и равнодушие бояр объяснялись их выжидательной позицией и опасениями, что новые преобразования могут привести к еще большим ограничениям их привилегий в управлении областью. Безразличные ко всему, они лишь время от времени тихо и жалобно просили о сохранении молдавского языка в областном делопроизводстве.

Правда, участие бояр в работе особой комиссии по рассмотрению прав привилегированных сословий было достаточно деятельным. Особенно когда они убедились, что Петербург не только сохраняет за ними все их привилегии, но и приумножает их, предоставляя им права и преимущества российского дворянства. Как бы то ни было, но проект Устава образования Бессарабской области был составлен, обсужден и в готовом виде на русском и молдавском языках подписан наместником, губернатором, всеми советниками и отправлен в столицу империи.

В апреле 1818 г. Александр I прибыл в Кишинев. Естественно, завертелось все, что сопутствует визиту августейшей особы в провинцию: балы... угощения... танцы... дамы... светские беседы... подобострастные улыбки... счастливые лица... блеск орденов, медалей, бриллиантов... Но между всеми этими, несомненно, важными делами состоялось и подписание царем специального рескрипта от 29 апреля 1818 г., который обнародовал важнейший закон – Устав образования Бессарабской области. «Бессарабская область, – было сказано в рескрипте царя, – сохраняет свой народный состав, и вследствие чего получает и особый образ управления».

Так при бессарабском гражданском губернаторе К.А. Катакази и наместнике А.Н. Бахметеве в Кишиневе российский император Александр Благословенный принял выдающийся в истории молдавского народа закон, признающий его право на особое управление в составе Российской империи, основанное на местных особенностях и уникальной истории. В то время как в самой России император все более и более склонялся к усилению централизации и военно-полицейских методов управления, в Бессарабии по примеру Польши и Финляндии устанавливался особый автономный образ самоуправления, учитывающий этнокультурные и гражданско-правовые особенности края, его исторический опыт.

В соответствии с принятым законом в Бессарабии учреждался Верховный совет из местных и русских дворян, причем пять из его членов назначались царем, а шесть выбирались местными боярами на три года. Этот Верховный совет становился высшей законодательной и распорядительной инстанцией, высшим органом судебной власти. Он заведовал всеми делами области, и его решения, принятые большинством голосов, не подлежали апелляции и приводились в исполнение немедленно. Сам царь был не в силах отменить эти решения. Все сословные учреждения, земская полиция и суды таким же образом частично избирались, частично назначались государственной властью. При этом все органы власти руководствовались местными законами и обычаями.

За несколько лет до этого, в 1815 г., а несколько ранее – в 1809 г. Александр даровал подобные формы управления полякам и финнам. Теперь на очереди были молдаване, население многонациональной Бессарабии. Александр не случайно придерживался этого курса. Предоставив русской части Польши конституцию, он небезуспешно делал ее центром притяжения для остальных поляков. Подписывая Устав образования Бессарабской области, он ставил российских молдаван в некое привилегированное положение, делая этот край притягательным для запрутских молдаван, валахов, болгар, сербов, греков и других порабощенных османами этносов.

Исполнительная власть в Бессарабии принадлежала губернатору и областному правительству, при котором назначался областной прокурор, а на местах – уездные прокуроры. В городах вводилось городское самоуправление в виде городских дум, а также цеховых ремесленных управ. Сбор казенных податей осуществляли цинутные казначейства в уездах. Областным центром края утверждался Кишинев.

Принятый при К.А. Катакази закон сохранял в неизменном виде выгодное для молдавских бояр местное право и обеспечивал им все преимущества в областной и местной администрации, уравнивая их во всех отношениях с российским дворянством. В отношении царан он сохранял за ними «права личной независимости от владельцев земель на прежнем основании». Приближая принципы управления краем к общероссийским стандартам, закон учитывал и особенности положения Бессарабии.

Высшая власть здесь принадлежала коллегиальному органу, в котором большая часть членов являлась выборной, а все дела решались простым большинством голосов. Выборным органом было и областное правительство, и органы управления на местах. Однако при этом сохранялась откупная система сбора налогов. А ведь именно она являлась главным источником чиновничьих злоупотреблений, беззаконий, взяточничества. Именно она представляла собой, по меткому определению бессарабского вице-губернатора Ф.Ф. Вигеля, «купленное право законным образом грабить и обогащаться».

Конечно, К. Катакази был сыном своего времени и защищал интересы того класса, к которому принадлежал. Но нет никаких данных, указывающих на то, что он негативно проявлял себя по отношению к другим сословиям. Зато есть документы, которые свидетельствуют о неодобрении им тех землевладельцев, которые в безудержном стремлении к наживе стремились закабалить крестьян, земельных арендаторов и колонистов. Когда помещик И.Г. Балаш попытался прикрепить к земле болгарских колонистов, собиравшихся покинуть его уго-

дья из-за недовольства расценками аренды, Катакази отказал Балашу в поддержке и высказался в пользу обиженных. В высших инстанциях губернатор был поддержан, правда, с оговоркой, что ушедшие вместе с болгарами на казенные земли молдаване должны быть возвращены «на прежнее жительство без малейшего отлагательства, под ответственностью местной полицейской власти». Система не решалась настолько «ущемлять» привилегированное сословие, чтобы вообще лишать его рабочей силы.

Период правления К.А. Катакази приходится на время пребывания в Кишиневе А.С. Пушкина. Разумеется, они были знакомы. Более того, великий русский поэт был частым гостем в доме Катакази. Губернатор жил в кишиневском доме на ул. Грибоедовской, 2, неподалеку от места, где снимал квартиру Пушкин. Их жилье располагалось рядом с домом купца Кацики на Ботезатовской улице, где собирались члены масонской ложи «Овидий», в которую был посвящен и сам Александр Сергеевич. Кроме губернаторского дома, который был разрушен, остальные пушкинские места бережно сохранялись в городе в послевоенное время, вплоть до конца 80-х годов XX в. (сейчас поручиться за их существование уже нельзя – историческая часть Кишинева беспощадно уничтожается в последние десятилетия).

Пушкин дружил со многими русскими офицерами в Кишиневе, с представителями молдавской интеллигенции и знати. Он бывал не только у губернатора, но и у бояр Е. Варфоломея, Г. Рознована, Т. Балша, З. Ралли, П.Д. Маврогени, братьев М.Е. и Т.Е. Крупенских. Многочисленные воспоминания и даже стихи и рисунки самого поэта свидетельствуют о его тесной связи и знакомстве с представителями местного общества, чиновниками и боярами, донося до нас через столетия неповторимый аромат и колорит той эпохи. Пушкин в своих озорных стихах-зарисовках, иногда ироничных, иногда нарочито грубоватых, описывает атмосферу в домах кишиневской знати.

Вот одно из таких стихотворений, написанное в ритме молдавского танца жок (тогда его называли «джок»), которое сатирически изображает дам из высшего света Кишинева и начинается словами:

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.

В ироничной форме поэт описывает дамскую компанию в доме губернатора. В конце Пушкин обращается к сестре губернатора – незамужней Тарсис Катакази, умной и образованной, но некрасивой женщине, которую в обществе шутливо называли «кишиневская Жанлис» по имени модной в дворянских кругах того времени французской пи-

сательницы. Именно на нее поэт часто рисовал шуточные карикатуры, подчеркивая выпуклые глаза. Он говорит ей:

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил Амур,
О чувствительная сводня,
О краса молдавских дур.
Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
С указательным перстом.
Ты умна, велеречива,
Кишиневская Жанлис,
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсис.
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа –
Так послушай, ради бога,
Будь глупа, да хороша.

Вероятно, такие вольности в отношении сестры гражданского губернатора не особенно шокировали тогдашнее общество, тем более, из уст великого поэта. Незлобная шутка и беспечное настроение, искрометное биение жизни отличало молдавское окружение поэта и очень ему импонировало.

Рис. 22. А.Ф. Вельтман

Эту атмосферу беззаботного молдавского веселья рисует в своей поэме «Джок» и один из ближайших друзей Пушкина по Кишиневу во времена губернаторства Катакази, офицер Генерального штаба Александр Фомич Вельтман, впоследствии известный писатель, автор исторических, этнографических и художественных произведений, из которых многие были посвящены почти исключительно Молдавии и молдаванам. Скорее всего, и эти описанные им бесшабашные пляски устраивались в доме губернатора Катакази. Вот отрывок из поэмы «Джок»:

Музыка Варфоломея,
Становись скорей в кружок,
Инструменты строй скорее
И играй на славу джок!
Наблюдая нежны связи,
С дамой всяк ступай любой:
В первой паре Катакази
С скромной Скиновой женой.
Ты ж возьми его супругу,
Виц-Крупенский отставной,
Руки за пояс друг другу
И пляшите джок родной!
Рознован – «качула маре»,
С Богданясою пофтим,
Лихо пляшет Сандулаки
И мадам Короя с ним.

Под музыку цыганского оркестрика боярина Егора Варфоломея в вихре зажигательного молдавского жока кружатся и лихо отплясывают как высокие чиновники, так и люди довольно простые, что называется, «с улицы». Здесь и губернатор К.А. Катакази, и жена эмигранта-фанариота Ивана Скины, и вице-губернатор М.Е. Крупенский, и боярин Георгий Рознован, и Богдана Смаранда, кишиневская жительница, и какой-то кишиневец Сандулаки, и многие, многие другие, включая гречанку Полихронию Калипсо, дочь Е.К. Варфоломея «Пульхерицу-легконожку», княжну Рапу Суцо, сестру бывшего молдавского господаря Михаила Суцо. Так некоторые живые зарисовки современников помогают нам ощутить стиль и аромат эпохи не хуже пыльных архивных фолиантов.

Но реальная жизнь мало похожа на беззаботное веселье. В августе 1825 г. губернатор К.А. Катакази был отправлен в отставку. Он уехал в столицу, где стал сенатором, занимал различные высокие должности и с Бессарабией уже связан почти не был. Его родственники, сыновья и дочери, внуки, племянники, потомки были видными российскими дипломатами, послами, возглавляли дипломатические миссии в США, Португалии, Англии, Австрии, Франции, Баварии, Греции, Турции и других странах, были благотворителями, общественными деятелями, просветителями.

Они честно служили Отечеству, которое искренне любили. В Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре и сейчас имеются фамильные захоронения, в которых покоятся представители греческо-молдавско-российского рода Катакази.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ТИМКОВСКИЙ

(16 августа 1825 г. – 17 января 1826 г.)

Рис. 23. В.Ф. Тимковский

Сразу после отставки К.А. Катакази губернатором Бессарабии назначается человек также сугубо гражданский, не отслуживший и дня в русской армии. Это – В.Ф. Тимковский, чиновник относительно безродный, в ранге статского советника, но в силу своих природных способностей и талантов занимавший довольно высокие должности при влиятельных лицах в империи, выполнявший подчас поручения исключительной важности.

Родился В. Тимковский в 1781 г. в семье сравнительно небогатого помещика Федора Назарьевича

Тимковского. Первоначальное образование получил от монахинь Золотоношского Благовещенского монастыря, как и все его братья, – Егор, Иван, Илья и Роман. Все они, кстати, впоследствии стали видными дипломатами, учеными, юристами, писателями. Родители прочили Василию монашескую стезю и отдали его в Киевскую духовную академию для приобретения высшего образования. Но молодой человек воспротивился этим планам, поскольку всерьез увлекся литературой.

Будучи еще студентом, Василий занялся переводами различных иностранных произведений на русский язык; стал и сам писать стихи на светские и духовные темы. Автору едва исполнилось 15 лет, когда несколько его стихов были напечатаны в книге «Радостные чувствования муз», которой Академия в 1796 г. приветствовала нового киевского митрополита Иерофея.

Вернувшись в небольшое имение родителей в Золотоношском уезде, выпускник духовной академии не спешил искать место службы, а продолжал заниматься любимым делом – переводами и творческим сочинительством. В московских издательствах были напечатаны переведенные им книги «Путешествие Морица по Англии» и «Жизнь графа Миниха». Наконец, в 1810 г. В. Тимковский решается покинуть родительское гнездо и поступает на службу в канцелярию Государственного

совета. Поначалу он состоял при главе департамента государственной экономики Н.С. Мордвинове – видном сановнике, первом в истории России морском министре, стороннике конституционной монархии английского образца, и, как тогда считали, самом либеральном человеке в правительстве.

Однако в начале 1812 г. Тимковский пригласился государственному секретарю А.С. Шишкову, который взял его к себе. Яркая, самобытная личность, Александр Семенович Шишков был не только адмиралом, государственным секретарем, министром народного просвещения, военным и политическим деятелем, но и писателем, консерватором, главным, можно сказать, идеологом России во время войны с Наполеоном. В одном из своих многочисленных произведений (а Шишков ко всему был и председателем Российской литературной академии), этот умудренный жизненным опытом человек писал: «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но prepares счастье или несчастье предбудущих времен, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков».

Вот у такого человека Тимковский стал ближайшим сотрудником. Шишков постоянно брал его с собой во все многочисленные путешествия по России и странам Европы, в том числе и в поездки вслед за визитами в европейские столицы императора Александра I. Тимковскому поручалось написание различных манифестов и других документов во время наполеоновских войн и сложных дипломатических отношений между Россией и другими странами, союзниками или противниками бонапартистов. Во время этих поездок В. Тимковский собирал многочисленные материалы и тщательно записывал в своем дневнике то, чему он был свидетелем и что его впечатлило. Все эти материалы, по-видимому, погибли. Но его современник, русский писатель М.А. Максимович, знакомый с этими бумагами, был очень высокого мнения о рукописях, их достоинствах и талантах автора: «Сила пера его нередко уравнивалась с силою его увлекательного изустного слова, в котором я не знал ему равного».

В мае 1816 г. В. Тимковский получает новое назначение – правитель канцелярии при полномочном наместнике по делам Бессарабской области. Статс-секретарь И.А. Каподистрия в июне того же года пишет

полномочному наместнику А.Н. Бахметеву по этому поводу специальное письмо на французском языке, в котором отмечает: «При заключении Бухарестского мира главнокомандующий приказал мне заняться временным устройством этого новоприобретенного края. Политическая цель, которую мы преследовали в то время, заключалась в том, чтобы сделать эту страну убежищем для опороченных в лице турок лиц и семейств. И в пользу которых Бухарестский договор не содержал никаких охранительных условий. Желательно было таким образом выполнить долг чести, который, к тому же, вполне соответствовал настоящим интересам службы. Произошло же совершенно противное. Вместо того, чтобы привлечь людей, администрация привела к эмиграции местных жителей. Император был уведомлен о всех этих беспорядках. Для коренного улучшения положения надлежало заняться им безотлагательно». При этом было признано, что «более срочной мерой являлось обновление канцелярии лица, которому поручено было устройство края». Каподистрия, рекомендуя личность нового чиновника, был уверен, что В.Ф. Тимковский является именно тем, кто в силу своей честности, компетенции и порядочности может навести порядок в канцелярии наместника Бессарабии и улучшить управление.

Весьма нелестно отзываясь о предыдущем опыте управления краем, граф Каподистрия писал: «Все, что было сделано до сих пор, являлось несовершенным и порочным. Это, с одной стороны, результат присущих краю пороков, а с другой – следствие возрастания пороков, порожденного продажностью использовавшихся доселе подчиненных. Страна получила только молдавское, т.е. турецкое, воспитание. Чиновники привыкли ущемлять народ и обогащаться за его счет. Присовокупляя к этим настроениям продажность Временного правительства, с которой Ваше превосходительство столкнетесь на месте, нетрудно объяснить бедствия, жертвой которых является Бессарабия». Эти слова показывают, насколько Петербург был озабочен лихоимством бояр, правивших краем по привычным и знакомым им турецко-фанариотским правилам, и неспособностью российских чиновников остановить коррупцию и грабеж местного населения.

Как управляющий канцелярией полномочного наместника Бессарабии, В.Ф. Тимковский активно участвовал в разработке Устава образования Бессарабской области, который был подписан государем в Кишиневе в 1818 г. и о котором мы уже говорили в прошлом очерке. Вслед за тем, изгибы судьбы чиновника привели его на должность начальника обоих отделений азиатского департамента Министерства иностранных дел, который и был им основан, а затем – к должности

председателя Оренбургской пограничной комиссии. По просьбе главнокомандующего в Грузии Ермолова Тимковский был командирован к нему для особых поручений. Наконец, в 1825 г. его назначают бессарабским гражданским губернатором.

Кишинев и Бессарабия были очень хорошо известны новому губернатору. Ведь еще будучи в должности правителя канцелярии полномочного наместника генерала Бахметева, он с любовью и нескрываемым интересом собирал материалы по истории и культуре молдаван, которая очень увлекала российского чиновника. В 1816–1817 гг. Тимковский увлеченно пишет книгу «История Бессарабии». Однако опубликовать ее не успел – перемещения по службе не давали сосредоточиться на любимом деле. Во время наводнения в Петербурге рукопись погибла, и мы, к сожалению, уже никогда не узнаем ее содержания, не прочтем ее текста. Ничего не известно и о судьбе другого исторического сочинения В.Ф. Тимковского – «Князь Курбский», видимо, она тоже погибла. Эта же судьба постигла его дневники, путевые заметки и зарисовки, другие материалы, которые, вероятно, могли бы стать ценными свидетельствами переживаемой автором эпохи.

Напечатаны были и сохранились лишь некоторые прозаические литературные произведения, которые как раз особой ценности для нас не представляют. Вообще, надо сказать, В.Ф. Тимковский считал себя не столько чиновником, сколько писателем, а своим главным делом в жизни – творчество и сочинение. Он являлся членом известного тогда литературного объединения «Беседы любителей русской словесности». А вот о его политических взглядах трудно судить, поскольку самые важные труды и его оценки действительности безвозвратно утеряны.

А может быть, не случайно? И этого отрицать нельзя. Не исключено, что автор уничтожил сознательно свои рукописи, потому что они содержали «крамолу» и отражали его левые республиканские антикрепостнические убеждения, что впоследствии, в николаевские времена, мягко говоря, не поощрялось. Закономерен, видимо, и тот энтузиазм, с которым Тимковский изучал положение бессарабского крестьянства, которое не знало крепостничества. Кроме того, по показаниям ряда арестованных декабристов после восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, Тимковский, проживая и работая при выдающимся русском военачальнике генерале А.П. Ермолове, вошел в Кавказское тайное общество. Следовательно, Тимковский был декабристом?

Так это или не так, точно не известно, поскольку следствие по делу декабристов оставило эти показания без внимания, а само существование такого общества до сих пор историками не доказано. Вовремя

уничтоженные улики спасают человеческие судьбы, однако затуманивают объективное видение прошлого будущими поколениями. Историкам остается лишь догадываться и предполагать с большой степенью вероятности. Ведь показательно, что близкие знакомые называли Василия Федоровича «Тимковским-Катоном» в честь прославленного Катона Младшего – римского политика строгих образцовых правил и республиканца, символа защиты республиканского строя, любимца Радищева и декабристов. Во всяком случае, имя В.Ф. Тимковского фигурирует в книге «Декабристы. Биографический справочник», изданной в Москве в 1988 г. (с.124).

Что касается деятельности Тимковского в должности бессарабского губернатора, то сказать твердо можно следующее. Он работал в обстановке, которая была ему по душе; в крае было запрещено крепостничество. К тому же в 1820 г. полномочный наместник Бессарабской области А.Н. Бахметев был уволен по болезни. Его место занял герой Отечественной войны, знаменитый генерал Иван Никитич Инзов, который опекал А.С. Пушкина во время его кишиневской ссылки, и которого до обожания, с любовью почитало местное население, особенно Юга Бессарабии. Здесь Инзов расселял бежавших от турецкого ига болгар и гагаузов, предоставляя им все, какие только возможно, льготы. Наверное, для характеристики этого человека достаточно привести такие детали: французский король Людовик XVIII наградил brave генерала,

Рис. 24. Генерал И.Н. Инзов

громившего французские полчища, Орденом Почетного легиона за его исключительно гуманное и доброе отношение к пленным французам. А когда в 1845 г. генерал умер в Одессе, полные скорби жители Бессарабии не везли его гроб в катафалке, а несли на себе от Одессы до Болграда – города, который Инзов основал. Затем гроб с телом генерала благодарные бессарабцы сопроводили на коленях от церкви, где отпевали покойного, до его могилы.

Будучи генерал-губернатором Новороссийского края, Инзов требовал от всех чиновников строгого соблюдения законов и

уважительного, щепетильного отношения к местным обычаям, культуре, языку. Иоанн Каподистрия, отвечавший в правительстве России за состояние дел в Бессарабии, с удовлетворением отмечал в докладе Александру I: «Оба языка – российский, молдавский, употребляемые в делах правительства, употребляются также и в богослужении».

По-видимому, Тимковскому нравилось работать в подобной атмосфере, созданной кристально честным человеком, мужественным офицером, тонким, понимающим, порядочным политиком. Несмотря на повсеместное расширение реакции и подавление всякого «вольнодумства» после разгрома декабристского движения, в Бессарабии какого-либо особого ухудшения общественно-политической обстановки и «закручивания гаек» не наблюдалось. Социальных конфликтов, массового недовольства населения и даже поступления доносов и жалоб в Петербург на гражданского губернатора также не зафиксировано.

Гражданский губернатор Бессарабии Тимковский руководил краем до 1828 г. Его авторитет был непререкаем как в самой губернии, так и в других местах России. Выдающийся русский этнограф, ученый и государственный деятель А.И. Левшин, который работал рядом с Тимковским и имел возможность ощутить на себе всю силу его обаяния, много лет спустя вспоминал, что этот замечательный человек пленил его своим «светлым умом, прямою душою, сведениями и бойким пером». Умер В.Ф. Тимковский в 1832 г., на 51-м году жизни. Многие загадки своей жизни и своего правления краем он унес с собой в могилу. К сожалению, вряд ли мы когда-нибудь сможем их разгадать.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ТУРГЕНЕВ **(17 января 1828 г. – 30 июля 1828 г.)**

Сразу с отставкой В.Ф. Тимковского гражданским губернатором Бессарабии был назначен русский чиновник и офицер из знаменитого дворянского рода, бывший тобольский губернатор Александр Михайлович Тургенев. Этот человек прожил долгую жизнь и умер, разменяв далеко за девяносто лет, оставив после себя подробнейшие мемуары, описание (правда, не всегда точное) своей жизни и людей, с которыми он был знаком.

Родился будущий бессарабский руководитель в Москве в 1772 г. Его семья – образованные дворяне М.М. Тургенев и А.Б. Умская, дочь известного благотворителя и опекуна российских сирот, подкидышей и беспризорников Богдана Умского. В возрасте 14 лет Михаила отдали на военную службу унтер-офицером лейб-гвардии конного полка, а через 10 лет он получил чин корнета Екатеринославского кирасирского полка и несколько лет состоял адъютантом князя Г.С. Волконского, оренбургского военного губернатора, а затем служил адъютантом при московском генерал-губернаторе графе И.П. Салтыкове.

Воспользовавшись советом супруги губернатора графини Д.П. Салтыковой, молодой офицер уходит в отставку и уезжает в Нижнюю Саксонию, г. Геттинген, где в одном из крупнейших европейских университетов изучает философию, а также юридические и естественные науки, французскую и немецкую литературу. По возвращении в Россию Тургенев вновь поступает на военную службу и назначается дивизионным адъютантом к командиру гренадерской дивизии графу П.А. Строганову. Это случилось незадолго до нападения Наполеона на Россию. В Бородинском сражении, крупнейшей битве Отечественной войны 1812 г., решившей судьбу Наполеона и всей Европы, А.М. Тургенев был ранен, награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом и уволен со службы в звании капитана по ранению.

Вернувшись в Россию после лечения от контузии за границей, А.М. Тургенев поступает на гражданскую службу. Он был назначен управляющим Феодосийской таможней, служил окружным таможенным начальником Брест-Литовским, потом – Астраханским. В конце 1823 г. император Александр назначает Тургенева Tobольским гражданским губернатором. Однако прогрессивно мыслящий губернатор в чем-то не сошелся со взглядами генерала П.М. Капцевича, тогдашнего губернатора Западной Сибири. В результате интриг он был уволен со снятием чина статского советника. Правда, в мае 1826 г. новый импе-

ратор Николай I своим высочайшим указом восстановил опального губернатора в чине, а затем назначил гражданским губернатором в Бессарабскую область.

В Кишиневе А.М. Тургенев прослужил недолго, всего полгода, и был отправлен гражданским губернатором в Казань. Правда, и там он служил всего полгода, а затем по просьбе министра внутренних дел А.А. Закревского стал директором медицинского департамента. В этой должности за успешную деятельность ему был присвоен чин действительного статского советника. Правда, обвиненный в самовольном расходовании казенных сумм, он вынужден был подать в отставку, которую император Николай не принял, и повелел перевести чиновника в учреждение, занимавшееся толкованием и рассмотрением гербов и других геральдических знаков.

Утомленный долгими годами службы, А.М. Тургенев уходит в отставку со знаком отличия за беспорочную службу и в возрасте 62 лет женится на П.Х. фон Литке, которая была младше своего избранника на 35 лет. Вскоре у «молодых» родилась дочь Ольга, крестным отцом которой стал русский поэт В.А. Жуковский, один из основоположников романтизма в России. В середине XIX в. дом Тургеневых в С.-Петербурге на Миллионной улице превратился в своего рода модный салон, где собирались молодые писатели, поэты, литераторы, государственные и общественные деятели.

Тогда начинающий, а в будущем великий русский писатель Л.Н. Толстой в этой квартире впервые прочел свои «Военные рассказы», а И.С. Тургенев – рассказ «Муму». Свои произведения здесь читали писатели И.А. Гончаров и А.В. Дружинин, поэт Я.П. Полонский, литератор и переводчик В.П. Боткин. Здесь обсуждал с единомышленниками животрепещущие социальные и политические проблемы России один из главных сторонников освобождения крестьян от крепостной зависимости – действительный тайный советник Н.А. Милютин, сенатор, государственный секретарь.

Незадолго до своей смерти, когда бывший губернатор Бессарабии узнал, что 29 февраля 1861 г. император Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права в России, восторженный А.М. Тургенев был по-настоящему счастлив. Он, расчувствовавшись, написал дочери:

«Вчерашний день совершилось дело на земле истинно великое, христианское и до вчерашнего никогда не случавшееся! Благочестивейший и благодущнейший царь и самодержец православной России разрушил, сокрушил навсегда оковы, приковывавшие 23 миллиона к

земле, как неодушевленное дерево прикрепляли корни, глубоко внедрившиеся в землю без малого столетие. 23 миллиона народа, поработанного до скотского существования, возродил в человеческий быт, отверз миллионам очи и уста, возродил в миллионах сознание человека, что не скотина, не вещь, что его не будут продавать как быка или менять на борзую собаку».

Эти слова характеризуют бывшего бессарабского губернатора как человека глубоко верующего, патриота своей страны, преданного ей всеми фибрами своей души, но одновременно и как убежденного противника произвола и насилия, как гуманиста и альтруиста. В 1863 г. А.М. Тургенев умер в Царском Селе, оставив потомкам свои пространственные «Записки», которые были в конце XIX в. опубликованы журналом «Русская старина». Они читались и читаются с огромным интересом, живо представляя описываемую эпоху и ее действующих лиц. И на этом, пожалуй, можно было бы и завершить рассказ об этом руководителе Бессарабии, если бы не одно важное обстоятельство.

Губернаторство в Бессарабии было для А.М. Тургенева действительно малозначительным эпизодом, о котором он почти и не вспоминает в своих «Записках». Но на время его правления приходится довольно важный поворот в положении этой области в системе Российской империи, о котором нельзя не сказать. 28 февраля 1828 г. закончился период административных реформ, и Бессарабия навсегда потеряла свой статус автономии в составе империи. Это важнейшее событие имело свои причины и свою предысторию, которая в январе 1828 г. никоим образом не зависела от новоиспеченного гражданского губернатора.

Молдавское боярство всячески противилось усилиям центральных властей навести в крае элементарный порядок и ликвидировать все пережитки турецко-фанариотских времен, чтобы способствовать хозяйственному освоению и экономическому процветанию этой важной для Петербурга провинции. Ограничение произвола, взяточничества, грабежей и злоупотреблений чиновников, ликвидацию откупной системы сбора налогов, позволявшую обогащаться за счет неимущего населения, бояре воспринимали как покушение на вековые «обычаи земли» и не желали сдавать свои привилегии.

Конечно же, подобные попытки перед лицом военно-политической мощи империи и ее государственного аппарата были обречены на провал. В 1823 г. вместо генерала Инзова полномочным наместником назначается известный русский государственный деятель, участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и Отечественной войны 1812 г. генерал-фельдмаршал Михаил Семенович Воронцов. С 1823 г. он был новороссийским генерал-губернатором и наместником Бессарабской

области, а с 1828 по 1844 г. являлся новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Это о нем А.С. Пушкин напишет злую и не вполне справедливую эпиграмму:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Рис. 25. М.С. Воронцов

Воронцов не скрывал свое весьма невысокое мнение о местном боярстве и был сторонником ликвидации всех местных особенностей, под видом которых тормозилось социальное, экономическое и культурное развитие населения Бессарабии в угоду небольшой кучке алчных богатеев, считавших себя элитой местного общества. В целях ускорения реорганизации системы местного управления областью М.С. Воронцов воспользовался специальной докладной запиской вице-губернатора Ф.Ф. Вигеля, о которой мы уже упоминали на предыдущих страницах. Но прежде он решил

лично ознакомиться с этой системой.

Приехав в Кишинев, Воронцов подверг жесткой проверке все присутственные места области и был поражен тем, что «все в полном беспорядке», – в суде, в полицейском управлении, в казенно-экономической экспедиции. Наместник потребовал от Верховного совета немедленного устранения всех беспорядков и назначил приглашенного из Петербурга Вигеля на одно из постоянных мест в Верховном совете. Созданная Воронцовым ревизионная комиссия обнаружила большие финансовые злоупотребления в областном правительстве, растраты и хищения в сумме более 1 млн левов. Уволив виновных в этом воровстве чиновников-расхитителей, наместник заставил их вернуть похищенные деньги в государственную казну.

Вслед за тем, понимая, что корень злоупотреблений кроется в отстаиваемых боярами особенностях местного управления, М.С. Ворон-

цов фактически взял курс на введение в Бессарабии общегубернского управления и ликвидацию автономии края как таковой. Он фактически вернулся к проекту И.М. Гартинга, который, как мы помним, еще в 1813 г. предлагал распространить на Бессарабию исключительно российских законы, нормы права и формы управления. За это Гартинг лишился своей должности по жалобам и интригам бояр. Но теперь у бояр не было покровителей в лице Иоанна Каподистрия и Гавриила Бэнулеску-Бодони. А такая политическая фигура, как сановник высочайшего уровня граф Воронцов, пользовавшийся у царя безграничным доверием и полным авторитетом в правительстве Петербурга, был боярам не по зубам. Интриговать против него было бы себе дороже.

М.С. Воронцов лично и непосредственно стал заниматься реорганизацией системы управления Бессарабией. По его поручению был составлен законопроект, который был внесен на рассмотрение Государственного совета России в 1826 г. Проект был утвержден этим органом 29 февраля 1828 г., подписан Николаем I и опубликован под названием «Учреждение для управления Бессарабской областью». Таким образом, гражданский губернатор Бессарабии А.М. Тургенев, проработавший в этой должности всего лишь месяц, стал молчаливым свидетелем ситуации, когда положение вверенной ему губернии во многом изменилось. Причем мнение самого губернатора никого не интересовало. Все было решено до него и без него.

Конечно, такое равнодушие к мнению высшего начальственного лица области указывает на то, что гражданский губернатор Бессарабии не был самостоятельной политической фигурой, и его функции заключались лишь в точном проведении политики центра. Сами же основы этой политики формировались не в Кишиневе, а в других столицах. Однако эта политика исходила из высших геополитических интересов как самой империи, так и конкретных интересов местного населения и, прежде всего, господствующего класса – молдавских бояр. Петербург вовсе не был намерен каким-либо образом принижать или ущемлять местных землевладельцев и чиновников в их стремлении к обогащению и власти, если оно не противоречило законам империи.

Новый статус области упразднял наместничество в Бессарабии. Край был включен в Новороссийское генерал-губернаторство на общих основаниях с другими новороссийскими губерниями. Закон вводил общероссийскую налоговую систему и российские учреждения управления; выборность должностей отменялась. Вместо Верховного совета учреждался Областной совет, который утратил законодатель-

ные функции и стал совещательным органом, члены которого назначались правительством.

Принятый 29 февраля 1829 г. закон отменял также областное правительство и создавал Областное правление с различными его структурами: казенной палатой, почтовым, карантинным, таможенным управлениями, управлением соляных озер и областными судами (их было три – гражданский, уголовный, сиротский). В городах управление также подразделялось на судебную часть, хозяйственную, полицейскую часть. Все чиновники на свои должности назначались генерал-губернатором. Сам генерал-губернатор подчинялся Министерству внутренних дел России.

Таким образом, при гражданском губернаторе А.М. Тургеневе закончился период административных реформ в Бессарабии, суть которого составляла постепенная эволюция от более или менее широкой автономии со всеми пережитками турецко-фанариотского периода к общегубернскому статусу управления, характерному для всех других провинций России. Сам Тургенев к этой перестройке не имел никакого отношения. И эта система сохранялась в крае в неизменном виде вплоть до буржуазных реформ 60-х годов XIX в.

Что касается молдавских бояр, то никаких особых «ущемлений» своих интересов они не притерпели. Конечно, они потеряли возможность обогащения за счет покупаемых и продаваемых чиновничьих должностей. Но закон 1828 г. не затронул коренных классовых интересов господствующих слоев – бояре получили все права и привилегии российского дворянства и чиновничества. Поэтому никаких особых протестов со стороны бояр против нового закона не было.

«Учреждение для управления Бессарабской областью» подтвердило и права крестьян. Закон подчеркивал, что ни один крестьянин в Бессарабии не может быть закрепощен. Более того, даже крестьяне, переселившиеся в Бессарабию после 1812 г., и те крестьяне, кто переселится в будущем, не могут быть подвергнуты крепостной зависимости. Закон это ясно и понятно утверждал раз и навсегда.

Мы не можем и не будем говорить, что правительство России не знало других забот, кроме как благополучие и процветание присоединенного к России края. Конечно, нет. Но правительство не могло полагаться на нестойкое, алчное и вороватое местное боярство в регионе, который находился на острие Восточного вопроса и совсем не мирных русско-турецких отношений. Поэтому было решено применить здесь тот опыт, который уже был испытан на других окраинах – Грузии, Польше, Финляндии.

Этот опыт подсказывал, что всю полноту власти следует передать в руки своего надежного ставленника, генерал-губернатора. Все прочие так называемые местные особенности и своеобразие подлежали ликвидации. И прежде всего – выборные органы управления, в частности, областной Верховный совет, который состоял в большинстве своем из представителей бессарабского боярства. Никаких прав законодательного, распорядительного, судебного и исполнительного свойства выборный орган местного боярства больше не осуществлял, собственно, он был просто ликвидирован.

Областное правление теперь имело следующие функции: управление городской и уездной полицией, пожарными командами, строительством, наблюдение за приказами общественного призрения (богадельни, сиротские дома и проч.), врачебной помощью, распоряжение городскими доходами и расходами, рассмотрение спорных дел, осуществление гражданского судопроизводства, решение других административных и хозяйственных вопросов. Правителем области являлся гражданский губернатор, в руках которого и сосредотачивалось выполнение данных дел.

Принятое при губернаторе Тургеневе, хоть и без его ведома и согласия, новое положение Бессарабии наносило окончательный удар по турецко-фанариотским порядкам и пережиткам ушедшей навсегда эпохи. Система управления, характерная для отсталых государственно-феодальных отношений османского господства, отменялась. Бессарабия и проживающее на ее территории население вовлекалось в социально-экономические, общественно-политические и культурные отношения и связи, существовавшие в стране. Тем самым перед молдавским народом открывались новые исторические перспективы в составе единой и мощной, близкой по духу православной державы. И это был все-таки путь прогресса.

НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ПРАЖЕВСКИЙ **(2 ноября 1828 г. – 24 марта 1829 г.)**

Через несколько месяцев после увольнения Тургенева, в начале ноября 1828 г. гражданским губернатором Бессарабии назначается действительный статский советник Н.П. Пражевский, который руководил областью немногим более четырех месяцев. По всей видимости, это был человек, как и его предшественник, достаточно случайный. Никаких заметных следов в его управлении провинцией не осталось, и историкам мало что известно о нем.

Пражевский родился в 1787 г. и был офицером российской армии. А должность бессарабского губернатора он получил в 40-летнем возрасте. Вероятно, как и многие люди его поколения, освобождавшие Европу от тирании Наполеона Бонапарта, он был противником крепостничества и сторонником освобождения крестьян.

Есть основание предполагать, что Пражевский как-то был связан с делом декабристов и восстанием на Сенатской площади в Петербурге 14 января 1825 г. Основание это состоит в следующем. Российский публицист и переводчик М.К. Грибовский, состоявший членом Коренной управы Союза благоденствия, в 1821 г. написал донос шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу об известных ему членах тайного антиправительственного общества, где упоминает некоего Прижевского, в котором историки склонны видеть будущего бессарабского губернатора. Последний тогда служил в Главной квартире 10-й армии и был уволен со службы, поскольку у него на квартире собиралась свободомыслящая молодежь.

Начальник III отделения собственной Его величества канцелярии Бенкендорф передал эту записку Александру I. Однако русский император повелел оставить этот донос без внимания. Зато Грибовский как агент Бенкендорфа получил титул коллежского советника, участвовал в арестах декабристов и стал симбирским вице-губернатором, а в 1827 г. по рекомендации Бенкендорфа назначен слободско-украинским губернатором с пожалованием титула статского советника. Слободско-Украинская губерния в составе Российской империи имела центром Харьков, где и находился тогда губернатор. Правда, Николай I через год отстранил доносчика от высокой должности и отдал под суд «по разным предметам», вероятнее всего, за взяточничество. Доносчиков в России всегда не уважали. Их презирали даже те, кто использовал эти доносы для искоренения крамолы.

Рис. 26. А.Х. Бенкендорф

Имя Николая Пражевского известно в связи с еще одним делом, с историей столь же романтической, сколь и трагической. Он дружил в Петербурге с флигель-адъютантом императора Александра I, молодым офицером Владимиром Дмитриевичем Новосильцевым. Летом 1824 г. принадлежащий по богатству, связям и родству к высшему петербургскому обществу блестящий офицер Новосильцев познакомился с девушкой Екатериной, веселой и красивой дочерью незнатного и небогатого генерал-майора П.К. Чернова. Молодые люди сблизились и полюбили друг дру-

га. Новосильцев объявил о помолвке и скорой свадьбе, не спросив благословения своей матери, Е.В. Новосильцевой, урожденной Орловой, дочери графа Владимира Орлова, который приходился братом знаменитому фавориту Екатерины Великой Григорию Орлову. Мать, узнав о своевольном решении сына, запретила ему жениться, поскольку принадлежала к знатной и состоятельной семье, высшему петербургскому свету, а Черновы были незнатными и бедными дворянами. Своему единственному сыну она желала другую партию.

Новосильцев не посмел перечить матери, но не спешил и расставаться с любимой девушкой, постоянно оттягивая помолвку, и переносил дату свадьбы. Наконец Черновы поняли, что их просто обманывают, а честь Е.П. Черновой и всей семьи опозорена. Тогда брат Екатерины, молодой подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Константин Чернов, который, вероятно, был, как и Николай Пражевский, членом тайного Северного общества декабристов, вызвал Владимира Новосильцева на дуэль.

Дуэль состоялась в 6 часов утра 10 сентября 1825 г. в парке Лесного института С.-Петербурга. Ее условия были очень жесткими, не оставлявшими ни одного шанса обоим 20-летним юношам: стрелялись с расстояния пяти шагов одновременно, а итог был плачевным, к всеобщему ужасу. Секундантом Чернова был К.Ф. Рылеев, один из будущих руководителей восстания, повешенный впоследствии по приговору

суда. Рылеев успел написать «Записку о дуэли Новосильцева и Чернова», в которой приводит слова из последнего письма своего друга: «Дело чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вероятности, обещает мне смерть... Хочу кончить с собою на нем, на этом оскорбителе моего семейства, который для пустых толков еще пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества. Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души».

Друг Новосильцева Н. Пrajeвский, узнавший о дуэли, поспешил ее остановить, но не успел буквально на несколько секунд. Он уже подходил к месту дуэли в парке, когда услышал два почти одновременных выстрела. Пражевский увез раненного Новосильцева и не отходил от него до самой последней минуты жизни своего друга.

К.П. Чернов, раненный пулей в висок, через 12 дней скончался и был похоронен на Смоленском кладбище. Его похороны декабристы превратили в своего рода массовую манифестацию. Это была как бы репетиция будущего восстания в Петербурге на Сенатской площади, которое случилось в декабре того же года, несколько месяцев спустя. Сам Новосильцев прожил три дня после дуэли. Испытывая страшные физические мучения, он беспокоился о смертельно раненном своем «противнике»: оказывается ли ему квалифицированная помощь врача, как он себя чувствует, не наступило ли облегчение. Уже умирая, он говорил, что не желал ему «ни смерти, ни страдания».

Н.П. Пражевский, как друг Новосильцева, ни на шаг не отходивший от смертельно раненного, в своем пространном письме к его матери во всех подробностях описал последние часы Владимира. Он сообщал: «Исполнив долг христианский, незабвенный юноша, прекрасное чело коего покрыто было смертною бледностью, сказал нам: «Итак, пришел мой конец. Ежели за некоторую неосновательность поступка моего относительно семейства Черновых, в который вовлечен я был неопытностью моею, должен заплатить жизнью, то без ропота переносу предназначение неисповедимых судеб. Умираю с чистою совестью. Каков Чернов? — продолжал он, — ради Бога, узнайте. Невольно нанесенная мною ему рана терзает меня жестоко».

Константин Чернов умирал в кругу друзей также в полном сознании. Он просил их не сообщать его матери и сестре о своей горькой участи. Его смерть и связанная с ней трагедия запрещенной любви потрясла весь Петербург. Декабрист Е.П. Оболенский вспоминал: «Трудно сказать, какое множество провожало гроб до Смоленского кладбища. Все, что мыслило, чувствовало, соединилось здесь в безмолвной

процессии и безмолвно выражало сочувствие тому, кто собою выразил идею общую, каждым сознаваемую и сознательно, и бессознательно; защиту слабого против сильного, скромного против гордого». Дуэль имела широкий резонанс в петербургском обществе как поединок в защиту высокой идеи, в защиту человеческого равенства, искренних чувств и любви.

Е.В. Новосильцева, потерявшая по собственной вине единственного сына, обвиняла себя в его смерти, душевно мучилась и страдала. Оплакивая невозвратимую утрату, в которой сама была виновата, она вся отдалась молитвам и благотворительным делам, до самого последнего дня своего не снимая глубокого траура. Кроме церкви, митрополита Филарета и самых близких родных, она никого не хотела видеть и нигде не бывала. В отчаянии она говорила Филарету: «Я убийца моего сына, помолитесь, владыка, чтобы я поскорее умерла!». Она перевезла тело сына в Москву и похоронила в склепе Новоспасского монастыря, заготовив и себе место рядом с ним.

Желая искупить свой грех, она приобрела постоянный двор в Лесном, где погиб ее сын, и возвела на этом месте богадельню для увечных воинов с храмом Равноапостольного св. Владимира (его в народе называли Новосильцевским), истратив около миллиона рублей на благотворительность. Храм был взорван в 1932 г., но богадельня сохранилась и по сей день. Впоследствии, в 1830 г., на месте дуэли, где стрелялись юноши, были установлены памятные знаки. Здесь поставили памятник уже и в наше время.

Н.П. Пражевский, будучи тогда начальником Первого департамента Министерства финансов России, являлся и душеприказчиком Владимира Новосильцева, помогал несчастной матери возводить храм. Впоследствии в склепе этого храма был похоронен действительный статский советник Евстафий Пражевский (1797–1840), брат Николая Прокофьевича. Он также был другом Е.В. Новосильцевой и поддерживал ее в самый трагический период жизни.

Бывший бессарабский гражданский губернатор Пражевский умер в возрасте 62 лет в 1849 г. Его жизнь нам известна лишь по этим отрывочным сведениям. Его деятельность в короткий четырехмесячный срок на посту губернатора Бессарабии нам не известна почти совсем.

АКИНФИЙ ИВАНОВИЧ СОРОКУНСКИЙ **(24 марта 1829 г. – 17 апреля 1833 г.)**

Действительный статский советник А.И. Сорокунский в должности гражданского губернатора Бессарабии прослужил четыре года. Историкам не многое известно о личности этого правителя края, даже время его рождения точно не установлено. До своего назначения в Бессарабию он в течение шести лет являлся гражданским губернатором Витебской губернии, включающей 12 городов и свыше 22 тыс. сел и местечек.

Не исключено, что задолго до этого А.И. Сорокунский проработал в Новороссии значительное время, а возможно, был и уроженцем здешних мест. Известный русский писатель, литератор и журналист Н.И. Греч в своих автобиографических «Записках о моей жизни» сообщает, что к началу первой русско-турецкой войны XIX в. Акинфий Сорокунский был мелким чиновником в Дубоссарской почтовой конторе. Его уличили в неблаговидном поступке. Воспользовавшись своим служебным положением, он отправил своему приятелю в Москву государственной почтой какое-то количество («голову») сахара. Это было воспринято как государственное преступление; Сорокунского судили и отстранили от службы с запретом занимать какие-либо государственные должности.

Вероятно, это наказание по своей строгости не соответствовало тяжести чиновничьего проступка. Жители Дубоссар сочувствовали пострадавшему, отзывались о нем очень тепло. И это сыграло определенную роль в изменении его судьбы.

В самый разгар русско-турецкой войны, в конце августа 1807 г. Александр I возводит в звание генерал-фельдмаршала и назначает командующим Молдавской армией, действующей против турок, князя А.А. Прозоровского, одряхлевшего и одолеваемого болезнями 74-летнего пожилого человека, которому было просто не под силу успешное ведение боевых действий, отличавшегося пассивностью, неуверенностью, неудачливостью. Однако правителем канцелярии фельдмаршала в Молдавской армии был Павел Христианович Безак, бывший секретарь Правительствующего сената, человек умный, с незаурядными способностями, красноречивым и ясным изложением мыслей, любитель математики и литературы, знаток многих древних и современных языков. Когда Молдавская армия проходила через Дубоссары, Безак слышал от местных жителей превосходные отзывы о бывшем почтовом чиновнике Сорокунском, о котором все говорили с самой выгодной для него стороны. Под влиянием этих разговоров, познакомившись с отставным чиновником лично, П.Х. Безак и определил опального в свой штат подчиненных ему писцов в штабе главнокомандующего.

Сорокунский оказался человеком работающим, способным и благородным. С первой же наградой за усердие с него была снята опала. Он получил следующий чин и стал расти по служебной лестнице, достигнув должности Витебского, а затем и Бессарабского гражданского губернатора. К Безаку А.И. Сорокунский всю жизнь сохранял душевное почтение и благодарность. А сам П.Х. Безак после смерти Прозоровского оставался служить в Молдавской армии и при главнокомандующем князе П.И. Багратионе, и при главнокомандующем графе М.Ф. Каменском. В Петербурге его привлек к себе известный реформатор и государственный деятель граф М.М. Сперанский. Надо полагать, и будущий бессарабский губернатор участвовал вместе с Безаком в разработке курса реформ Сперанского. Умер А.И. Сорокунский на посту гражданского губернатора Бессарабии в апреле 1833 г. и, как сообщают источники, «был оплакиваемым всей областью».

В архивах сохранились документы, отражающие повседневную работу губернатора по управлению областью. Но, пожалуй, наиболее яркой приметой тех лет был и остается кафедральный храм Кишиневской митрополии Русской православной церкви – Собор Рождества Христова, который был спроектирован и заложен в период правления губернатора Сорокунского. Проект этого главного храма города разработал архитектор Авраам Мельников по инициативе митрополита Бес-

Рис. 27. Кафедральный собор в Кишиневе (современный вид)

сарабии Гавриила Бэнулеску-Бодони и приказу генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии С.М. Воронцова в соответствии с принятым тогда генеральным планом застройки Кишинева.

Собор начали возводить в 1830 г. в центральном сквере на главной улице Кишинева Александровской (затем – пр. Ленина, ныне – пр. Штефана чел Маре). Он строился на одной линии с митрополией и колокольной в стиле русского классицизма и был освящен уже после смерти губернатора в октябре 1836 г. По фасаду здания собора расположены четыре шестиколонных портика, а круглый барабан с высокими световыми окнами увенчан крупным куполом. Внутренние стены собора были расписаны фресками. Дальнейшая судьба храма была непростой.

В самом начале Великой Отечественной войны, в июне 1941 г., румынские бомбардировки сильно повредили здание собора, уничтожили внутреннюю роспись, и вскоре началась его реставрация. Но закончить реставрационные работы удалось лишь после войны, в 50-е гг. XX в.

Однажды холодной декабрьской ночью 1962 г. колокольня, представлявшая вместе с собором и Аркой Победы единый архитектурный ансамбль, была взорвана по распоряжению кишиневских властей, боровшихся такими методами с «церковным влиянием». Затем в соборе были запрещены церковные службы, а его здание передано Министерству культуры МССР в качестве выставочного зала. Лишь в период «перестройки» конца 80-х годов XX в. собор был возвращен Православной церкви, и начались работы по его реконструкции. В 1997 г. была восстановлена и колокольня, правда, в несколько ином виде, чем первоначальная, взорванная в начале 60-х гг. Реставрация внутренней от-

Рис. 28. Колокольня в Соборном парке (современный вид)

делки собора продолжается и по сей день. Когда она будет закончена, нам неизвестно.

Триумфальная Арка Победы, расположенная на одной оси с Кафедральным собором и колокольной, была сооружена в 1840 г. по заказу кишиневского городского головы грека Пантелеймона Синадино, по проекту архитектора И. Заушкевича – с колоколом, отлитым из трофейных турецких пушек в честь победы русских войск над турецкими и освобождения Бессарабии от османского ига. В конце 80-х гг. XX в. она подверглась варварским издевательствам и глумлению со стороны толпы «Народного фронта», разрушившей мемориальные мраморные доски с именами освободителей Молдавии от фашистских оккупантов. Очевидно, идеологи и руководители данного акта мракобесия справедливо посчитали, что существование в центре столицы Молдовы подобного ансамбля вовсе не способствует переделке молдавского самосознания в румынское и мешает уничтожению молдавской государственности.

Рис. 29. Триумфальная арка (Святые ворота, Арка Победы)
в Кишиневе (фото сер. XX в.)

Собираются ли современные власти Молдовы ликвидировать последствия этого варварства и восстановить исторический ансамбль в центре Кишинева в его послевоенном виде, никто не знает. Об этом не ведется в обществе никаких дискуссий.

Впрочем, к губернатору А.И. Сорокунскому это не имеет уже равным счетом никакого отношения.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ АВЕРИН (16 июля 1833 г. – 28 августа 1834 г.)

Рис. 30. П.И. Аверин

После смерти А.И. Сорокунского гражданским губернатором Бессарабской области летом 1833 г. назначается бывший волынский губернатор, 58-летний П.И. Аверин, имевший большой опыт в продовольственном обеспечении войск и гражданского населения. Хотя этот его опыт вряд ли был так уж необходим в сравнительно благополучном в продовольственном отношении регионе страны.

Освоение пустующих земель в Бессарабии осуществлялось достаточно быстрыми темпами. Именно в этот период традиционное преобладание животноводства в структуре сельского

хозяйства уступает место земледелию и зерновому производству. Быстрое заселение края и его колонизация, как и укрепление связей с всероссийским рынком, способствовали его экономическому и хозяйственному прогрессу. Вероятно, в этих условиях для Бессарабии и был нужен чиновник с задатками купца.

Аверин происходил из купеческой среды. Он родился в 1774 г. в семье преуспевающего московского коммерсанта, учился в гимназии для разночинцев, а затем поступил в Московский университет. Но университетского курса не закончил. В 19-летнем возрасте Аверин идет на службу секретарем к курскому генерал-губернатору А.А. Беклешову, которого высоко ценила императрица Екатерина и канцелярией которого управлял старший брат Павла Аверина Петр. Смышленный и расторопный молодой человек пришелся по душе важному государственному сановнику, и он практически не расставался с ним до конца своих дней, а сам Аверин служил своему благодетелю не за страх, а за совесть.

Со смертью Екатерины при императоре Павле I начинается волна всевозможных кадровых перемещений, возвышения одних, опалы других чиновников, новых назначений и новых опал. Самодержец

вручает Беклешову орден Св. Иоанна Иерусалимского и назначает его российским генерал-прокурором со словами: «Ты да я, я да ты – вперед мы одни будем дела делать». Но уже через полгода капризный император смещает своего временного фаворита от должности и вообще отстраняет от государственных дел. Однако новый монарх Александр I возвращает опального сановника на место с награждением его орденом Андрея Первозванного, а затем вручает ему пост генерал-губернатора Москвы.

С новым назначением А.А. Беклешова Павел Аверин становится начальником канцелярии московского генерал-губернатора и возводится в ранг статского советника. Все это время Аверин оставался верен своему начальнику, сопровождая его в дни невзгод и в дни возвышения, помогая ему в решении различных государственных задач. При этом он приобретал опыт практической работы у этого грубоватого, но благородного, честного и неподкупного человека, противодействовавшего казнокрадству, обману и воровству чиновничества. Эта чистая и незапятнанная репутация перешла как бы по наследству и к самому Аверину, когда он стал играть самостоятельные роли на государственной службе.

После смерти в 1808 г. своего покровителя Аверин жил в Остзейском крае (нынешняя Прибалтика), в Риге, но часто посещал и Новороссию, отдыхая в Крыму. С 1811 г. П.И. Аверин работает чиновником особых поручений при министре полиции и получает назначение начальником Краковского департамента в Варшавском герцогстве, входившем тогда в состав Российской империи. Население Кракова было настроено по отношению к России крайне негативно. Но начальнику удалось найти верный тон, заслужить уважение к своей особе, собрать имеющееся у жителей оружие и привести население к присяге на верность российскому престолу.

В 1815 г. Аверина переводят из Кракова во Франкфурт комиссаром русской зоны, куда после разгрома Наполеона входили Бавария, Вюртемберг и Баден. К задачам комиссара относились главным образом хозяйственные и, как сейчас говорят, гуманитарные вопросы: снабжение русских войск продовольствием, организация медицинского обеспечения населения, содержание госпиталей, заготовка резервов питания и расквартирование российских войск по путям их продвижения. Эти же примерно функции исполнял П.И. Аверин затем и в Кенигсберге, за что был награжден орденами Св. Владимира и Св. Анны. Он получил также немецкие ордена и золотые табакерки в награду за успешную деятельность.

Император Александр имел благоприятное мнение об Аверине и в 1820 г. предложил ему должность генерал-провиантмейстера. Но чиновник не проявил особого рвения к служебной карьере, от повышения отказался, ушел в отставку и, женившись на Амалии Эйнике, поселился в г. Дерпте. Однако Александр все же дал Аверину личное поручение. Он послал его в Италию снабжать продовольствием русские войска, посланные для усмирения восстания карбонариев. Впрочем, войска для этих целей не понадобились, и П.И. Аверин вернулся из Италии в Россию, получив пожизненную пенсию.

В качестве чиновника по особым поручениям при Министерстве внутренних дел России Аверину вскоре было поручено исследование Кавказских минеральных вод, а потом он был назначен Волынским губернатором и руководил губернией три года, с 1828 по 1831 г. Во время польского восстания занимался обеспечением русских войск и мерами по предотвращению распространения эпидемии холеры. Попросившись в отставку, он проживал в Курске, Петербурге и Финляндии.

Однако правительство сочло необходимым вновь призвать Павла Ивановича к активной деятельности: его назначают бессарабским губернатором. Правление было непродолжительным, но заметным по тем событиям, которые были связаны с именем Аверина, хотя, по правде говоря, никто этого имени уже и не помнит.

Новый губернатор 24 января 1834 г. принял достаточно важный для крестьян края закон, который получил название «Положение о царанах или свободных земледельцах Бессарабской области». К середине 30-х гг. XIX в. царан в Бессарабии насчитывалось 53 115 душ обоего пола. Царане пользовались наделами, полученными от владельцев земли, и могли их передавать по наследству. За это они должны были отрабатывать барщину (боереск), платить денежные или натуральные оброки, а также подати в казну, сохраняя при этом личную свободу. Их положение было несравненно лучше, чем положение крепостных крестьян во внутренних губерниях России. Этот принцип ни разу не был поколеблен правительством, но на практике он мог быть нарушаем теми или другими сторонами. Произвол помещиков и чиновников приводил к тому, что крестьяне отказывались выполнять повинности, а в особых случаях безнадежности и отчаяния могли даже уходить в гайдуцкие отряды. Причины роста социальной напряженности следовало устранить или хотя бы смягчить.

Подписанное Авериним положение регулировало этот общий порядок, устраняя или ослабляя возможность самодурства, устанавливая твердые правила взаимоотношений между царанами и боярами.

Положение определяло обязанности царан по отношению к землевладельцам, как и обязанности владельцев земли в отношении царан. Конечно, этот закон был на стороне богатых и отстаивал их интересы. Но в то же время он не позволял боярам излишне ужесточать свои аппетиты, вводить непомерные для крестьян нормы барщины и оброка. В целом Положение гарантировало судебную защиту законных интересов сторон.

В деле социального и культурного развития края важную роль сыграли и другие инициативы П.И. Аверина.

Уже через несколько месяцев после своего назначения, 12 сентября 1833 г., губернатор открывает первую в крае Кишиневскую областную гимназию. Кроме предусмотренных общим уставом учебных предметов в гимназии со дня открытия преподавался молдавский язык (до 1865 г.), греческий язык, правоведение. В стенах этого учебного заведения в течение многих десятилетий учились многие известные люди; достаточно сказать, что выпускные экзамены в Кишиневской гимназии сдавал будущий министр финансов и премьер-министр России С.Ю. Витте – одна из ключевых фигур политической истории России начала XX века. Для развития образования, просвещения и науки нашего края в те времена значение гимназии было огромно и неопределимо. Назовем лишь некоторые имена, связанные с молдавской историей и культурой.

В Кишиневской гимназии учился будущий молдавский писатель Ион Сырбу, издавший через три года после окончания обучения, в 1848 г., книгу «Басни», в которую включил свои переводы из И.А. Крылова, И.И. Дмитриева, И.И. Хемницера. Выпускником Кишиневской гимназии был и известный молдавский врач-гуманист, организатор медицинского дела в Молдавии, основатель инфекционного госпиталя в Кишиневе и психиатрического отделения в земской больнице, главный санитарный врач Кишинева и общественный деятель Тома Чорба, который ввел в Бессарабии обязательное оспопрививание населения и тем самым навсегда устранил опасность новых массовых эпидемий. Закончил гимназию и известный российский народник, румынский революционер и писатель Замфир Ралли-Арбуре, отец которого дружил с А.С. Пушкиным, а дочь Екатерина Замфировна знала по швейцарской эмиграции В.И. Ленина, стала его верным соратником и одним из организаторов Молдавской АССР в 1924 г. В судьбах многих жителей нашего края, известных представителей науки и просвещения, данное учебное заведение сыграло важную роль, как и в целом для культурной и общественной жизни молдаван.

Открытая Авериним гимназия стала первым светским учебным заведением в Бессарабии. Ясно – в ней учились в большинстве своем дети из состоятельных семей и привилегированных сословий. При гимназии был даже открыт специальный благородный пансион для этой категории учащихся. Но постепенно, под влиянием демократических идей и общественных движений, гимназия становится одним из центров не только просвещения, но и свободомыслия, прогрессивных веяний и политических движений.

Во главе гимназии находился К.П. Яновский, преподававший физику и математику, – выдающийся педагог, а впоследствии член Государственного совета Российской империи, действительный тайный советник. Молдавский язык в Кишиневской гимназии преподавал ее выпускник, последователь прогрессивных педагогических идей Н.И. Пирогова Ион Дончев, издавший за свой счет два учебника молдавского языка для низших училищ и первых четырех классов гимназий. Первый в России учебник «Начертание правил валахо-молдавской грамматики» издал в 1840 г. ученый Я.Д. Гинкулов, возглавлявший кафедру валахо-молдавского языка Петербургского университета. Но именно книги И. Дончева в течение полу столетия были единственными учебниками молдавского языка и литературы в крае. Они сыграли свою роль в развитии и становлении новой молдавской культуры.

Русский язык и литературу, а также старославянский, греческий и латинский языки в Кишиневской гимназии читал Иван Нечуй-Левицкий, будущий известный украинский писатель. Он был одним из инициаторов сооружения памятника А.С. Пушкину в Кишиневе – того самого памятника, который пережил революции и гражданскую войну, оккупацию и Великую Отечественную войну, все политические власти разных эпох и который до сих пор красуется в парке его имени. Кстати, Нечуй-Левицкий дружил с молдавским поэтом Алексеем Матеевичем, искренне любил самобытность молдавского народа, а кишиневский период его литературной деятельности, наполненный описанием бессарабской природы, молдавских обычаев и нравов, сцен из местной жизни в XIX в., был наиболее продуктивным, интересным и плодотворным в его творчестве.

На народническом этапе освободительной борьбы в России, в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. среди учащихся гимназии находили самый живой отклик животрепещущие проблемы тех лет. Ученики гимназии составляли костяк различных антиправительственных кружков, групп и партий – социал-демократов, эсеров, кадетов и прочих оппозиционных сил.

«Обвинять» во всем этом брожении губернатора или ставить ему эти процессы в заслугу было бы, конечно, нелепым. Но одновременно несправедливым было бы и забвение этих фактов, которые невозможно вычеркнуть из его биографии и нашей истории. В этой связи нельзя не отметить и то, что П.И. Аверин впервые учредил Бессарабский приказ общественного призрения. Что это за учреждение такое?

Приказ общественного призрения был введен в России еще при Екатерине II по губернской реформе 1775 г. Он заведовал школами, медицинскими учреждениями, больницами, богадельнями, сиротскими домами, «смирительными домами» (психбольницами). Чиновники этого приказа обязаны были следить за гигиеной в этих заведениях, снабжением их продовольствием и всем необходимым. Особое внимание уделялось запрету на применение в школах телесных наказаний. Государственная казна выделяла на содержание всех этих общественных учреждений определенные суммы денег. Их введение в Бессарабии означало, что с этого времени и жители края могут пользоваться некоторыми правами государственной поддержки.

Но, пожалуй, не меньшее значение для культурного развития Бессарабской области как европейского региона было принятие при губернаторе Павле Аверине нового плана расширения и застройки губернской столицы Кишинева. В это время Кишинев представлял собой довольно густозаселенный город с хаотичным нагромождением строений на узких кривых улочках в типично азиатском стиле. Все улицы утопали в навозе и грязи, которые являлись источниками зловония, вредных испарений и распространения болезней.

Бугры и неровности городского ландшафта не были расчищены, и во время ливней вода мощными потоками заливала в нижней части города не только погреба и сараи, но и целые улицы. Жилые дома кишиневцев, крытые камышом и соломой, обнесенные жердевыми заборами, полностью уходили под воду и становились негодными для проживания. Река Бык, на которой город стоит, давала воду для хозяйственных нужд, но абсолютно не была пригодна для питья. Здесь купали лошадей, стирали белье, поили стада скота, белили холсты, выдывали кожи убитых животных. Сама эта речка превратилась в сточную канаву, подходящую разве что для полива огородов. Требовалось решать и проблему питьевой воды для населения города.

План, разработанный по желанию губернатора специалистами, предполагал радикальное урезание кривых улиц, замену или втискивание их в новые прямолинейные кварталы европейских форм. В плане впервые в истории города Кишинева давались названия его

улицам, обозначалось армянское подворье, намечались пустыри для нового строительства, в том числе для возведения зданий областного правительства и общественных помещений. Кафедральный собор с колокольной на этом плане был отмечен как уже построенный (и дальнейшее развитие города должно было вестись к западу от улицы Николаевская (впоследствии – ул. Фрунзе, ныне – Колумна), т.е. в верхней части города. Этот план был высочайше утвержден императором. Причем самодержец собственноручно написал на плане: «Быть по сему. Николай I, Александрия, близ Петергофа. 2-го августа 1834 года».

Через три недели после этого события П.И. Аверин подает в отставку, предоставляя своим преемникам воплощать принятые планы в жизнь. Нам трудно судить, почему бессарабский губернатор и, в общем, достаточно успешный чиновник принимает решение навсегда бросить службу и погрузиться целиком и полностью в частную жизнь. Возможно, его тяготила общая политическая атмосфера николаевской России, а может быть – усталость и состояние здоровья.

Закончив карьеру государственного чиновника, он посвятил все свое время тому, к чему, по всей вероятности, была расположена его душа – к путешествиям. Сначала он уезжает в Швецию, потом поселяется в Германии, живет в Англии, ездит по Франции, посещает Италию. Скончался бывший губернатор Бессарабской области 21 ноября 1849 г.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ФЕДОРОВ

(28 августа 1834 г. – 29 мая 1854 г.)

В тот же день, 28 августа 1834 г., когда с поста бессарабского гражданского губернатора ушел П.И. Аверин, на эту должность был назначен царем его полный тезка Павел Иванович Федоров. Ему суждено было управлять краем долгих два десятка лет. И управлять, прямо скажем, успешно.

Вообще-то в длинной летописи молдавских правителей не много найдется персонажей, которые в отношении срока своего царствования на вершине власти могли бы превзойти губернатора Федорова.

Это Стефан Великий, который правил 47 лет – с 1457 по 1504 г.

Это Александр Добрый, правивший 32 года – с 1400 по 1432 г.

А вот Василий Лупу на молдавском престоле процарствовал 19 лет, с 1634 по 1653 г. И примерно столько же – 19 лет – советской Молдавией руководил Иван Бодюл, с 1961 по 1980 г.

В этой когорте долгожителей у кормила правления Молдавией (все остальные и близко не подошли к 20-летнему рубежу) Павел Федоров занимает третье место. Но дело, конечно, вовсе не в сроках правления, а в чем-то другом.

Однако начнем по порядку. Что это за личность П.И. Федоров? Какую роль он сыграл в истории нашей земли XIX в.?

Родился Федоров в семье орловских дворян в январе 1791 г., закончил С.-Петербургский кадетский корпус. В 17-летнем возрасте был определен прапорщиком в пехотный полк и сразу же направлен в Дунайскую армию, на фронт русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В составе русских военно-морских сил в чине капитана он участвует в сражениях в устье Дуная, штурмует турецкую крепость в Измаиле.

После подписания Бухарестского мира в 1812 г. почти без всякого перерыва Федоров попадает из пламени одной войны в пекло другой, Отечественной. Как русский офицер он всецело отдается делу изгнания из России наполеоновских полчищ. Он участвует во всех крупных сражениях на территории Российской империи, а затем – в заграничном походе русской армии, освобождавшей Европу от тирании Бонапарта. Вместе с армией Федоров с боями проходит Польшу, Австрию, Германию. В апреле 1813 г. при переправе через Эльбу Федоров был контужен и потерял слух в правом ухе. Затем в сражении против корпуса маршала Нея он был ранен в левый бок. А в битве при Лейпциге в Федорова попали две пули, и его вынесли с поля боя с тяжелыми ране-

ниями, почти мертвым. За свою храбрость был возведен в чин майора и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

Много лет Федоров лечился в разных немецких госпиталях и поправлял здоровье на Кавказских минеральных водах. Ранения в обе ноги и раздробленные берцовые кости оставили его инвалидом; всю последующую жизнь он хромал и опирался на костыль. В 1820 г., уволенный по ранениям с воинской службы, Федоров был назначен полицмейстером в г. Николаев Херсонской губернии. Военный губернатор Николаева и Севастополя главнокомандующий Черноморским флотом адмирал А.С. Грейг весьма ценил своего подчиненного за прямоту, честность, исполнительность, инициативность. Один историк, биограф Грейга, так характеризует Федорова: «Полицмейстером тогда был умный, способный, деятельный и всеми уважаемый Павел Иванович Федоров. Надобно сознаться, что в его время полиция отличалась самой неукоризненной исправностью, а город содержался в чистоте и порядке. Мошенники его трепетали, а главное, съестные и прочие припасы продавались в своем виде и по умеренным ценам».

Через несколько лет, будучи николаевским полицмейстером, он стал членом комитета для решения различных дел по Черноморскому департаменту. С 1829 г. Федоров занимает в этом департаменте должность, название которой с первого раза трудно и произнести: обер-штер-кригс-комиссар. А в 1833 г. его производят в генерал-майоры с назначением комендантом города Николаева. Два месяца до назначения в Бессарабию, с июня по август 1834 г., Федоров даже побывал николаевским и севастопольским военным губернатором.

Вот, собственно, вкратце и весь его жизненный путь до приезда в Бессарабию. Забегая вперед, скажем, что будучи два десятилетия бессарабским гражданским губернатором, П.И. Федоров несколько раз временно замещал новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова, который в свое отсутствие всецело доверял все дела по управлению Новороссией этому пунктуальному, образованному и энергичному чиновнику. За усердную службу и полезные труды при исправлении обязанностей на этих должностях Федоров был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени (1839), чином генерал-лейтенанта (1840), орденом Белого орла (1844). Австрийский император за усилия в правильной организации плавания по Дунаю коммерческих судов наградил губернатора орденом Железной Короны 1-й степени. В 1852 г. Федоров повышается в чине и становится генералом от инфантерии.

В 1854 г., безукоризненно прослужив почти два десятилетия руководителем области, а подчас и всей Новороссии, он уходит с поста бес-

сарабского губернатора. По специальному повелению императора Николая I Федоров был оставлен в армии с обязанностью присутствовать в Сенате, где он заседал недолго, до 1855 г. Умер П.И. Федоров в июле этого года в возрасте 64 лет. Его похоронили с почестями на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве.

Чтобы яснее представить себе место и роль этого человека в управлении Бессарабской губернией и жизнью ее населения, посмотрим для начала, какое же «наследство» досталось ему, когда в августе 1834 г. он был назначен губернатором и приехал в Кишинев. То, что он застал, наверное, проще всего описать словами русского чиновника А.Я. Стороженко, действительного тайного советника и сенатора, кстати, однокашника Федорова по кадетскому корпусу и сослуживцу в Дунайской армии во время русско-турецкой войны.

Вот как описывает Строженко ситуацию в Кишиневе во время его там пребывания в конце 20-х гг. XIX в.: «Кишиневское или все Бессарабское гражданское начальство живет только для себя. Полицмейстер не зависит от губернатора, а сей последний, кроме злоупотреблений, ни к чему полезному без разрешения приступить не может. Стоит только въехать в город, чтобы судить о неисправности полиции, и заглянуть в какое вам угодно губернское присутственное место, чтобы видеть общий беспорядок в управлении Областью. Нет ни суда, ни правды. Губернаторов до десятка переменялось не более, как в течение двух лет, считая вице-губернаторов. Двое из них заглянули только в присутственные места и, убоясь бездны, открывшейся перед ними, можно сказать, бежали. Нерешенным делам нет счету, равномерно как и израсходованным казенным суммам. Здесь необходимо быть губернатором человеку знатному, богатому, иначе Кишинев со временем сделается деревнею. Бессарабии нужен был свой Потемкин, и он явился в лице военного губернатора Павла Ивановича Федорова».

С приходом к руководству областью нового гражданского губернатора положение дел стало меняться радикальным образом и достаточно быстро. Со всей решимостью Федоров стал вмешиваться и вникать во всевозможные бюрократические мелочи, в которые прежние руководители брезговали даже заглядывать и которые позволяли низшим чиновникам и помещикам наживаться на беззакониях и страданиях простых людей. Тщательно проверяя до мелочей работу всех присутственных мест, обнаружив массу нерешенных дел, которые годами лежали без движения и покрылись архивной пылью, губернатор начал свою деятельность с коренного изменения системы делопроизводства и его разумного упорядочения. Он понял, что для этого не обойтись

без типографии, в которой можно было бы печатать не только книги, но и различные бланки и формы для рационального ведения делопроизводства.

Ходатайствуя об открытии в Кишиневе губернской типографии, он запросил у кишиневского уездного казначейства кредит в 2 тыс. рублей на 8 лет. В 1835 г. по получению из Петербурга шрифта и оборудования типография заработала. Она была завалена заказами, что позволило быстро возратить казначейству ссуду, а делопроизводство стало вестись по строгим и контролируемым порядкам на основе печатных бланков и книг при обязательной отчетности и прозрачности деятельности всего чиновничьего аппарата. Это нововведение быстро приучило местных бюрократов к порядку, аккуратности и ответственности. Уменьшение взяточничества и коррупции, введение неукоснительных порядков, обязательных для всех, стало поднимать престиж властей в глазах местного населения.

В 1841 г. к Федорову обратился областной предводитель дворянства Бессарабии И.М. Стурдза. Он был обеспокоен тем, что многие бессарабские юноши не могут получать образование в учебных заведениях края на своем родном языке. Не было учебников и пособий, не хватало учителей молдавского и даже русского языка. Вскоре подчиненный губернатору областной совет постановил: «Преподавать в Хотинском, Бельцком и Кишиневском училищах только на молдавском языке, как более необходимом для местного юношества. Все расходы на учебные пособия и распространение их в учебные заведения отнести на счет дворянской кассы».

Воспитанию и образованию молодого поколения П.И. Федоров отводил особое место в своей деятельности в нашем крае. Он ходатайствует перед министром народного образования России об открытии благородного пансиона при Первой кишиневской гимназии для детей небогатых чиновников и обедневших дворян, которые не имели средств на обучение и содержание своих потомков. Эти дети в дальнейшем, получая приличное образование, могли пополнять ряды управленцев, поступая на гражданскую службу в Бессарабии.

Губернатор бывал частым гостем в Кишиневской гимназии, лично общался со всеми ее преподавателями и хорошо разбирался в постановке учебного процесса. По его совету директор гимназии вводит в программу обучения экспериментальный курс законоведения, который разработал профессор Неволин. Через год необходимость и эффективность этого курса была подтверждена на практике, и опыт гимназии в Кишиневе был распространен на все другие учебные заведения

такого рода. Федоров не жалел денег на приобретение для гимназистов книг, учебников, пособий и всего необходимого.

В 1839 г. Федоров задумал соорудить в Кишиневе Сиротский приют, что-то вроде наших детских домов, где самые обездоленные, потерявшие родителей дети могли бы найти кров, уход, питание и образование. Он разработал проект этого учреждения и представил его высокому петербургскому начальству. Однако самодержавная система Российской империи была такова, что любые проблемы решались, только пройдя через все неторопливые механизмы бюрократического аппарата. В 1843 г. (через четыре года!) министр внутренних дел соизволил одобрить проект Федорова и передал его на обсуждение Бессарабской областной комиссии. Все планы, сметы и расходы по строительству Сиротского приюта были подготовлены «всего» за пять лет и в 1849 г., наконец, утверждены самим императором, его высочайшим росчерком пера. Возведение приюта по проекту городского архитектора Луки Заушкевича закончилось лишь в 1857 г., когда бывший бессарабский губернатор уже покоился в земле Новодевичьего монастыря. Тем не менее, проект Федорова был все-таки воплощен в жизнь: на огромном дворе Сиротского приюта в Кишиневе располагались пять корпусов, колодец, другие постройки, а дети жили и обучались русскому языку, математике, чистописанию, Закону Божьему.

Но еще при жизни Федорова по его инициативе в Кишиневе был открыт в 1840 г. частный девический пансион А.Д. Ризо, в котором девочки воспитывались и получали образование. Вслед за этим пансионом появились и другие подобные частные заведения для девочек – в 1841 г. открыла свой пансион вдова Фори, а в 1843 г. – мадмуазель Жано. Для мальчиков такой пансион в Кишиневе открыл пастор Гельвих в 1842 г., а еще ранее, в 1839 г., было открыто еврейское училище для мальчиков.

Бессарабский губернатор не оставлял без внимания и духовные запросы жителей. За годы его правления только в Кишиневе было построено полтора десятка православных церквей, в том числе и два собора. И вот что интересно. Будучи сам православного вероисповедания, Федоров постоянно заботился и о нормальном, беспрепятственном функционировании молитвенных заведений других конфессий.

Это качество – веротерпимость – мы сейчас привычно называем толерантностью. Она была абсолютно необходима для правителя такого пестрого в культурном и духовном отношении края, как Бессарабия. И губернатор, надо сказать, был на высоте понимания этих исторических особенностей руководимого им населения. При нем был возведен

кафедральный собор армяно-григорианского архиепископата, лютеранская кирха, католический костел, не говоря уж о многочисленных еврейских синагогах в городах и местечках края.

Польский писатель и историк Иосиф Игнатий Крашевский, который юношей во времена губернаторства Федорова побывал в Бессарабии, так описывал свои впечатления от кишиневского этнического разнообразия: «В гостинице, где мы остановились, я встретил польскую надпись, торговец был еврей, нанятый извозчик оказался родом из Вильно, а хозяин дома носил итальянскую фамилию. Надписи на уличных вывесках были на молдавском, французском, польском, русском, немецком и армянском языках». Будучи настроенным довольно антиросийски (его отец участвовал в походе Наполеона на Россию и испытал всю горечь поражения), польский писатель с иронией описывал городское строительство, в том числе и архитектуру католического костела. Скорее всего, ему было невдомек, что этого храма могло бы и не быть, если бы не кипучая деятельность губернатора по развитию образования, культуры и духовности всех жителей края, независимо от их языка или веры, в том числе и католиков – поляков, французов, немцев, австрийцев, итальянцев.

Поскольку существующая католическая часовня в Кишиневе, построенная еще при генерал-лейтенанте И.П. Инзове, не могла вместить всех желающих помолиться католиков, П.И. Федоров в начале своего правления задумал возвести достойный католический храм в городе. По его распоряжению были собраны все необходимые документы, разработан и утвержден проект костела, получено разрешение на его строительство. Православный владыка Димитрий не возражал против строительства римско-католической церкви, учитывая, что в городе проживало более тысячи католиков, но с условием, что она не будет стоять рядом с православными храмами.

Федоров отвел для костела участок в центре города, где уже возводились красивые дома городских богачей. Проект костела подготовил петербургский архитектор И. Шарлемань и доработал, привязав к местности, Л. Заушкевич в 1839 г. Губернатор писал графу М.С. Воронцову, что «католической церкви в Кишиневе вовсе не имеется, и богослужения проводятся в одном тесном и ветхом обнесенном плетневым забором доме, не только не имеющем данного храму Божьему приличия, но и даже безобразящем лучшую часть города». Поспоспешествовал губернатор и финансовому обеспечению этой затеи, поскольку «приход хоть и велик, но прихожане не очень богаты и собственными силами храм построить не смогут».

По ходатайству губернатора казна выделила на строительство 10 тыс. руб. в качестве ссуды и еще 10 тыс. руб. без возврата за счет погашения долгов по налогам. Кроме того, губернатор разрешил собирать пожертвования по всей губернии во время католических служб. В мае 1840 г. был заложен первый камень католического костела, в 1841 г. основные постройки храма были возведены, и в мае 1843 г. состоялось его освящение. Поскольку органа в костеле еще не было, праздник сопровождался музыкой военного оркестра кишиневского егерского полка. На торжественном обеде в дворянском клубе вино и шампанское подавали из личных подвалов губернатора, а прихожан бесплатно угощали во дворе костела. В следующем году из Подольской губернии доставили для храма и орган.

Такая деятельность по обеспечению духовных запросов различных категорий населения края, безусловно, говорит о положительных качествах бессарабского руководителя, его гуманности и готовности к пониманию людей другой веры и других идеалов. Ведь был он человеком православным, причем глубоко, искренне верующим. Следует учитывать и фактор времени, когда возводился в Кишиневе католический костел.

Тогда свежи были в памяти драматические события русско-польской войны 1830-1831 гг. и антироссийского восстания поляков под лозунгом восстановления «исторической Речи Посполитой». После взятия Варшавы графом И.Ф. Паскевичем тысячи поляков разбежались по разным странам Европы и рассказывали всякие небылицы о «жестоких русских медведях», давящих свободолюбивую польскую нацию. С этого момента русофобия в Европе и любовь к польским мученикам стала набирать там особые обороты, вплоть до призывов идти новым походом на Россию, чтобы защитить от русских варваров несчастных цивилизованных поляков. В таких условиях строить в православном крае католический храм, не опасаясь косых взглядов и обвинений в неблагонадежности, мог только уверенный в себе человек, личность сильная и независимая. Федоров таким был не только на службе, но и в жизни, и в семье.

Еще во времена своей службы в Николаеве он познакомился с Екатериной Федотовной Митьковой, дочерью одного из чиновников интендантской службы. Молодые полюбили друг друга и обвенчались в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. В их семье родились две девочки и два мальчика, причем дочь Наталья и сын Михаил появились на свет уже в Бессарабии. Эту семью все окружающие считали образцом доброго семейного благополучия, любви и гармонии. Мягкие

семейные отношения в атмосфере православной любви, образованности, воспитанности и доверительности вызывали восхищение и уважение в кишиневском обществе.

Но не только Кишинев своим взлетом обязан губернатору П.И. Федорову. Может показаться странным, но этот храбрый офицер, бесстрашный рубака, искалеченный и израненный в битвах, оказался не только отменным хозяйственником и благоустроителем края, но и ценителем исторического прошлого, бережным собирателем различных артефактов и организатором специальной работы по сохранению памяти о прошлом. В 1836 г. статус Федорова повысился; он был возведен в ранг военного губернатора Бессарабии, которому теперь практически подчинялись все власти и учреждения в области, как гражданские, так и военные.

В 1837 г. губернатор дает распоряжение всем подчиненным ему силам «без замедления доставить точные и полные сведения о древних зданиях, с означением настоящего их положения, и, если возможно, доставить рисунки таковых древностей и изложить вкратце историю существования оных, или предания, кои на их счет сохранились». Полицейские власти на местах принялись усердно выполнять задания губернатора. В результате он в течение года сумел собрать замечательную коллекцию удивительных сведений об истории края. В коллекцию вошли и рисунки исчезающих сооружений, которые уже никогда не будут восстановлены, и планы древних крепостей, и топонимические названия различных населенных пунктов, а также народные предания и легенды, связанные с историческими лицами, молдавскими воеводами и господарями, сведения о скитах, древних церквях и монастырях.

Вполне возможно, что знакомство с этими бесценными материалами породило в сознании губернатора желание приобрести для себя какую-то часть истории полюбившегося ему края, а, возможно, и вдохнуть в эту частицу новую жизнь. В 1838 г. Федоров договорился с боярином и землевладельцем Егором Большим о покупке у него значительного участка земли (10340 десятин), на котором располагалось поселение под названием Формоза (Фрумоаса). Вполне возможно, что Павла Ивановича привлекла богатая история этого местечка. Впервые оно упоминается под названием Шкея в грамоте господаря Стефана Великого в 1502 г. В первом десятилетии XVIII в. на карте Дмитрия Кантемира это село названо, как и речка, разделяющая его на две части, – Фрумоаса. Помещик Балыш получил его в наследство от своего

дяди камергера Ивана Бальша. А в 1835 г. указом императора Николая I поселение получило статус города.

Этот город примерно в те же годы посещает русский историк, писатель и этнограф профессор Н.И. Надеждин. И вот как он его описывает: «Новый город решительно не обзавелся еще ничем, сообразно своему рангу. Он та же молдавская деревня, как было прежде, только населен уже не крестьянами, а чиновниками». Вот эту-то «молдавскую деревню», населенную чиновниками, и купил Федоров на имя своей жены. И сразу же отправил императору Николаю письмо с прошением переименовать это поселение в город Кагул, в честь блестящей победы русских войск над турками в 1770 г. на речке Кагул. Слово «Кагул» для русского уха очень много значило тогда (вспомним пушкинское: «Чугун кагульский, ты священ...»), Кагульская колонна красовалась и в царском парке Петродворца.

Так ничем не примечательное поместье Фрумоаса стало молдавским городом Кагулом и получило свое второе рождение. Федоров лично корпит над чертежами, разрабатывает планы строительства нового города, составляет правильный цветной проект его прямых широких улиц с площадями, рынками, административными и общественными зданиями. Федоров затем лично руководит строительством церковно-приходских училищ для детей и ланкастерских училищ для взрослых, руководит строительством казарм и гражданских учреждений. На речке Фрумоаса строятся пять водяных мельниц. Поселение действительно превращается в город.

Впоследствии уже усилиями Екатерины Федоровой в середине XIX в. вместо старой деревянной церкви, построенной еще в 1795 г., возводится каменный Архангело-Михайловский собор по проекту петербургского профессора архитектуры А.А. Тона. Кагул в своем развитии мог бы и дальше двигаться вперед, достигая новых рубежей под сенью своих просвещенных и опытных владельцев. Но история любит делать непредсказуемые зигзаги. После поражения России в Крымской войне 1856 г. Кагул вместе с другими землями Южной Бессарабии европейскими державами был передан Турции, а затем в составе Молдавского княжества оказывается в границах Румынии. Е.Ф. Федорова продала тогда город греку Д.И. Каравасили.

Немало сделал губернатор Федоров и для развития Измаила, Аккермана, Вилкова и других южных населенных мест края. Раз в год он объезжал с инспекцией свои владения, рассылая печатные уведомления «О приведении дел в должный порядок». И все чиновники на местах, ожидая его визита, трепетали от страха, ибо знали: губернатор –

человек справедливый, но по-военному жесткий и педантичный. Никаких промахов и небрежности в работе он не допускает, а проволочек и бюрократизма не выносит, не прощает. Ни послаблений, ни колебаний, ни компромиссов он не терпит и добивается своих целей, идя напролом. Когда Федоров обнаружил, что губерния катастрофически оголяется, лишаясь своих лесов, он немедленно создал постоянную лесную стражу. Эти патрули курсировали по всем уездам, действовали скоро и решительно, облагали такими штрафами нарушителей, что незаконные вырубки леса немедленно прекратились.

Как военный губернатор Бессарабской области Федоров прекрасно понимал и необходимость создания надежной защиты территории в случае неожиданного удара из-за Прута со стороны враждебных России сил, прежде всего, Турции. Россия, конечно, не слабая страна. Но в первые дни, недели, месяцы военных действий в случае, если они возникнут неожиданно, местное население могло жестоко пострадать. По предложению Федорова в декабре 1844 г. император Николай утверждает положение о Дунайском казачьем войске.

Это войско было сформировано на территории Аккерманского уезда еще в 1828 г., и основу его составили селения потомков запорожских казаков и волонтеров, участвовавших в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Впоследствии войску были переданы селения «отставных нижних чинов» (Михайловка, Николаевка, Новотроицкое и Константиновка), а также свыше тысячи семей казенных и кочующих цыган. Национальный состав войска был самым разношерстным: русские, украинцы, молдаване, албанцы, греки, болгары, цыгане, сербы.

Дунайские казаки занимались хозяйством, промыслами, ремеслами, рыбной ловлей, сочетая мирные занятия с военной службой. В мобилизованном состоянии они могли быстро сформировать три полка – пеший, конный и резервный. Обязанности казаков, их сословно-правовой статус, внутреннее устройство их службы и жизни и определяло положение 1844 г. Тогда же Федоров был награжден орденом Белого орла «за долговременную всегда ревностную службу и неусыпную деятельность по Главному управлению Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью». Интересно, что даже турецкий султан награждал Федорова за благосклонные и правосудные действия в пограничных делах своим орденом Нишан Ифтикар, на ношение которого губернатор получил высочайшее разрешение от Николая I в 1848 г.

В 1845 г. генерал-адъютант М.С. Воронцов получает новое назначение наместником императора на Кавказе. По рекомендации самого графа Воронцова на его должность – новороссийского и бессарабского

генерал-губернатора – был назначен П.И. Федоров. Под реальную и высокую власть наместника перешла не только Бессарабия, но и все новороссийские губернии – Херсонская, Таврическая, Область Войска Донского. Правда, Воронцов формально сохранял за собой титул и новороссийского генерал-губернатора, но руководил всеми делами именно Федоров.

Это вызывало у многих чиновников, тяготившихся суровой педантичностью и жесткой требовательностью заместителя Воронцова, глухое недовольство, протесты и даже жалобы и доносы в Петербург. В государственном архиве Российской Федерации до сих пор хранится дело с доносами и обвинениями губернатора во взяточничестве. Однако император и его окружение доверяли П.И. Федорову, и жалобы после тщательных разбирательств не имели никаких последствий. Наоборот, в 1849 г. он был награжден орденом Св. Александра Невского «за воздаяние ревностной и полезной службы, примерного усердия и неутомимой деятельности при отправлении должностей».

Вот об этой «ревностной и полезной» службе хотелось бы сказать отдельно, посмотрев на нее и с другого ракурса. Ибо П.И. Федоров был не просто волевым, твердым и деятельным администратором, благоустроителем края и чиновником высокого ранга. Он был сыном своего класса и продуктом той системы, которой служил искренне и честно в своей «неутомимой деятельности». Но основной массе угнетаемого населения – крестьянам края – эта его деятельность вряд ли была по вкусу, поскольку она защищала интересы землевладельцев, по большому счету – их угнетателей, недругов и мучителей.

Положение простых людей, главным образом, зависимых крестьян не было предметом особых забот губернатора Федорова. Как раз наоборот, – он делал все, чтобы укрепить и усилить это неравенство, еще больше подчинить крестьян их угнетателям. В бытность Федорова губернатором положение государственных крестьян (крепостных, как мы знаем, в Бессарабии не было) значительно ухудшилось. Трехлетняя засуха в середине 30-х гг., а вместе с ней и другие бедствия – эпидемия холеры, голод, падеж скота – вели к массовому разорению крестьянских хозяйств.

Принятое в 1834 г. «Положение о царанах» закрепляло за крестьянами их бесправие и бессилие перед землевладельцами. Неудачи в введении этого Положения в жизнь определили необходимость другого закона, за подготовку которого взялись местные помещики, администрация и правительственные чиновники. По разработанным правилам, в случае, если крестьяне отказывались заключать с поме-

щиками контракты на основе «Положения о царанах», правительство, т.е. губернатор и его подчиненные, сами регламентировали аграрные отношения на помещичьих и монастырских землях. При этом они могли опираться на новый закон, принятый 27 марта 1846 г., так называемый «Нормальный контракт», регулирующий все взаимоотношения между владельцами земли и крестьянами.

Разорившиеся крестьяне впадали в отчаяние от невозможности прокормить свои семьи, но от них требовали выплаты всех налогов, недоимок, возврата ссуд и процентов в казну, полной оплаты всех податей боярам-землевладельцам. Классовые противоречия стали обостряться в таких массовых масштабах, что на повестку дня встало возрождение гайдуцкого движения – явления, казалось, такого давнего и всеми забытого. Крестьяне от безысходности отказывались выплачивать налоги, бежали за Дунай, пытались целыми селениями перейти в разряд казачества, которое казалось молдавским крестьянам более привилегированным, чем их беспросветное положение. За причисление себя к Дунайскому казачеству выступили крестьяне Карагасан, Тудорово, Молдавки, Гура-Роши и других сел.

Часть крестьян начинает участвовать в гайдуцком движении. Понятно, что в глазах губернатора Федорова гайдуки были ни чем иным, как «разбойниками» и «грабителями», против которых он посылал карательные экспедиции. В своем представлении вышестоящему начальству в феврале 1834 г. Федоров писал: «О таковых происшествиях (т.е. выступлениях гайдуков, о которых губернатор в подробностях говорил выше. – *Н.Б.*) долгом поставляю вашему сиятельству донести, присовокупляя, что как многие из разбойников уже пойманы, и особливо первый из товарищей Тобултока, и о прочих приняты повсеместно деятельнейшие меры, то можно надеяться, что грабительства, вдруг так часто возобновлявшиеся, прекратятся. Впрочем, ваше сиятельство из донесения моего от 20 прошлого октября изволите быть известны о сделанных мною распоряжениях к истреблению в Бессарабской области грабительств и всякого рода подозрительных людей».

Ни больше ни меньше – цель своей деятельности губернатор видел не в помощи обездоленным и нуждающимся людям, которые своим трудом обогащали господствующие слои, а истребление «грабительств» и «подозрительных людей». К категории «подозрительных людей» Федоров относил в числе прочих и бежавших в Бессарабию крепостных из внутренних губерний России.

Дело в том, что крепостным крестьянам российских и малороссийских губерний Бессарабия представлялась далекой сказочной страной

их мечты: там много свободной земли и там нет крепостного бесправия, там есть «земля и воля». Вот и бежали массово в эти земли русские и украинские крестьяне. Власти их отлавливали, наказывали, возвращали назад, к помещикам.

Но молдавские крестьяне проявляли больше солидарности и человечности, чем бездушные чиновники. Беглых укрывали, иногда записывали в свои семьи под именами родственников, умерших между ревизиями. Отсюда и старая молдавская поговорка: «Татэл – рус, мама – рус, дар Иван – молдован!» Беглых усыновляли, приписывали к крестьянским обществам. Даже правительство предписывало местным властям не трогать беглых, если они прожили какое-то количество лет, обзавелись хозяйством и семьей. Оттого и росло население края такими стремительными темпами – за счет народной его колонизации.

Однако те, кто стоял на страже крепостников и феодальной эксплуатации, считали своим долгом истребить это незаконное стремление людей к свободе, достатку и счастью. Эти люди были для чиновников «подозрительными». Губернатор Федоров, по его собственному признанию, за 20 лет своего правления Бессарабией выселил из края 48 тысяч человек.

В «оправдание» губернатора П.И. Федорова можно сказать разве что одно: все предыдущие губернаторы до него и все последующие губернаторы после него поступали точно таким же образом. Они защищали свою систему, и по-другому они поступать не могли.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ИЛЬИНСКИЙ **(15 июля 1854 г. – 10 ноября 1857 г.)**

После отставки П.И. Федорова должность бессарабского военного губернатора занял генерал-майор М.С. Ильинский. Об этом чиновнике нам известно очень немного.

Родился Ильинский в 1798 г., а губернатором Бессарабской области стал в достаточно почтенном возрасте – 56 лет. До этого назначения в звании полковника он являлся комендантом Владикавказской крепости в конце 40-х гг. XIX в. В этой должности принимал участие в Кавказской войне, когда имам Шамиль поднял восстание чеченцев, дагестанцев и других горцев против России. Полковник М.С. Ильинский участвовал в боевых действиях, проявил храбрость и отвагу.

В одном из описаний современников хода боевых действий на Северном Кавказе отмечаются умелые действия Ильинского в опасных ситуациях: «Не доходя верст пяти до р. Змейки, отряд полковника Ильинского был остановлен переправившимися уже через Терек скопищами Шамиля. Ввиду невозможности задержать уже оканчивающих переправу чеченцев, а также прорваться сквозь их массу для соединения с отрядом г.-м. Нестерова, полковник Ильинский отступил и занял позицию для защиты станицы Урухской. Чеченцы бросились на отряд, так как заметили его малочисленность, но, потерпев неудачу и опасаясь прихода отряда из ст. Николаевской, прошли мимо. Эта задержка все-таки помогла: Шамиль недолго погостил в Кабарде». Полковник был замечен командующим русскими войсками на Кавказе фельдмаршалом М.С. Воронцовым.

А Воронцов был важным сановником и крупным российским политиком того времени. Видимо, не случайно Ильинский производится в звание генерал-майора и 7 ноября 1851 г. назначается на должность губернатора Херсонской губернии. Эта административная единица, к которой, кстати, принадлежал и Тирасполь как уездный город, центр Тираспольского уезда, была выделена из Новороссийской губернии еще в 1802 г. и поначалу называлась Николаевской губернией. С 1803 до 1873 г. она входила в состав Новороссийского генерал-губернаторства и объединяла 6 уездов, 200 волостей, 19 городов, 7 посадов и 7389 сел. Ильинский управлял этой губернией до 15 июля 1854 г., пока не получил новое назначение в Кишинев – возглавить Бессарабскую область.

И здесь, наверное, будет уместным сделать одно необходимое отступление от нашего повествования о молдавских правителях в истории нашего народа. Вероятно, и читатель не будет возражать против того,

чтобы отвлечься и более пристально взглянуть, что собою представлял тогда Тираспольский уезд Херсонской губернии. Это были земли современного Слободзейского, Григориопольского и Дубоссарского районов Приднестровья. Кроме них, Тираспольский уезд включал и четыре района нынешней Одесской области Украины: Великомихайловский, Захарьевский, Раздельнянский и Ширяевский.

Все эти земли, от Южного Буга до Днестра, вошли в состав России по Ясскому миру 27 декабря 1791 г., которым завершилась последняя в XVIII в. русско-турецкая война 1787–1791 гг. Со строительством по плану А.В. Суворова крепости «Срединная» в 1792 г. и небольшого мирного посада (форштадта) вокруг нее, который получил название Тирасполь, он становится центром Очаковской области. Вместе с Балтским и Ольгопольским уездами Тираспольский уезд составляет Вознесенскую губернию. Во времена императора Павла I (с 1795 по 1802 г.) уезд входил в состав Новороссийской губернии и в своем подчинении как уездный центр имел такие города, как Балта, Григориополь, Дубоссары, Овидиополь, Одесса (Хаджибей).

Полгода Тирасполь оставался уездным центром Николаевской губернии, затем в течение трех лет (1803–1806 гг.) его статус был неопределенным. С 1806 г. Тирасполь возвращает себе статус уездного города Херсонской губернии. Позже из его состава выходят два города – Одесса и Николаев, которые получают статус градоначальства губернского подчинения. В середине 20-х гг. XIX в. создается Одесский уезд Херсонской губернии, к которому от Тираспольского переходят около 22 тыс. жителей и 578 325 десятин земли, а в изрядно поредевший Тираспольский уезд включили 2 688 десятин земли и около 6 тыс. жителей соседнего Ольвиопольского уезда. Площадь его теперь составляла 990 тыс. десятин.

Новое разделение Тираспольского уезда происходит осенью 1834 г., когда на половине его территории был создан новый, Ананьевский уезд. Больше делений Тираспольского уезда не было, и он оставался административно неизменным на протяжении почти века – с 30-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. Его территория быстро заселялась – в конце XVIII в. это были черноморские казаки, часть казаков Екатеринославской казачьей конницы, беженцы из-за Днестра: молдаване, армяне, евреи, спасавшиеся от османских бесчинств, затем – жители Киевской, Подольской, Волынской губерний, регионов внутренней России, появляются во множестве кочевники-цыгане.

Если в 1803 г. население Тираспольского уезда в его первоначальных территориальных рамках составляло порядка 20 тыс. человек, то в

середине XIX в. – уже более 85 тыс. жителей. Это население быстро осваивало земли бывшей «Татарской пустыни». В середине XIX в. в Тираспольском уезде более 145 тыс. десятин земли находилось под пашней. Здесь было 318 населенных пунктов, считая 3 города (Тирасполь, Григориополь, Дубоссары), 155 сел и деревень с количеством дворов от 10 до 50, а всего более 15 тыс. дворов.

Четырехкратное увеличение населения Тираспольского уезда в течение нескольких десятков лет первой половины XIX в. – важный демографический и социальный показатель прогрессивного развития нашего края. При этом надо учитывать, сколько было неблагоприятных для демографического роста лет: более двенадцати лет (1804–1815 и 1828–1829) были военными, когда Левобережное Приднестровье составляло фактически прифронтовую зону, семь лет (1820–1821, 1827, 1839, 1843–1845, 1851) были неурожайными, а в 1830–1831 и 1848 г. здесь косила людей эпидемия холеры. К тому же, и середина века была неблагоприятной – истощение сил страны во время неудачной Крымской войны и ликвидации ее последствий, а также голод и неурожай.

Тем не менее, интенсивный рост населения и хозяйственное развитие Тираспольского уезда во второй половине XIX в. продолжались и расширялись. Этому способствовала политика правительства в Новороссийском крае, строительство железных дорог, развитие речного и морского транспорта, расширение капитализации экономики.

А после свершения трех российских революций и окончания Гражданской войны Тираспольский уезд вошел в состав Одесской губернии, которая была выделена из Херсонской губернии в 1920 г. Правда, в 1923 г. Тираспольский уезд Украинской ССР упраздняется, а его территория включается в Одесский округ, на территории которого был создан Тираспольский район. Но вскоре значительная его часть передается создаваемой в 1924 г. Молдавской АССР в составе Украины. Но все это будет гораздо позже, а пока вернемся к герою нашего рассказа.

Итак, в июле 1854 г. в Кишинев приезжает новый губернатор. В этой должности М.С. Ильинский работал немногим более трех лет, до ноября 1857 г. Это было трудное для России время Крымской войны, героической обороны Севастополя, трагического поражения страны от объединенных сил Европы, выступивших на стороне Турции против России и балканских народов, мечтавших об освобождении от турецкого ига. Западные страны не желали усиления России на Балканах, зная о тех надеждах, которые возлагают на русских и Россию балканские народы. Ведь их освобождение от османского гнета означало почти автомати-

ческое усиление позиций Петербурга в регионе Балкан, ибо его народы видели в русских своих освободителей, своего мессию.

Это было невыгодно ни Англии, ни Австро-Венгрии, ни Франции, ни другим странам Запада. Европейские державы, провоцировавшие султана на войну против России, сначала всячески помогали Турции, вооружали и усиливали ее, а потом открыто вступили в войну и стали воевать с Россией вместо Турции. Но все они, особенно Англия и Франция, потерпели в Крыму ряд сокрушительных поражений и вынуждены были искать в Париже компромиссные решения для своего выхода из этой войны.

Русские солдаты, защищавшие Крым от иноземных пришельцев, проявляли чудеса храбрости и самоотверженности. Массовая гибель солдат своих армий делала подобные потери неприемлемыми ни для Англии, ни для Франции. Они с готовностью бы передали бремя массовых потерь туркам, но Порты уже сражаться с Россией один на один не была в состоянии. А Россия не была в состоянии окончательно разбить мощные промышленные державы Западной Европы. Неожиданная смерть императора Николая I дала возможность завершить войну на основе компромиссов.

Россия как проигравшая сторона понесла территориальные потери. Во времена губернаторства генерала Ильинского Бессарабия по решению Парижского конгресса потеряла свою южную часть, примыкавшую к Дунаю и Черному морю. Эти территории отошли в состав Запутского княжества Молдова, под контроль Порты. Понятно, что решение этих международных проблем большой политики никак не входило в компетенцию М.С. Ильинского. Он вынужденно выполнял то, что требовало от него как губернатора правительство в Петербурге.

Ряд опубликованных документов той поры позволяет отметить, что губернатор в отведенный ему период правления занимался достаточно аккуратно текущими делами, следил за исправным сбором налогов, поддерживал установленные порядки в период, когда намечались важные перемены в судьбах страны, связанные со смертью Николая I в 1855 г. и приходом к власти царя-реформатора Александра II. Но документы, которые позволяли бы более подробно осветить его деятельность в этот период, пока не введены в научный оборот.

Известно лишь, что М.С. Ильинский в 1861 г. был повышен в звании до генерал-лейтенанта. Он умер в Варшаве в апреле 1865 г. и похоронен там же на православном кладбище.

МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ ФАНТОН-ДЕ-ВЕРРАЙОН **(10 ноября 1857 г. – 19 декабря 1862 г.)**

В ноябре 1857 г. новый император России Александр II назначает на пост бессарабского генерал-губернатора 54-летнего выходца из древнего французского дворянского рода М.Л. Фантон-де-Веррайона. Генерал-лейтенант русской армии, как и его предшественник в Кишиневе М.С. Ильинский, он проявил себя в боях с горцами в 30-х годах XIX в. храбрым офицером.

Родился этот генерал в 1804 г. в России, куда его семья французских аристократов переселилась, спасаясь от якобинского террора, во времена Великой Французской революции. В юном возрасте будущий русский офицер закончил Московское училище для колонновожатых. Колонновожатыми тогда назывались юнкера, будущие офицеры свиты его величества. А созданное училище колонновожатых стало прообразом Академии Генерального штаба. Его основал, будучи студентом Московского университета, граф М.Н. Муравьев, государственный и военный деятель России.

За несколько лет существования этого училища в него поступило около 180 человек (более двух десятков из них стали декабристами), закончили 138 курсистов, из которых 127 были направлены в свиту его величества по квартирмейстерской части (так назывался тогда руководящий орган российской армии, ее Генеральный штаб). Среди этих молодых офицеров был и будущий руководитель Бессарабии. Свою карьеру он начинал в 17-летнем возрасте в 1821 г.

Поручик Фантон-де-Веррайон был послан в Бессарабию, где служил с 1821 по 1823 г. и занимался топографической съемкой местности, составлением географических карт края. В это время в Кишиневе он познакомился с А.С. Пушкиным, близко общался с ним. Великий русский поэт в своих набросках «План автобиографии», написанных в 1833 г., упоминает этого знакомого под именем «Фант». А полковник Генерального штаба русской армии Ф.Н. Лугинин в 1822 г. отмечал, что Фантон «уже много знает по молдавански».

В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Фантон-де-Веррайон служил при штабе графа П.Д. Киселева в Бухаресте. Этот военный и государственный деятель России был председательствующим в диванах Молдавии и Валахии; он был и автором Органических регламентов для Дунайских княжеств во время русско-турецкой войны. В Бухаресте, где находился штаб Киселева, Фантон-де-Веррайон женился на девушке по имени Анастасия, дочери великого ворника (министра

Рис. 31. П.Д. Киселев

внутренних дел) Валахии Иордаке Филипеску. У них родились две дочери, Софья и Ольга.

О высокой степени компетентности Фантона-де-Веррайона в вопросах географического, политического, социально-экономического и культурного положения Дунайских княжеств свидетельствует следующий факт. В 1834–1841 гг. в Петербурге издавалась универсальная русская энциклопедия, так называемый Энциклопедический лексикон Плюшара. Автором многих статей, которые описывали регион и, в частности, Бессарабию, стал М.Л. Фантон-де-Веррайон.

В какой-то период Фантон-де-Веррайон возвращается к спокой-

ной семейной жизни старосветского помещика в деревенской глуши. Владея землями в Волконщине, Максимкове и Малом Кошкине Брянской губернии, он избирается на должность Рославльского уездного предводителя дворянства. Испытывая тягу к изящным искусствам, он копирует известные картины, собирает коллекцию живописи. Но, видимо, благополучная и тихая жизнь вдали от мирской суеты была не очень по нраву профессиональному военному.

В 30-е годы XIX в. Фантон-де-Веррайон участвует в войне на Кавказе и там получает звание полковника в 1836 г., а через несколько лет, уже в Петербурге, он был награжден орденом Св. Георгия и дослужился до звания генерал-майора. Вслед за тем М.Л. Фантон-де-Веррайон переводится в Оренбург начальником штаба Отдельного Оренбургского корпуса. Здесь он участвует в экспедициях против восстававших киргизов. С этим периодом связан интересный момент в биографии генерала.

Этот парадоксальный факт из биографии Фантон-де-Веррайона был обнаружен в архивах Оренбурга. Среди своих сослуживцев генерал слыл знатоком и ценителем изобразительного искусства, владел интересной коллекцией картин художников различных школ и направлений. Под начальством генерала в Оренбурге тогда служил солдатом Тарас Григорьевич Шевченко, будущий классик украинской литературы. Как известно, Т. Шевченко увлекался живописью и был сам

неплохим художником. В период Аральской экспедиции Шевченко обращается к своему командиру с просьбой о переводе его в Новопетровское укрепление для зарисовки существовавшего там православного собора.

В архиве сохранилась бумага с отказом Фантон-де-Веррайона, этого ценителя изобразительного искусства, «рядовому Оренбургскому линейному № 1 батальона Тарасу Шевченко нарисовать запрестольный образ для церкви». Конечно, этот эпизод никак не свидетельствует в пользу военного начальника. К сожалению, документ не содержит никаких указаний на то, какие причины были положены в основу этого решения генерала. Есть предположение, что рядовой Т.Г. Шевченко в это время был занят созданием портрета жены начальника штаба, и генерал просто не был заинтересован в отвлечении своего подчиненного на посторонние работы.

Однако известно, что его коллекция картин, состоявшая в основ-

Рис. 32. Т.Г. Шевченко
(автопортрет)

ном из копий, написанных самим генералом или другими копиистами, была оценена солдатом Т.Г. Шевченко весьма невысоко. В своем письме к некоему любителю живописи Б. Залескому Шевченко писал, что «на безрыбье и рак рыба; может быть в его копиях и есть что-нибудь похожее на оригинал, а если и этого нет, то все-таки есть человек, любящий прекрасное божественное искусство; а между варварами это дар божий». Таким образом, Шевченко, хоть и невысоко оценивал достоинства коллекции своего командира, но без обид весьма положительно отзывался о нем самом. Хотя нам и сейчас не вполне понятно, почему образованный воен-

ный, сам увлекающийся искусством, ценитель живописи и собиратель картин Фантон-де-Веррайон запретил талантливому солдату Шевченко рисовать запрестольный образ на глухом полуострове.

Во времена Крымской войны М.Л. Фантон-де-Веррайон был назначен начальником штаба Западной армии. Вместе с полковником ба-роном А.К. Штакельбергом он участвовал в разграничении той части территории Бессарабии, которая по условиям Парижского мира переходила к Османской империи, а затем вошла в созданную в 1859 г. Румынию и находилась в ее составе до 1878 г.

Получив должность губернатора Бессарабии, Фантон-де-Веррайон прибыл в давно знакомый ему Кишинев осенью 1857 г. Он запросил в Бессарабской палате государственных имуществ сведения об экономическом состоянии края, вверенного его руководству. Из представленного ему ответа следует, что к концу 1857 г. в казенных селениях края насчитывалось 63 664 человек населения обоего пола, в том числе 61 057 составляли государственные крестьяне – подавляющее большинство жителей. Интересен и национальный состав этой многочисленной категории населения края: молдаване составляли 58% их числа, украинцы – 30%, русские – 10% государственных крестьян Бессарабии. Вообще же, считая и другие категории жителей – городские сословия, колонисты, дворяне, купцы, духовенство, казаки и проч., – количество населения превышало 900 тыс. человек.

Урожай (по докладу чиновников), особенно в южной части области, пострадал от саранчи, но в Бендерском округе хорошо уродился овес. Излишки земледельческих продуктов крестьяне сбывают на ярмарках и базарах в городах и местечках, а в некоторых случаях и в Подольской губернии за Днестром. Между поселянами широко развивается садоводство, чему способствует открытое в Кишиневе училище садоводства. Для развития табаководства и пчеловодства в этом училище открыты специальные вакансии.

Губернатор требовал от своих подчиненных самой разнообразной информации о состоянии края. Вот пример очередного доклада с представленными ему сведениями на основе местной статистики:

«Главнейшее и исключительное занятие государственных крестьян – земледелие. За сим следует извоз, которым промышляют зажиточные поселяне. В южной части Области к числу промыслов их относится виноделие, а в приднестровских селениях, кроме того, – рыболовство.

Приднестровские поселяне занимаются набивкою камыша в растущих по Днестру плавнях и свозом его в ближайшие города и селения.

Скотоводство, составляя главную рабочую силу крестьян в их земледельческом состоянии, вместе с тем есть и отрасль промышленно-сти; каждый поселянин, вскормивший штуку-другую скота, а иной и в

более значительном количестве, сбывает ее как для своих хозяйственных нужд, так и в видах своих промышленных оборотов; к той же категории промышленности должно быть отнесено в селениях и овцеводство, свиноводство и птицеводство». Этот доклад губернатор читал в январе 1861 г., за месяц до начала знаменитой крестьянской реформы в России.

М.Л. Фантон-де-Веррайон возглавлял губернию в переломные для России годы начала буржуазных реформ. Освобождение крестьян от крепостной зависимости после поражения страны в Крымской войне от быстро развивавшихся по пути капиталистического обновления стран Запада стало основной задачей царя-реформатора Александра II. Принятие «Положения 19 февраля 1861 года» знаменовало полную отмену крепостного состояния крестьян в России. И его условия были сразу же введены в левобережных районах Приднестровья, входивших в состав Херсонской и Подольской губерний.

Но для основной части крестьян Бессарабии эта реформа почти не имела никакого значения. Дело в том, что в области насчитывалось не более 12 тыс. крепостных. Это были, главным образом, дворовые слуги помещиков – портные, повара, музыканты, кучера и другие зависимые от помещиков люди, завезенные ими из России, а также крепостные цыгане. Земледелием из них занималось не более 100 человек. Для этой категории специально были подготовлены «Дополнительные правила о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области». Бывшие крепостные приравнивались в правах к «сельским свободным обывателям», т.е. царанам, поселялись на владельческой земле помещиков и приписывались к царанским обществам.

Интересна и следующая деталь. Проект данного закона готовила в Бессарабии специальная комиссия под председательством областного предводителя дворянства М.А. Кантакузина, владельца 4,5 тыс. десятин земли, в том числе местечка Атаки и сел Слободка и Кодряны, женатого, кстати, на дочери губернатора П.И. Федорова Александре. Но дело в другом. Члены комиссии исходили из того, что для освобождаемой от крепостничества части населения «весьма неудобно» было бы создать устройство, которое отличалось бы «в лучшую сторону от царан», что «послужило бы поводом к весьма справедливому недовольству среди последних». Поэтому освобожденные цыгане в течение двух лет не имели права переходить от одного помещика к другому. Они оказались в худшем положении, чем царане, хотя юридически были к ним приравнены. Такова уж логика правящих кругов.

Что же касается основной массы бессарабских крестьян, то они по закону не подлежали крепостническому закабалению и оставались лично свободными, хотя и феодально зависимыми от землевладельцев экономически. Царане Бессарабии несли тяжелые повинности в пользу помещиков. Но их правовое положение было несравненно лучшим, чем положение крестьян в других частях империи. Неприкосновенность личной свободы царан обеспечивалась правом на неограниченное переселение с 1 октября по 1 апреля каждого года при условии выполнения всех обязательств перед помещиком.

Это право предусматривалось специальным законом, «Нормальным контрактом» 1846 г., который неукоснительно соблюдался сторонами под наблюдением правительства и администрации. Однако крестьяне, зная о готовящихся реформах, ожидали от них гораздо более существенных свобод и преимуществ. В конце 50-х гг. XIX в. царане все чаще отказывались выполнять работы в пользу помещиков, требовали переселить их на казенные земли в Крым и Херсонскую губернию. Крестьянские волнения в период правления Фантон-де-Веррайона приобретали все более массовый характер в Сорокском, Бельцком, Кишиневском и Оргеевском уездах.

Тем не менее, антикрепостническое движение не могло в Бессарабской области достичь таких размеров и масштаба, как в других губерниях России. Просто из-за того, что здесь отсутствовала крепостническая форма отношений между землевладельцами и крестьянами. Вероятно, губернатору было не так уж и сложно где силой, где угрозами, а где посулами, обещаниями и уговорами снижать социальное напряжение, предлагая немного подождать, пока верховные власти страны не найдут правильной формулы разрешения противоречий между владельцами земли и теми, кто ее обрабатывает.

Но царанам пришлось ждать касающегося их закона «Положение о поземельном устройстве царан» еще почти целое десятилетие. И царанская реформа в Бессарабии окончательно была проведена в крае при другом губернаторе.

Сам же М.Л. Фантон-де-Веррайон в 1858 г. был возведен в ранг генерал-лейтенанта, а впоследствии даже награжден золотой медалью за освобождение крестьян. Руководивший с 1874 г. штабом запасных воинских частей России, он скончался в С.-Петербурге и был похоронен в ноябре 1887 г.

ИВАН ОСИПОВИЧ ВЕЛИО (28 декабря 1862 г. – 1 августа 1863 г.)

Рис. 33. И.О. Велио

Вскоре после смещения с поста губернатора Бессарабии М.Л. Фантон-де-Веррайона на эту должность был назначен барон И.О. Велио. Правда, это назначение было лично для него лишь небольшим эпизодом в его чиновничьей карьере, да и правил он краем немногим более полугода. Проявить свои административные способности за семимесячный срок мало кому удастся.

Родился будущий бессарабский губернатор в октябре 1830 г. в семье царскосельского коменданта Осипа Осиповича Велио и его супруги Екатерины Ивановны (в девичестве – Альбрехт). Его дедом по отцу был придворный банкир О.П. Велио, а по матери он

был потомком одного из сподвижников Петра I, русского генерал-лейтенанта шотландского происхождения Р.В. Брюса, первого обер-коменданта Петербурга, построившего знаменитую Петропавловскую крепость, которая до сих пор украшает город на Неве.

Естественно, с детства И.О. Велио жил в достатке и благополучии, в окружении высшего света, воспитывался и учился в знаменитом Царскосельском лицее. По окончании лицея в 1847 г. он получает назначение в Министерство иностранных дел на сравнительно небольшую, но ответственную должность старшего секретаря сначала при русской миссии в Дрездене, а затем – в Брюсселе. Проработав на дипломатической службе более 10 лет, он в начале 60-х годов возвращается в Россию.

Вскоре, в 1861 г., Велио получает назначение на должность херсонского вице-губернатора. Пост вице-губернатора, несомненно, обладает притягательностью и авторитетом, хотя он требует от чиновника лишь исполнительского мастерства. Но вслед за этим, в декабре 1862 г., он занимает первый в своей жизни пост самостоятельного чиновника, по-

лучившего в свое управление целую губернию, а потому ответственного за нее и за свое управление ею лично перед государем императором. Велию назначают исполняющим дела бессарабского гражданского губернатора.

В нашем распоряжении нет архивных документов (хотя, конечно же, они имеются в различных архивохранилищах), которые могли бы достаточно подробно охарактеризовать деятельность этого руководителя Бессарабии с той или другой стороны. Тем более, что этот период был коротким, лишенным блеска и фейерверков значительных исторических событий и фактов как местного, так и общероссийского масштаба. Но последующий жизненный путь этого государственного деятеля России говорит о том, что был он незаурядным организатором и преданным своему делу специалистом.

После небольшого срока своего губернаторства в Бессарабии Велию получает должность одесского градоначальника, причем вводит в Одессе общее Городовое управление, а через два года становится симбирским губернатором. В 1866 г. его отзывают в столицу и назначают на одну из руководящих полицейских должностей. Но главное, в июне 1868 г. набравшийся опыта самостоятельной работы чиновник возглавил почтовый департамент страны. В этой должности он проработал 12 лет и проявил в полной мере свои способности.

Будучи директором почтового департамента, И.О. Велию начал широкие реформы почтового дела в России и вывел его на высокий мировой уровень. До него выдача корреспонденции по всей стране осуществлялась лишь два раза в неделю. Велию ввел ежедневные почтовые операции, построил для почт большое количество специальных казенных зданий, организовал правильное функционирование земской почты, облегчил и устроил доставку адресатам по всей России газет и журналов. Почтовая корреспонденция доставлялась прямо на дом всем адресатам и по всей стране, где существовали почтовые отделения, в том числе в среднеазиатском регионе, по Амуру, Уссури, по Тихому океану, до Владивостока. Перевозка почты стала осуществляться всеми железными дорогами и пароходными компаниями по Волге, Каме, Оке, Неману, Днепру, Днестру и другим рекам России.

В самом почтовом деле была введена необходимая стандартизация, составлены почтовые указатели и подробные руководства, введены открытые письма, бандероли, посылки, заказные письма и проч. Для наведения единого порядка барон Велию лично посещал самые труднодоступные места – Туркестан, где была организована почта по русскому образцу, Приамурский край и др. Как руководитель российской

почты, Велио в 1874 г. поехал в Берн на международный почтовый конгресс. Россия стала участницей Всемирного почтового союза – международной организации, созданной в 1874 г. для обеспечения почтовых связей на единой территории, которую и объединяют страны этого союза.

Интересно, что не только на поприще гражданской службы сумел показать свои способности И.О. Велио, но и в деле военном. В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Велио командовал второй пехотной дивизией и вместе с генералом М.Д. Скобелевым отличился при взятии Ловчи, а при штурме Плевны командовал резервами левого фланга русской армии. Войну он закончил в звании генерал-лейтенанта и стал генерал-адъютантом Его императорского величества.

В августе 1880 г. барон Велио был назначен директором созданного в России Департамента полиции. Однако на этой должности он проявить себя не успел: 1 марта 1881 г. революционеры-народовольцы бомбой убили царя-реформатора Александра II, который незадолго до своей смерти склонялся к решению даровать стране Конституцию. Через несколько недель, в апреле 1881 г., Велио был уволен с должности директора Департамента полиции.

Однако трагическую смерть императора никто бывшему главе российской полиции в вину не ставил. В том же 1881 г. И.О. Велио назначается сенатором, а впоследствии и членом Государственного совета. Он был награжден многими российскими орденами: Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 2-й степени, а также одним из высших орденов России – орденом Святого Александра Невского. Многие европейские страны оценили вклад барона Велио в модернизацию почтового дела России. Саксония наградила его крестом Альберта Доблестного, Бельгия – орденом Леопольда I, Пруссия – орденом Красного орла с алмазами, Франция – орденом Почетного легиона, Турция – османским орденом Меджидие 2-й степени, Дания – орденом Даннеброг, Румыния – орденом Звезды и т.д.

Умер И.О. Велио, будучи членом Государственного Совета России уже при императоре Николае II, в 1899 г. Поскольку он родился в римско-католической семье, его похоронили в семейном склепе на Смоленском евангелическом кладбище Петербурга.

Ивана Велио вспоминали добрым словом. Государственный секретарь при императоре Александре III А.А. Половцов в своих дневниковых записях пишет о бароне Велио, что он «всегда был безукоризненно честен, добивался введения лучших порядков и преследовал злоупотребления во время управления почтовым ведомством; его упрекали

лишь в некоторой грубости форм при сношениях с подчиненными». Правда, справедливости ради надо заметить, что имя Велио нередко упоминается в письмах и стихах замечательного русского поэта и прозаика А.К. Толстого, который высмеивал плохую работу русской почты и возмущался перлюстрацией своей корреспонденции.

Рис. 34. Почтовый конверт с изображением И.О. Велио (Россия)

Женат барон Велио был на дочери генерал-лейтенанта русской армии М.М. Рейтерна Марии Максимовне фон Рейтерн, которая была на два десятка лет младше мужа и дожила до революции 1917 г. Их сын Владимир имел звание генерал-майора, участвовал в граждан-

ской войне на стороне Белого движения, затем отправился в эмиграцию, жил в Бельгии, скончался в США в 1961 г. в возрасте 84 лет. Дочь Мария состояла фрейлиной матери Николая II Марии Федоровны и его жены Александры Федоровны. После революции Россию не покинула, была отправлена в ссылку, где и умерла в возрасте 55 лет. О судьбе старшей дочери Елены, родившейся в 1874 г., никаких данных нет.

ПЛАТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ АНТОНОВИЧ **(1 августа 1863 г. – 30 ноября 1867 г.)**

После ухода И.О. Велио с поста руководителя края бессарабским губернатором становится русский генерал П.А. Антонович, бывший градоначальник Одессы. Биография этого чиновника не лишена интереса своими падениями и взлетами.

Родился будущий губернатор на территории современной Украины в ноябре 1811 г. Его родина – город Кролевец Черниговской губернии, известный своими казацкими традициями. Его семья принадлежала не к российскому высшему свету, а к потомкам обрусевших польских шляхтичей. Отец окончил Киевскую духовную академию и служил секретарем в городском суде, был управителем имения местного помещика и небогатым землевладельцем. Мать из семьи мелкопоместного дворянина, владелица небольшой усадьбы.

Платон с детства был любознательным и смышленным ребенком, в 11 лет он окончил Кролевецкое уездное училище, а в 18 лет – Новгород-Северскую гимназию. Проучившись один год в Харьковском университете, молодой Антонович перевелся в Московский университет и почти закончил его. Мы говорим почти, потому что студент был арестован за участие в тайном антигосударственном Сунгуровском обществе.

Его история такова. Расправившись с восстанием декабристов и покарав его организаторов, Николай I установил в стране жесткий режим монархической власти самодержавного правления, при котором подавлялись любые попытки инакомыслия и самостоятельности. Однако образованное общество, разбуженное декабристскими идеями, полностью не было подавлено. В студенческой и молодежной среде нередко возникали кружки вольнодумцев. Одним из таких кружков и было тайное общество, основанное в Москве в 1831 г. мелкопоместным дворянином Н.П. Сунгуровым. Вокруг лидера объединились свободолюбивые, пытливые молодые люди Я.И. Костенецкий, П.А. Кашевский и другие, в числе которых был и Платон Антонович. Политический кружок был явно антимонархического направления – его члены обсуждали проблемы свержения самодержавия в России, желательности установления республиканской формы правления, принятия конституции и даже возможности подготовки восстания в Москве, возможности убийства царя.

Однако досконально рассмотреть и обговорить интересующие их вопросы, а тем более, приступить к их практической реализации,

кружковцам не дали. Все его члены были арестованы в том же 1831 г. Сунгурова сослали в Сибирь, он умер на Нерчинских рудниках. Молодого Антоновича арестовали и бросили в застенки.

За активное участие в антигосударственном обществе Сунгурова военным судом он был присужден к четвертованию. Позже гражданским судом Антонович был, как говорилось в исполнительном листе: «...по Высочайшей воле, изъясненной в рапорте Дежурного генерала... от 21 февраля 1833 года разжалован из студентов Московского университета за то, что слыша о тайном обществе губернского секретаря Сунгурова составленном в Москве, и цели оного ввести в России конституцию, не только не донес об этом Правительству, но еще домогался узнать от Сунгурова, обстоятельнее о том обществе – с лишением дворянского достоинства с написанием в рядовые в полки Отдельного Кавказского Корпуса. В службу вступил рядовым – 21 февраля 1833 г. ...».

П. Антоновича, понятно, не казнили, но выслали на Кавказ для участия в войне против восставших горцев. Он был зачислен рядовым в Апшеронский пехотный полк. Воюя за интересы России против горцев и стоявших за их спинами иностранных подстрекателей, финансировавших восстание, Антонович оказался храбрым и мужественным воином. Проливая кровь за Отечество, он как бы пытался искупить свою вину перед царем, убийство которого по молодости лет считал делом возможным и даже полезным. Через несколько лет непрерывных боев, в 1837 г., Антонович был произведен в унтер-офицеры, а еще через два года – в прапорщики. Начальство видело и ценило в нем ум, храбрость, честность. Вскоре опального студента и растущего младшего офицера определили правителем канцелярии начальника Черноморской береговой линии.

На этой должности Антонович состоял полтора десятка лет, последовательно получая чины подпоручика, поручика, штабс-капитана, майора, подполковника и полковника. Он служил при четырех начальниках Черноморской береговой линии – Раевском, Антрепе, Будберге и Серебрякове. Каждый из этих людей по-своему интересен, но нам будет любопытно отметить, что имя генерала Н.Н. Раевского, основателя Новороссийска, связано с именем другого нашего земляка – фельдмаршала П.Х. Витгенштейна, владельца и благоустроителя Каменки и северных районов Приднестровья. Во время наполеоновских кампаний, после битвы при Лейпциге в 1814 г., он сменил заболевшего и отправившегося в Каменку Витгенштейна на посту начальника армии.

П.А. Антонович пользовался авторитетом и уважением у всех своих начальников, которые и сами были людьми неординарными. Но ценили его не за умение настроиться на нужный лад и понравиться очередному начальнику, а за работоспособность и честность. В 1854 г. его назначают помощником Керчь-Еникальского градоначальника. Вскоре Антонович становится керченским градоначальником. А по окончании Восточной войны он работает чиновником для особых поручений при Новороссийском генерал-губернаторе. Антонович занимался делами организации и деятельности Русского общества пароходства и торговли, самым известным транспортным предприятием на юге России, осуществлявшем перевозки грузов и пассажиров по Черному морю, Днестру, Пруту и Дунаю во второй половине XIX в.

Кстати, Антонович был хорошо знаком и даже дружил в это время с украинским поэтом Тарасом Шевченко. В пятом томе сочинений великого Кобзаря опубликовано его письмо к своему брату В.Г. Шевченко, где есть такие строки: «...Вчора заходив до мене прощатися полковник Антонович, він сьогодні поїхав в Одесу. Антонович цей один із самоглавних членів Общества пароходства и торговли в Одесі. Я просив його за твого Каленика, і він мені сказав от що: щоб ти йому не барившись написав, котрий Каленикові год і чому він учився в Херсоні: чи навігації, чи механіки, чи математики. Йому це треба знать для того, щоб до чого лучше притулить Каленика. Напиши ж йому та попроси гарненько то, може, що й буде...».

В 1861 г. П.А. Антонович производится в чин генерал-майора и почти сразу же становится градоначальником Одессы. В этой должности он работает два года и оставляет свой след в истории Одессы. Затем Антонович получает назначение на пост губернатора Бессарабии.

Четыре года возглавлял Бессарабскую губернию человек, который так и не получил официально высшего образования, но прошедший большую школу военной, административной и хозяйственной деятельности. Это было непростое время буржуазных реформ, время завышенных ожиданий и страха перед грядущими переменами, время кардинальной ломки всех устоев и время несбывшихся надежд.

При Антоновиче в Бессарабии происходили волнения крестьян, ожидавших скорейшего наделения их бесплатной землей в ущерб местным боярам и помещикам, чего правительство, защищавшее интересы землевладельцев, допустить не могло. Посетивший край в 1865 г. чиновник по особым поручениям из Петербурга Калошин писал, что

после издания «Положения 19 февраля 1861 г.» в России, декрета 14 августа 1864 г. в Румынии и указа об обязательном выкупе земли в Подольской губернии помещики Бессарабии, желая избавиться от наделения крестьян землей, стремились выселить часть царан со своих земель, что вызвало ряд крестьянских волнений. Фактически чиновник поддержал донесение Антоновича министру внутренних дел, посланное ранее, о необходимости скорейшего решения в крае царанского вопроса во избежание более серьезного выступления крестьян и к тому же, возможно, более массового.

Крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности в пользу бояр и требовали переселить их на казенные земли. Так поступили царане монастырского селения Кицканы Бендерского уезда в марте 1863 г. А еще ранее царане из ряда сел Кишиневского и Бендерского уездов обратились к Антоновичу с просьбой о разрешении им переселиться в приамурские земли, в Крым и на Кавказ. Однако до столыпинских реформ, когда это стало возможным, должно было пройти еще полвека. Губернатор был не вправе давать таких разрешений, что и стало причиной волнений.

Но в 1865–1866 гг. недовольства вспыхивали уже по другому поводу. Помещики, все более не доверяя Петербургу и ожидая от правительства любых «сюрпризов» по наделению крестьян их собственной землей, стали сгонять царан со своих угодий. На этой почве взорвалось недовольство крестьян в селах Ново-Пенилова и Багарнешты Сорокского уезда, Петрешты Ясского уезда, Строинец Хотинского уезда, Чигирлены Кишиневского уезда и в других местах. Губернатор понимал острую необходимость скорейших реформ и устранения всех возникающих от неопределенности вопросов.

В своем письме к высшим властям в Санкт-Петербурге Антонович указывает: «Влияние обязательного выкупа, установленного в Молдавии и Подольской губернии, обнаружилось преимущественно в соседних уездах – Хотинском и Сорокском, как ближайших к Молдавии и особенно к Подольской губернии, сношения с которой так близки и часты. С наступлением в 1865 году весенних полевых работ почти в 20 имениях Хотинского уезда крестьяне отказались входить с помещиками в какие бы то ни было условия; а были такие, которые вовсе не хотели брать и обрабатывать землю, пока не получат ожидаемого надела». Подобные протесты подавлялись полицейскими силами, но губернатор понимал, что в случае разрастания недовольства до массовых масштабов полиции не справиться с неминуемой катастрофой.

Антоновичу удалось убедить петербургские власти поторопиться с реформой поземельного устройства царан и стать на путь скорейшего их наделения землей за выкуп. Видимо, усиливавшаяся борьба царан за свои права и их растущие противоречия с землевладельцами стали важным аргументом губернатора в этих неторопливых чиновничьих играх. Министерство внутренних дел вынуждено было в 1865 г. выработать новый проект «Положения», предусматривавший наделение крестьян землей и уменьшение их повинностей. Этот проект должен был во многом успокоить волнения сторон и снять напряжение как среди крестьян, так и среди владельцев земли. Его положения сводились к нескольким важным пунктам:

Отвести царанам находящиеся в их пользовании земли.

Разрешить переходы царан в определенные сроки от одного боярина к другому, а также на казенные земли или в другие губернии.

Освободить царан от некоторых наиболее обременительных повинностей.

Определить выплату повинностей только деньгами, а натурой – только при добровольном их соглашении с помещиками.

Установить по каждому уезду Бессарабии верхний и нижний предел денежных повинностей.

После этого Петербург передал проект на обсуждение бессарабским дворянам. Помещики вынуждены были согласиться на предоставление царанам земли за выкуп, но возникли острые разногласия по поводу того, для кого обязательным будет это «Положение» – только для крестьян, или для дворян и крестьян в равной мере.

Губернатор Антонович поддержал хотинское, сорокское и часть яского (т.е. бельцкого) дворянства, выступавших за обязательный как для дворян, так и для крестьян принцип исполнения закона. Дворяне должны выделить крестьянам полагавшиеся им наделы земли за выкуп. Но против этого активно выступила другая часть землевладельцев, считавших, что дворяне не должны обязательно наделять крестьян землей, а могут делать это только по своему желанию. Дворяне Кишиневского и Оргеевского уездов настаивали на том, что помещики вправе выбирать по своему усмотрению, оставлять ли им наделы крестьян в пользовании с сохранением всех повинностей или переводить их постепенно на выкуп с обязательными барщинными работами. Кроме того, землевладельцам центральных уездов Бессарабии было выгодно отдавать часть наделов малоземельным резешам за повышенные повинности.

Областной предводитель дворянства Н.М. Крупенский выступил вообще против этого проекта закона, считая, что выкуп должен быть «добровольным», на усмотрение помещика – никто не вправе заставлять собственника земли отдавать крестьянам их наделы даже за выкуп, если помещик сочтет это для себя невыгодным. Крупенский, более того, потребовал уменьшения крестьянских наделов, повышения повинностей, а в определенных случаях даже лишения царан права пользоваться садами и виноградниками. Предводитель бессарабского дворянства фактически требовал законсервировать взаимоотношения между крестьянами и землевладельцами на основе «Нормального контракта» и даже ужесточить феодальный гнет царан.

Радикальную позицию Крупенского активно поддерживали землевладельцы-купцы, категорически выступившие против наделения царан земель. Они заявляли, что сам выкуп и установление его предельных размеров уже является ущемлением священного права собственности: мол, моя земля, за сколько хочу, за столько и продаю, а не захочу, вообще не продам; кому какое дело? Правительство не вправе разрушать священный институт собственности!

Обострение борьбы в правящем классе Бессарабии вызывало у Антоновича крайнее беспокойство. Задержки с проведением реформы и реакционные поползновения помещиков на права царан вызывали у последних понятный гнев и решимость идти на крайние меры в борьбе за свои права. Губернатору все чаще приходилось посылать военно-полицейские силы для умирения царан. Антонович всецело поддерживал землевладельцев северных районов Бессарабии и выступал за обязательность положений закона как для царан, так и для помещиков.

Не обнаруживая никаких признаков возможного согласия местных землевладельцев, гудящих и ссорящихся между собой как в растревоженном улье, в начале апреля 1866 г. он вновь обращается к высшим властям. Антонович просит об ускорении проведения царанской реформы в крае, ибо положение здесь весьма напряжено. Объехав северную и центральную часть Бессарабии, он докладывает в Петербург, что «неотложное разрешение поземельного вопроса в Бессарабской области составляет предмет настоятельнейшей необходимости. Возбужденный уже более шести лет вопрос о преобразовании быта царан пробудил у них надежду на улучшение своего положения. Эти надежды не только не улеглись до сих пор, наоборот, они стали более нетерпеливыми. От письменных добровольных соглашений с землевладельцами

царане стали решительно уклоняться. Тягость этих условий со дня на день накопляет неудовольствие и вражду в сельском сословии, которое ищет выхода... хватается за ложные слухи, волнуется...».

П.А. Антонович, по собственному признанию, считал, что «существенные поводы к этому волнению должно искать в неудовлетворительном положении сельского населения». А потому он также считал необходимым в первую очередь отказаться от системы «добровольных» соглашений (в которых многие помещики увидели для себя лазейку вообще не исполнять никаких положений реформы). А самое главное – «отвести в пользование царан землю с точными и ясными условиями в отношении норм наделов и отбывания повинностей за землю оброком или выкупом, но не издельной повинностью, ненавистой царанам». Издельная повинность означала барщину, т.е. работу крестьянина на помещика в качестве платы за аренду земли.

К тому же, как докладывал губернатор в Петербург, необходимо допустить, по крайней мере, полную свободу перехода царан на казенные земли и вне области. Антонович пишет, что мероприятия правительства по заселению Крыма вызвали среди царан стремление к переселению в Таврическую губернию. Изложенные губернатором аргументы были всерьез восприняты в правительстве и заставили Петербург наконец, вплотную заняться разрешением царанского вопроса. Однако принятое правительством «Положение 14 июля 1868 г.» Антонович застал уже в другой должности.

По предложению тогдашнего министра народного просвещения графа Д.А. Толстого Антонович занял пост попечителя Киевского учебного округа. Здесь он проработал более десяти лет. Причем в 1870 г. был возведен в чин генерал-лейтенанта. А в 1880 г. по состоянию здоровья покинул пост попечителя. Последние годы жизни проживал с женой в Крыму. Еще в 1864 г. он купил в Феодосийском уезде Таврической губернии имение и 5.400 десятин земли. В городе Керчи, градоначальником которого он когда-то служил, Антонович и умер в декабре 1883 г.

Об Д.А. Антоновиче после его кончины хорошо вспоминали многие современники. О его жизни пишет в своих воспоминаниях русский писатель и революционер Александр Герцен, пишет и подруга его детства, литератор и издатель Татьяна Пассек, о нем вспоминают российский юрист и общественный деятель А.Ф. Кистяковский, русский писатель и участник Кавказской войны Я.И. Костенецкий. Об Антоно-

виче можно найти материалы в дореволюционном журнале «Русская старина», в трудах советских историков.

Судьба этого человека была действительно полна сюрпризов. Начиная свой трудовой путь в качестве обвиняемого в государственном преступлении, в качестве заключенного, приговоренного к четвертованию и сосланного рядовым на верную смерть, П.А. Антонович впоследствии дослужился до звания генерала, был награжден орденами Св. Анны 3-й степени с бантом, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 2-й степени, а также орденами Белого орла, Св. Александра Невского.

Бессарабией он руководил в беспокойную эпоху реформ и перемен и оказался меж двух огней – между непримиримыми интересами земельных собственников и чаяниями основной массы крестьян, ожидавших кардинального улучшения своей жизни. При этом Платон Антонович был неизменным сторонником мирного эволюционного, прогрессивного развития края. 1 марта 1868 г. император Александр II дал согласие на присвоение Антоновичу звания почетного гражданина г. Кишинева, но мало кто в современной столице Молдовы знает имя этого человека.

ЕГОР ЕГОРОВИЧ ГАНГАРД **(5 декабря 1867 г. – 3 июня 1871 г.)**

В декабре 1867 г., после ухода П.А. Антоновича, гражданским губернатором Бессарабии назначается Е.Е. Гангард, приехавший из Киева управляющий канцелярией Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора.

Этот чиновник происходил из довольно известного, но небогатого рода Гангардов, основателем которого считается приехавший в Россию из Швейцарии еще при Петре I в начале XVIII в. врач Иоганн Балтазар Гангардт (Hanhardt). Его внук Иван Петрович стал надворным советником и владел селом Лашково на Украине. Его правнук Егор Иванович в чине штабс-капитана участвовал в русско-турецкой войне, в 1807–1809 гг. защищал Молдавию от турок и был занесен в русскую дворянскую книгу, т.е. был зачислен в дворянское сословие как офицер русской армии. Он владел имением и небольшой деревенькой Орловкой в Курской губернии, в которой было 19 душ крестьян.

В этом имении и родился в 1812 г. будущий бессарабский губернатор Егор. Семья была лютеранская; все ее члены говорили на русском, немецком и французском языках. С юных лет Егор служит в армии, идет по стопам отца. В 19 лет Е.Е. Гангард участвует в качестве младшего офицера в усмирении польского восстания 1831 г., служит в артиллерии. Проявив храбрость, был награжден военным крестом.

Затем два десятилетия Гангард являлся офицером русской армии, последовательно поднимаясь вверх по служебной лестнице: штабс-капитан, майор, подполковник. Эти звания он получал не в качестве артиллериста, а будучи военным чиновником. В звании штабс-капитана в 1853 г. Гангард был направлен на должность офицера для особых поручений при новороссийском генерал-губернаторе. Здесь он прослужил 12 лет и за беспорочную службу был награжден орденами Св. Анны 3 степени, Св. Станислава 2 степени, Св. Анны 2 степени, Св. Анны с короной, Св. Владимира 4 степени и даже турецким орденом Меджидие.

В 1865 г. Гангард получает звание генерал-майора и направляется на новую должность управляющего канцелярией Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора. Как глава канцелярии он практически ведал делами военного чиновника достаточно высокого уровня – генерал-губернатора, человека, который держал в своих руках огромные территории империи от Днепра до Днестра. А через

два года и сам генерал Гангард получает назначение на гражданскую должность бессарабского губернатора.

Трудно сказать, какими соображениями руководствовался при этом Петербург. Но не исключено, что послушный чиновник, к тому же, военный, был нужен на всякий «пожарный» случай. В это время в ряду прочих реформ правительством готовилось принятие очень важного для края закона о царанах. Петербург был в курсе, что подготавливаемый закон вызывает недовольство в дворянской среде бессарабских землевладельцев, которые считают, что правительство собирается чуть ли не ограбить их в пользу царан. И это недовольство помещики не скрывали и не собирались скрывать. Следовательно, их полагалось «убедить» в необходимости полной лояльности в отношении проводимых реформ.

С другой стороны, реакцию на принятие нового закона со стороны самих царан тоже нетрудно было предугадать. Скорее всего, закон не оправдает их ожиданий. Тогда жди недовольства и беспорядков. Видимо, у руководства губернией в такой ситуации и должен был стоять послушный, выполняющий беспрекословно все указания сверху чиновник, который был бы способен без особых эмоций и церемоний быстро успокоить неудовольствие как одних, так и других, если понадобится, — силой.

Через полгода после назначения Гангарда гражданским губернатором Бессарабии, 14 июля 1868 г., император Александр II подписал закон «Положение о поземельном устройстве царан». В целом оно базировалось на уже проведенной крестьянской реформе 19 февраля 1861 г., но с той особенностью, что в Бессарабии не существовало крепостнических отношений. Вся земля, которая принадлежала помещикам до реформы, признавалась их собственностью. Помещики были обязаны предоставить царанам наделы на определенных условиях за выкуп. Правом на наделы пользовались все царане, жившие на помещичьих и монастырских землях.

Главное отличие царанской реформы от российской реформы 1861 г. состояло в том, что земля передавалась крестьянам Бессарабии не в общинное, а в посемейно-наследственное пользование. При этом царане в отличие от общинников внутренних губерний России могли здесь продать свои наделы, передать их в аренду своим более удачливым и состоятельным односельчанам, перейти на другие земли и проч. Все это способствовало более свободному развитию капитализма в сельском хозяйстве, чем в других губерниях России.

Более того, бессарабские царане в течение пяти лет могли потребовать дополнительные наделы, если не получили вовремя положенной им земли. Все крестьяне получали равные наделы независимо от числа членов семьи; в Хотинском уезде – до 8,5 десятин, в Бельцком – 9,5, в Бендерском – 11,5, Оргеевском – 9,5, в Аккерманском – 13,5 десятин. Четыре пятых стоимости земли российское правительство выплачивало помещикам, предоставив крестьянам кредит сроком на 49 лет. В целом реформа непоколебимо стояла на защите интересов землевладельцев и была проведена в их пользу. Абсолютно ни в чем бессарабские помещики не были ущемлены.

Но бессарабское дворянство посчитало себя обиженным и стало засыпать правительство ходатайствами и петициями с требованием изменить принятое «Положение», отменить совсем его отдельные статьи. Крупенский, Мурузи и другие бессарабские землевладельцы в своих записках утверждали, что «Положение» о царанах отступило от духа и буквы крестьянской реформы 1861 г., так как царане получили наделы гораздо высшие, а оброчные и выкупные платежи – гораздо низшие, чем русские крестьяне. Возмущенные бояре проявляли резкое недовольство тем, что бессарабские царане получили множество льгот, которых не имело крестьянство других губерний России. Утверждая, что предоставление столь больших наделов царанам «не вытекает из главных потребностей и условий имения» и что «предоставление навсегда им этой земли было бы вредно для крестьян и повело бы к разорению помещика», они сетовали на то, что начавшиеся в 1861 г. реформы «постепенно разрушили законное положение, нарушили интересы дворянства».

Защищая свои шкурные интересы, местные землевладельцы в своих петициях в Петербург не останавливались перед ложью, вымыслами и злобной клеветой в адрес царан. Все шло в ход с единственной целью: добиться сокращения крестьянских наделов и увеличения размеров выкупа. Они писали, что «Положение 14 июля 1868 года» установило не только «огромные высшие размеры наделов, но и предоставило царанам право даже на те земли, которые находились у них лишь во временной аренде». Тогда как царане «не имеют средств вести хозяйство в значительном размере и в улучшенном виде и, имея ограниченные потребности, не обладают никакими побуждениями к самостоятельному труду». Считая, что установленный «очень высокий размер надела до 13,5 дес. не соответствует ни густоте населения, ни производительности земли», помещики уверяли, что земля в Бессарабии очень плодородная, позволяет царанам заниматься такими от-

раслями хозяйства, как табаководство, садоводство, виноградарство, огородничество, которые сами по себе приносят огромные доходы. И нечего, мол, правительству баловать наше и без того зажиточное крестьянство.

Губернатор Гангард, конечно, был хорошо осведомлен об этой злобной кампании бессарабских землевладельцев против проводимой Петербургом царанской реформы. Но как чиновник среднего звена, он руководствовался полученными от министра внутренних дел инструкциями: «Ввиду того, что закон 14 июля уже более года обнародован, представляется невозможным изменить его... Для устранения излишних опасений бессарабского дворянства остается единственно возможным разъяснить те статьи «Положения 14 июля», которые возбудили несостоятельные сомнения, и ввести новые дополнительные постановления, не нарушающие прав местного населения Бессарабской области».

Правда, изданное в 1870 г. «Разъяснение и дополнение Положения 14 июля 1868 г. о поземельном устройстве бессарабских поселян» было уступкой помещикам, ограничивало предоставленные ранее царанам права и ущемляло их интересы. Но помещики, не добившись прямым наскоком на власти своих требований, стали на путь игнорирования закона и нарушения тех куцых прав, который он предоставлял царанам. Фактически закон о царанах стал для самих царан столь же разорительным, как и вообще вся реформа 1861 г. для русских крестьян.

В связи с тем, что наделы были разными для каждого района Бессарабии, четыре уезда края делились на две категории: первая – с низшим размером надела, вторая – с высшим. В остальных трех уездах устанавливались единые средние размеры. Во власти губернатора Гангарда было утверждение разграничения местностей по размерам надела, которое производило бессарабское областное по крестьянским делам присутствие. Тогда помещики осуществили новый натиск на власти, чтобы определить свои имения в первый разряд и наделить своих царан низшими наделами земли. Вероятно, губернатор никак не мог не порадовать стонущим от «жестокостей» закона землевладельцам. В результате оказалось, что подавляющее большинство помещичьих имений было причислено к низшей категории.

Тут уж подняли крик те землевладельцы, которые остались во второй категории. Сотни прошений от помещиков посыпались губернатору с требованием перевести их имения в первую категорию. И к этим требованиям власть тоже не оставалась глуха. Творимые злоупотребления были настолько явны, что новороссийский и бессарабский гене-

рал-губернатор П.Е. Коцебу вынужден был предупредить Гангарда о недопустимости такого положения. В специальном отношении на имя губернатора он напомнил, что «помещичьи имения в уездах Бессарабии, в коих законом установлены два размера надела поселян землею, в огромном количестве уже, по первоначальному постановлению Присутствия, причислены к местностям, в коих размер надела меньший, и только самая малая часть имений отнесена ко вторым местностям, где размер надела больший».

Со своей стороны, крестьяне тоже стали подавать жалобы и требовать наделения их земель в соответствии с принятым законом. В мае 1870 г. Коцебу приехал в Бессарабию и приказал явиться к нему старостам и доверенным от обществ царан. Он заявил им: «Поселяне не имеют права требовать от владельца более земли, как две трети от общего количества земли (ст. 13 «Положения 14 июля 1868 г.») по разделению каковой между собою сколь бы ни пришлось, хотя бы менее двух десятин». Так что подавляющее большинство царан не получило и тех наделов, которые им были положены по невыгодному для них закону.

К тому же, Е.Е. Гангард дал разрешение помещикам Бессарабии предоставлять крестьянам землю «в дар». Дело в том, что землевладельцы собрались на общем собрании бессарабского дворянства и обратились с ходатайством о применении в области дарственных наделов, т.е. права предоставлять царанам четверть полагавшегося им надела бесплатно, чтобы оставить за собой остальные три четверти земли. Получив на это разрешение, бояре стали принуждать крестьян к заключению таких договоров. В результате более полутора тысяч царанских семей получили бесплатно маленькие клочки земли, которая чаще всего была совершенно непригодной для обработки. Царане с. Парканы Оргеевского уезда, например, жаловались, что получили в надел земли, «покрытые многими рытвинами, косогорами, вовсе неспособными для обработки и истощенные в высшей степени».

О том же сообщали царане других сел – Гечи-Векь и Гечи-Ноуэ Ясского (Бельцкого) уезда, Селешты и Лукашевка Оргеевского уезда, Глубокое Кишиневского уезда и др. А царане с. Борогам Бендерского уезда в жалобе бессарабскому губернатору писали: «Мы вместо получения в надел земель, обработанных нами до издания указа и до наделения нас, получили землю в количестве 800 десятин, из коих едва четвертая часть оказалась удобной, остальная же земля вовсе неудобна и решительно бесполезна нам, что и доведет нас до больших бедствий». Другими словами, многие крестьяне получили земли, которые были

по качеству гораздо более худшими, чем они имели до реформы. Однако в ответ губернатор холодно заявил: «Земель поселяне выбирать и указывать владельцу, где им отводить их, права не имеют. Это право остается за владельцем».

Естественно, что беззакония, злоупотребления, повсеместный обман, издевательства помещиков вызвали в среде бессарабских царан глубокое разочарование в так долго ожидаемой ими реформе. Правда, опубликованное «Положение» поначалу было встречено ими радостным оживлением и надеждами на то, что реформа коренным образом улучшит их бедственное состояние. Егор Гангард докладывал начальству, что «тотчас по обнародовании «Положения 14 июля 1868 г.» здешние царане, радуясь своему освобождению от ненавистной им барщины, которую владельцы, особенно посессоры, издавна доводили до чудовищных размеров, затевали похороны барщины закапыванием земледельческих орудий, с которыми выходили на барщину. Узнав об этом из частных сведений и не усматривая преступления в их поступке, я не считал благоразумным производить преследование, а уже гораздо позднее, и тоже по частным сведениям, узнал, что в некоторых деревнях, преимущественно Хотинского уезда, царане заставляли своих священников служить панихиды по барщине, когда они зарывали орудия».

Однако очень скоро радость и ликование царан бесследно улетучились, когда они поняли, насколько их обманывают. Все счастливые надежды рушились, когда царане на практике убеждались, что грянет лишь еще большее обнищание и разорение. Даже ненавистные царанам повинности помещики стали назначать в размерах, гораздо превышающих «дореформенный» уровень. Это все вызвало сначала недоумение, затем волнения, протесты, неповиновение. И губернатор Гангард не мог не видеть коренных причин этого неустройства, а также жульнического поведения бояр с крестьянами.

В своем отношении на имя генерал-губернатора Коцебу в июле 1870 г. он объяснял причины волнений тем, что помещики не вводили уставных грамот, то есть сознательно задерживали перевод царан с издельной повинности на денежную. Губернатор Гангард вынужден был признать, что «недальновидное, своекорыстное дворянство, опираясь на предоставленное ему право не заменять издельную повинность денежной до введения грамот, основало свои хозяйственные расчеты в сем году на издельной повинности, оставив царан при прежнем скудном наделе. К причинам раздражения присовокупилось исключение лесов из общего пространства земли, особенно в густонаселенных

местностях, где из 2/3 удобных земель владельца причитается на семью едва 2 дес. вместо 8 и до 9,5, назначаемых по «Положению». С весны царяне стали настойчиво требовать от помещиков принять денежный оброк с 1 апреля 1869 г.».

Поначалу царяне писали губернатору жалобы и просьбы восстановить справедливость и порядок, прекратить произвол помещиков. Затем стали отказываться от выполнения повинностей. Волнения крестьян распространялись все шире и шире, а попытки губернатора принудить крестьян силой к повиновению вызывали резкое сопротивление с их стороны. Вмешательства в конфликты между царянами и дворянами полиции и аресты «зачинщиков» лишь подливали масла в огонь, способствуя все большему вовлечению в «беспорядки» возмущенных произволом царан. Страдали даже люди, просто помогавшие неграмотным царанам написать прошение губернатору; в селе Новач Кишиневского уезда был арестован отставной унтер-офицер Маканов за «составление жалоб и подстрекательства царан к неповиновению».

Губернатор Гангард, отвечавший за порядок и спокойствие в Бессарабской губернии, не раздумывая посылал полицейские силы и солдат целыми ротами для расправы над недовольными царянами. Их арестовывали, предавали суду, избивали розгами. Гангард обращается к генерал-губернатору Новороссии Коцебу с просьбой прислать три сотни казаков, а также вооруженные войска для подавления вспыхивающих выступлений и восстаний царан.

Особенно мощная волна крестьянских волнений прокатилась по северу края, по Хотинскому и Сорокскому уездам, где крестьяне категорически отказывались отбывать барщину, платить оброчные и выкупные платежи и даже отказывались от земли, поскольку она подлежала высокому выкупу. Новороссийский и бессарабский губернатор граф Павел Евстафьевич Коцебу специально приехал в Бессарабию, чтобы помочь Гангарду в наведении порядка и утихомирить царан, «внушить им дух покорности».

Однако наказание розгами, аресты и суд над наиболее актив-

Рис. 35. П.Е. Коцебу

ными участниками крестьянских выступлений не действовали на царан. Приходилось использовать войска в районах массовых волнений, применять самые жестокие репрессивные меры. По приказу губернатора Гангарда пехотные войска направлялись в восставшие села; в Кулишовку и Гвоздоуцы отправил Пражский полк, в Молдову и Ломачинцы – Модлинский полк и т.д. Военные и полиция пороли и секли восставших розгами, допрашивали, арестовывали, сажали в тюрьмы. Но наряду с подавлением волнений военной силой губернатор потребовал и от помещиков ускорить перевод царан с издельной повинности на денежную и ускорить введение уставных грамот, наделявших царан землей. При помощи войск и полиции губернатору Гангарду удалось справиться с крестьянскими волнениями и неповиновением. Однако выступления возмущенных царан продолжали вспыхивать еще очень долгое время.

Конечно же, попытки примирить неразрешимые противоречия интересов помещиков и царан, успокоить недовольство землевладельцев и крестьян царанской реформой и методами ее проведения было главной заботой губернатора Гангарда, но заботой не единственной. В период его правления был построен кишиневский железнодорожный вокзал. При городском кишиневском голове по фамилии П.Х. Гумалик началось строительство водонапорных башен и проведение в Кишиневе водопровода, была построена церковь великомученика Пантелеймона по проекту архитектора А.О. Бернардацци. С принятием городского положения 1870 г. в Кишиневе была введена городская дума и прошли выборы в бессловные думы в других городах края.

Однако в самый разгар проводившихся реформ Е.Е. Гангард был отправлен в отставку с поста губернатора. Таким было беспокойное четырехлетнее правление Бессарабией гражданского губернатора Гангарда в противоречивое и смутное время реформ. Он ушел со службы и жил частной жизнью в Одессе. Умер бывший губернатор в декабре 1882 г. И был похоронен на Старом кладбище Одессы.

НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВИЧ ШЕБЕКО (3 июня 1871 г. — 27 февраля 1879 г.)

Рис. 36. Н.И. Шебеко

В тот же день, 3 июня 1871 г., когда с поста бессарабского губернатора ушел Е.Е. Гангард, пост руководителя области занял военный — генерал-майор Н.И. Шебеко, служивший до того адъютантом у шефа жандармов Российской империи графа П.А. Шувалова, члена Государственного совета, генерал-адъютанта.

В карьере Шебеко до назначения губернатором не было ничего необычного для 36-летнего российского чиновника средней руки. Он родился в семье офицера И.Ф. Шебеко и его супруги Е.С. Сукачевой в 1834 г. Отец был офицером Кавалергардского полка, который представлял особые

части Российской тяжелой кавалерии, созданные в XVIII в. для охраны императрицы Екатерины I; части наподобие кирасирских соединений французской армии, возрождавшие рыцарские традиции средневековой Европы. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет, наиболее авторитетное и крупнейшее высшее учебное заведение в России классического типа.

После окончания вуза Шебеко по стопам отца поступил на службу юнкером в четвертый дивизион Кавалергардского полка. Через год стал корнетом, а вскоре — и поручиком. Продвижение по службе было легким, и в 1861 г. 27-летнего полковника назначают начальником штаба отдельного корпуса жандармов. Это было специальное подразделение Российской императорской армии, созданное в 1826 г. императором Николаем I и просуществовавшее вплоть до 1917 г., в системе Военного министерства. По сути, Н.И. Шебеко был взят на службу в важнейшее структурное подразделение в России, занимавшееся политическим сыском наряду с Третьим отделением Его величества канцелярии и департамента полиции Министерства внутрен-

них дел страны. И через пять лет, в 1866 г., он становится адъютантом Шувалова.

Рис. 37.
*Фамильный герб
дворянского рода Шебеко*

Вероятно, обострение непримиримых противоречий и опасность социального взрыва в бессарабском крае в ходе царанской реформы поставили Петербург перед необходимостью направить в область решительного правителя, который был бы в силах удерживать ситуацию под жестким контролем. В 1871 г. полковник Н.И. Шебеко производится в чин генерал-майора и назначается бессарабским губернатором. В этой должности он проработал неполных восемь лет, до конца февраля 1879 г. Причем был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени «во внимание к особым трудам, понесенным по управлению Бессарабской губернией, и полезной деятельности

по оказанию помощи больным и раненым воинам во время минувшей войны с Турцией».

Вслед за тем, по окончании русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Шебеко возвращается на службу в Министерство внутренних дел. Бывший бессарабский губернатор в 1883 г. был направлен в Воронежскую губернию, которую постигло стихийное бедствие – нашествие саранчи. Организацией мер для борьбы с этим бедствием он и занимался.

Дальнейшая карьера этого человека была вполне успешной. В апреле 1887 г. он был повышен в воинском звании (генерал-лейтенант) и назначен товарищем (заместителем) министра внутренних дел, заведующим отделом полиции и командиром отдельного корпуса жандармов. Затем в августе 1890 г. император Александр III назначает Н.И. Шебеко сенатором, членом Правительствующего сената Российской империи – высшего органа государственной власти и законодательства Российской империи, созданным еще Петром I в 1711 г. Шебеко назначается и в высший законосовещательный орган страны – Государственный совет, он где служил по департаменту гражданских и духовных дел.

В 1900 г. Н.И. Шебеко был повышен в звании, произведен в генералы от кавалерии. Через четыре года он скончался в возрасте 69 лет и был похоронен в Александро-Невской лавре Петербурга.

Но вернемся в период, когда Шебеко приехал в губернский Кишинев. Время, которое пришлось на семилетнее правление этого человека Бессарабией, было непростым для ее жителей. Продолжались преобразования царя-реформатора Александра II, которыми были недовольны и крестьяне, и землевладельцы. Общественный раскол углублялся: большая часть господствующего класса не ожидала и не желала никаких перемен; угнетенные и обездоленные классы были, наоборот, разочарованы результатами перемен. А передовая часть общества стремилась уже к чему-то большему, к глубоким политическим изменениям и коренной ломке существующих отношений. Наступает разночинный этап революционно-освободительной борьбы в России. Нарождающееся народническое движение захлестнуло страну, в том числе и Бессарабскую область. Проводимые буржуазные реформы не сопровождаются предоставлением и расширением политических свобод, смягчением самодержавного режима абсолютизма, и правительство модернизирует страну, сохраняя в неизменности ее феодальные основы.

Буквально за два месяца до назначения Шебеко в Бессарабию в марте 1871 г. было введено новое городское управление Кишинева по закону от 16 июня 1870 г. «Городовое положение», согласно которому в Бессарабии и Левобережном Приднестровье должна была проводиться городская реформа. Городские думы были открыты также в Аккермане, Бельцах, Бендерах, Оргееве, Сороках, Хотине и в трех посадах близ Аккермана (Попушой, Турлаки, Шабо).

Целью нововведений являлось вовлечение буржуазии в дела управления городами и развитие городского хозяйства. Но, поскольку крупная буржуазия в бессарабских городах отсутствовала, как и мощная промышленная индустрия, в составе гласных городских дум решающее значение приобрели голоса дворян, чиновников и купцов, торговой буржуазии. Тем не менее, приметы новых веяний – эпохи капитализма – были налицо.

Но важнее те приметы времени, которые убедительно доказывали, что молдавский народ вступает в новую эпоху своего развития, – первое революционное выступление пролетариата Молдавии. В июне 1871 г. на строительстве Тираспольско-Кишиневской железной дороги недовольные обсчетами и произволом подрядчиков рабочие организовали первую в истории края рабочую стачку и положили здесь начало рабочему движению. Конечно, полиция арестовала нескольких «зачинщиков», но поскольку из 213 рабочих почти половина оставила

работы, подрядчики вынуждены были изменить условия труда в пользу рабочих.

Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф П.Е. Котлебу по этому поводу заявил, что прошедшая стачка – «явление совершенно новое, до сего времени не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения». Тем более, что тогда же, в июне 1871 г., аналогичная стачка произошла на строительстве железной дороги Кишинев–Яссы, когда работы прекратили 150 рабочих. Не прошло и года, как на строительстве участка Кишинев–Корнешты в мае 1872 г. забастовали полторы тысячи строительных рабочих. Более того, потребовав от подрядчиков повышения зарплаты и улучшения условий труда, они двинулись в Кишинев «искать правды» у губернатора.

Мнение Н.И. Шебеко по этому «возмутительному случаю» нетрудно предугадать. Губернатор дал строгое предписание чиновнику по особым поручениям Томульцу: «В отстранение пагубного примера для остальных 1500 рабочих на линии, признавая необходимым решительными мерами прекратить означенный беспорядок, я прошу Ваше высокоблагородие отправиться сегодня же в Корнешты и вначале путем убеждения стараться заставить означенную партию рабочих приступить к работам. Ежели бы затем меры увещевания не привели к успешному результату, то, разделив их на партии и убедившись окончательно в упорстве исполнить принятые на себя обязательства, – под арестом препроводить их в Кишинев для заключения в тюремном замке впредь до особого распоряжения». Забастовщики почувствовали на себе вкус нагаек и были препровождены на место работы. Правда, в конце концов администрация удовлетворила их справедливые требования.

Такие коллективные протесты против гнета и беззаконий буржуазии и администрации имели очень большое значение для формирования рабочей солидарности и классового самосознания. Такая же примерно стачка состоялась и в мае 1876 г., когда были арестованы 40 рабочих. Несмотря на строгие меры по подавлению «беспорядков», именно в таких протестах пролетарии учились осознавать и отстаивать собственные интересы.

Этим же целям служили и создаваемые местной образованной разночинской молодежью народнические кружки и группы в крае. Зачитывавшаяся произведениями А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского и других властителей дум своего времени, образованная

молодежь, радикально настроенная интеллигенция посвящала свои жизни самоотверженному служению народу. Молодые люди объединялись в подпольные группы и кружки антиправительственной направленности для обсуждения политических вопросов и изучения запрещенной литературы, участвовали в ее распространении, в устройстве нелегальных типографий, перевозке из-за границы листовок, в переправке революционеров через границу, в «хождении в народ» и его просвещении, в пропаганде революционных идей.

В 1874 г. такой революционный кружок создает в Кишиневе уроженец с. Ниспорены, бывший ученик Кишиневской духовной семинарии и студент Петербургской медико-хирургической академии Н.П. Зубку-Кодряну. В народническом «хождении в народ» принимали участие ученики Кишиневской духовной семинарии Ф. Кодряну и П. Брага. В местечке Байрамча Аккерманского уезда кружок с аналогичными целями из учеников местной семинарии создал П. Сокольский. В 1878 г. более двух десятков молодых людей, учащихся местных учебных заведений, объединяются в кружок под руководством К. Урсу и А. Фрунзы. Конечно, как представитель и защитник режима самодержавной власти в крае губернатор Бессарабии Н.И. Шебеко требовал от политической полиции немедленного пресечения деятельности революционных кружков. И полиция – надо отдать ей должное – стояла на высоте поставленных перед ней задач: практически все местные революционеры оказались в тюрьмах, в Сибири, на каторге; более удачливые бежали в Россию или за границу.

Будучи высокопоставленным сановником, Н.И. Шебеко защищал в крае интересы самодержавной системы бескомпромиссно и эффективно. Однако было бы ошибкой не замечать и другого рода деятельности губернатора. В 1873 г. в Кишиневе было открыто первое в крае реальное училище, в котором существенная роль отводилась преподаванию математики и естественных предметов. Существовавшие в России реальные гимназии были в 1872 г. реформированы в реальные училища, курс обучения в которых длился шесть-семь лет и в уставе которых было записано, что «училища имеют целью общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». Открытое почти сразу же в Кишиневе подобное учебное заведение благотворно сказалось на общем состоянии в крае науки и образования, способствовало поднятию уровня просвещения местного населения.

Бессарабия получила статус губернии тогда же, в 1873 г., – в период реформ Александра II. Законы, по которым существовало население, были уравнены с общероссийскими. Хотя, чтобы «не ущемить» в правах местную коренную элиту, элементы феодального права в крае окончательно отменены не были, что как бы подчеркивало «национальные особенности» региона. Впрочем, местная администрация не занималась модернизацией устаревших законов и обычаев феодальных времен – во времена убыстряющегося капиталистического развития края они мало кого вообще интересовали. Зато введение единых норм судопроизводства на русском языке в условиях, когда значительная часть населения им не владела, указывает на равнодушное отношение самодержавия и его представителей к насущным нуждам широких слоев населения.

Н.И. Шебеко с точки зрения самодержавия считался умелым и достаточно успешным администратором одного из сложных российских регионов, а потому за верную службу царю он был неоднократно обласкан правительством. Помимо уже упомянутого ордена Св. Влади-

Рис. 38. М.И. Гончарова, супруга губернатора И.Г. Шебеко

мира, его наградили орденом Св. Александра Невского с бриллиантами, орденом Белого орла, орденом Св. Анны 1-й степени, орденом Св. Станислава 1-й степени. Шебеко имел Большой офицерский крест ордена Почетного легиона и прочие ордена Пруссии, Турции и других стран.

И несколько слов о семейных обстоятельствах Н.И. Шебеко. В 1860 г. в 25-летнем возрасте он женился на Марии Ивановне Гончаровой, дочери отставного генерал-майора И.Н. Гончарова, который приходился родным братом супруге великого русского поэта А.С. Пушкина. Так что Мария Ивановна Шебеко была племянницей жены Пушкина Натальи Гончаровой.

В браке у них родилось трое детей: Елизавета (1861–1932), Николай (1863–1853) и Вадим (1864–1843). Елизавета вышла замуж за Л.Н. фон Баумгартера, российского военачальника, участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и русско-японской войны 1904–1905 гг., генерала от кавалерии, награжденного золотым оружием за храбрость.

Действительный статский советник Николай Николаевич Шебеко был российским дипломатом, посланником России в Румынии в 1912–1913 гг., а потом служил послом в Австро-Венгрии; во время Гражданской войны воевал в добровольческой армии А.И. Деникина, уехал в эмиграцию во Францию, где состоял членом Русского народно-монархического союза.

Русский военный и государственный деятель генерал-майор Вадим Николаевич Шебеко являлся московским градоначальником, служил военным агентом в Турции, США и Германии, затем – в Главном штабе Российской императорской армии, являлся самарским вице-губернатором и гродненским губернатором. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию, где владел в центре Парижа небольшой чайной с антикварным магазином.

ЕВГЕНИЙ ОСИПОВИЧ ЯНКОВСКИЙ (15 мая 1879 г. – 21 августа 1881 г.)

Рис. 39. Е.О. Янковский

Несколько месяцев после перевода Н.И. Шебеко в МВД место бессарабского губернатора оставалось вакантным. Наконец в середине мая 1879 г. это кресло занял другой чиновник Министерства внутренних дел – 42-летний генерал-майор Е.О. Янковский.

Был он выходцем из старинной шляхетской семьи Полтавской губернии и воспитывался в Константиновском кадетском корпусе. В середине XIX в. окончил корпус и с присвоением воинского звания прапорщика был направлен в лейб-гвардии Семёновский полк. Одновременно был зачислен в старейшее в России

военно-учебное заведение – Санкт-Петербургскую Михайловскую артиллерийскую академию. С отличием закончив академию, Янковский преподаёт артиллерию в кадетском корпусе. Затем несколько лет он служит в лейб-гвардии конной артиллерии, пока не наступили тревожные события в Царстве Польском, и способности русского офицера с польскими корнями понадобились на другом поприще.

Что это за события и что за царство такое? Речь идет о том, что по решению Венского конгресса после разгрома наполеоновских полчищ, немалую долю которых составляли поляки, часть территории современной Польши с городами Варшава, Лодзь, Люблин, Ченстохов и прочими городами и селами вошла в состав России под названием Царство Польское. Столетие, с 1815 по 1915 г., поляки этой территории, составлявшие до 70% ее жителей, желали восстановления своей независимости и даже возрождения Речи Посполитой. В начале 60-х гг. XIX в. их недовольство потерей государственности получило реальный выход, а ропот вылился в кровопролитное восстание, длившееся полтора года, с 1863 по 1864 гг.

Правительство России подавило восстание силой. Но при этом Петербург хорошо осознавал, что только военными мерами умиротво-

рить возбужденный народ невозможно. В 1864 г. в столице создается специальный Комитет по делам Царства Польского, возглавить который взялся сам государь. Начинается работа по реформированию и преобразованиям всех сторон жизни и быта людей на польских землях. Тогда-то и был привлечен Е.О. Янковский к административной службе.

В 1864 г. его командировывают в распоряжение Учредительного комитета, занимавшегося кардинальными реформами в Польше. Как член комитета он становится комиссаром Люблинской комиссии по крестьянским делам. Суть преобразований в крестьянском вопросе состояла в том, что крестьяне с начала марта 1864 г. получали в собственность те земли, которые они обрабатывали. Государство гарантировало бывшим землевладельцам определенные компенсации за «убытки».

Деятельная реформаторская работа Янковского в течение нескольких лет была высоко оценена в верхах. Он получает чин подполковника и высочайше пожалованную серебряную медаль. В 1869 г. его даже назначают правителем дел управления Варшавского жандармского округа. В этой должности Янковский проработал десять лет и получил орден Св. Владимира 4-й степени. Опыт административной работы Янковского вскоре понадобился и в другом районе Европы.

После окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. его, русского офицера, отправляют в распоряжение генерал-адъютанта князя А.М. Дондукова-Корсакова, занимавшегося организацией Временного русского управления Болгарией. Задача Янковского – создание органов полиции и жандармерии в Восточной Румелии (земли древней Фракии и части Македонии на Балканах). По Сан-Стефанскому договору между Россией и Турцией эти территории должны были отойти к Болгарии. Однако по решению Берлинского конгресса 1879 г. здесь создавалась автономная турецкая область Восточная Румелия, принадлежащая султану, однако под руководством особого генерал-губернатора из христиан, назначаемого с согласия европейских держав.

Но долго проработать в Восточной Румелии Янковскому не довелось. В апреле 1879 г. он был отозван в Министерство внутренних дел с оставлением по службе в армейской кавалерии. А уже в мае офицер произведен из подполковников в генерал-майоры и назначен губернатором в Бессарабию.

Деятельность Е.О. Янковского на посту бессарабского губернатора прошла как-то незаметно, за все два с лишним года его пребывания у власти. Некоторые историки даже считают, что он пробыл губернатором три месяца и отбыл в Москву на должность обер-полицмейстера. Однако сохранившиеся документы говорят о том, что Янковский про-

должал служить на своем месте в Кишиневе в период особенно драматичный для страны, когда революционерам-народовольцам удалось, наконец, с успехом завершить 1 марта 1881 г. развернутую ими самую настоящую охоту на российского самодержца царя-реформатора Александра II Освободителя. Причем документы свидетельствуют, что бессарабский губернатор выполнял свои обязанности защитника монархии добросовестно и с рвением.

За месяц до взрыва на Екатерининском канале в Петербурге, 1 февраля 1881 г., он сообщает министру внутренних дел России об аресте группы народников в Кишиневе, а затем, уже через неделю после убийства царя, 8 марта того же года он докладывает о ходе дознания по делу арестованной группы революционеров. Речь идет о первом рабочем кружке в крае, организованном гимназистом Ф. Денишем. Познакомимся с ним поближе, чтобы яснее ощутить напряжение эпохи, в которой губернатор руководил Бессарабской губернией.

Уроженец села Чок-Майдан Бендерского уезда, ученик Кишиневской гимназии из бедной молдавской семьи Федор Дениш, арестованный незадолго до убийства царя, дал показания на допросе довольно безобидные. Мол, «мое внимание было обращено на то, что железнодорожные рабочие пропитаны духом товарищества, но, по моему мнению, в узком смысле: своего они не дадут в обиду другому, чужому рабочему, но начальству своему дают в обиду всегда. Я задумал направить этот дух товарищества так, чтобы они поддерживали друг друга в более серьезных обстоятельствах: в случае увольнения, например, в случае болезни и т.д.».

Губернатор так и не узнал тогда, что Дениш вместе с другими единомышленниками из народнической среды – Фрунзой, Залецким, Куровицким, Калиным, Сабуровой – вовлекали рабочих в свой кружок не столько для участия в кооперативной столовой и прачечной, сколько для участия в активной революционной борьбе. Они изучали нелегально ввезенную в Россию запрещенную народническую литературу. Кружок установил контакт с Исполнительным комитетом «Народной воли», с А.И. Желябовым, М.В. Фроленко и другими лидерами народничества в России. Когда Желябов был в Кишиневе, Дениш разработал с ним план экспроприации кассы с деньгами в почтовом вагоне пассажирского поезда Кишинев–Одесса.

Деньги должны были пойти на нужды социалистического переворота. Дениш на месте готовил эту операцию на железнодорожном перегоне Тирасполь–Новосавицкая. Но и это еще не все. В декабре 1880 г., за несколько месяцев до покушения на царя, он снимает номер во фли-

геле кишиневской гостиницы «Швейцарская» для эмиссаров Исполнительного комитета Фроленко, Лебедева, Меркулова и Фриденсона, которые начали рыть подкоп под здание государственного банка. Однако вся группа народовольцев была отозвана в столицу, как только подготовка цареубийства вышла на завершающую стадию.

Все это раскапывают историки потом. А тогда, в июле 1881 г., бессарабский губернатор Е.О. Янковский докладывал в Департамент полиции из Кишинева, что Дениш, Куровицкий и Сабурова из-под стражи были отпущены. Однако допрос одного из членов кружка заставил изменить это решение и вновь арестовать обвиняемых в противозаконной деятельности. «Показания этого лица, – пишет в своем донесении Яновский, – представившие деятельность Дениша и его товарищей в более серьезном виде, затем явившееся по обстоятельствам дела требование проверки означенных показаний при условии, чтобы со стороны обвиняемых не было попытки скрыть следы своего преступления, и в то же время лишить их возможности, находясь на свободе, усилить или просто продолжать по-прежнему свою преступную деятельность в среде рабочих людей, что особенно могло быть опасно в первое время после ужасного злодеяния 1 марта», потребовало нового ареста и нового дознания в отношении Дениша и других кружковцев. Однако и новое следствие мало чем помогло полиции. Доказать причастность их к цареубийцам не удалось, и по приговору суда Дениш был сослан в Западную Сибирь на 5 лет.

А Янковский в августе 1882 г., прослужив недолго в московской полиции, получает новое назначение. На этот раз он занял должность астраханского губернатора и выбран наказным атаманом астраханского казачьего войска. Он занимается освоением соляных запасов на озере Баскунчак и способствует компании «Братья Нобель» в строительстве судоремонтных верфей. Но больше всего внимания губернатор уделял своему любимому делу – инспекции полицейских и жандармских учреждений. Как глава астраханского казачества он принимал участие в коронации Александра III.

Через год Янковского отправляют губернатором в Полтавскую губернию и награждают орденом Св. Станислава 1-й степени, а в 1886 г. он был удостоен ордена Св. Анны 1-й степени.

С 1889 по 1892 г. Е.О. Янковский занимал должность волынского губернатора и как энергичный волевой чиновник проводил в этом крае со сложной этнической структурой населения твердую русскую политику. На посту волынского губернатора он и умер в Варшаве в июле 1892 г. Там же был погребен.

МОДЕСТ МАВРИКИЕВИЧ КОНИАР **(16 августа 1881 г. – 30 июня 1883 г.)**

С переводом Е.О. Янковского на полицейскую службу в Москву в середине августа 1881 г. на пост бессарабского губернатора назначается бывший губернатор Архангельской губернии Модест Маврикиевич Кониар, приехавший в Кишинев из самых северных широт Российской империи. Его перемещение на юг было не совсем понятно северянам, которые переживали очень трудные времена, связанные с буйством природы.

Дело в том, что весна 1881 г. была там на редкость холодной, с непривычными для этого времени года морозами. Но в конце апреля неожиданно потеплело, и в верховьях Северной Двины началось движение льда. А когда весенняя стихия принесла новые морозы в начале мая, ледяные торосы в своем неудержимом движении стали сносить пригороды Архангельска и островные деревеньки, затем движение льда прекратилось вовсе, и город стал быстро наполняться ледяной водой. За несколько часов вода поднялась более чем на 6 метров, затопивая первые, а затем и вторые этажи домов. Буквально на глазах жители Архангельска и близлежащих деревень лишались своих домов, хозяйства, продуктов питания, домашнего скота, запасов семян для посевов... Разорение было неудержимым, быстрым и всеобщим. Кроме жителей города, пострадало более 80 деревень, в которых проживало до пяти тысяч крестьян.

Видя наступающую катастрофу, архангельский губернатор немедленно телеграфировал в столицу, испрашивая разрешение истратить тысячу рублей на помощь потерпевшим от стихии крестьянам. Получив разрешение, он стал закупать печеный хлеб (всего 200 пудов) и бесплатно раздавать голодающим жителям. Дочь губернатора Елизавета Модестовна Кониар, прекрасная пианистка-любительница, устроила благотворительный концерт, все средства от которого были переданы на нужды пострадавших. Энергичными действиями губернатор привлек для оказания помощи и местную организацию Красного Креста, и некоторых предпринимателей. Он направляет в Петербург донесения с ходатайствами о правительственной помощи бедствующим людям.

Но столичное чиновничество, все еще находившееся под впечатлением от взрыва на Екатерининском канале, от царевубийства 1 марта 1881 г. и с опасением наблюдавшее за сменой политических приоритетов в империи при новом императоре Александре III, было абсолютно равнодушно к бедствиям каких-то никому не известных архангельских

крестьян. Модест Кониар пытается своими силами облегчить положение страдальцев, дает указание о беспопытном отпуске леса на строительство новых домов, телеграфирует в столицу о катастрофическом положении северного края.

Но перетряски в кабинете министров и дворцовые интриги, связанные с переменами в высших слоях государственной власти, низводят в глазах столичных сановников его усилия по спасению пострадавшего населения до уровня неуместной назойливости, отвлекающей серьезных людей от важных дел. Кониара, чтобы не досаждал просьбами, отправляют наконец, подальше от Петербурга, на юг, в Бессарабскую губернию, к изумлению бедствующих архангелогородцев, для которых губернатор был последней надеждой. А местная газета, описавшая весенний разгул стихии и его последствия, с горечью констатировала, что «улицы Архангельска вновь наводнены — на этот раз нищими. Их как никогда много, они толпами бродят по городу, стоят на каждом углу и, прося на пропитание, ежедневно стучатся в двери...».

Что же за человек был новый бессарабский губернатор, с которым так неохотно прощалась Архангельская губерния? Ведь за свое относительно недолгое правление в этом крае он предпринял немалые усилия для его экономического развития, создав для этой цели Особую совещательную комиссию и наметив открытие в городе низшего механико-технического училища. Император Александр II на губернаторском докладе тогда сделал загадочную надпись «Сообразить» и передал это дело в Комитет министров, откуда оно перешло к министру финансов. Но поскольку губернатора отправили в Бессарабию, все его инициативы по Архангельску были отложены в долгий ящик и успешно забыты.

Действительный статский советник (это уровень генерал-майора в армии) М.М. Кониар до назначения в Архангельскую губернию полтора десятилетия был вице-губернатором Вологодской губернии, с 1865 по 1880 г. А до этого он служил вице-губернатором в Пермской (1860) и Казанской (1861–1864) губерниях. Он никогда не был военным, в отличие от многих других губернаторов, и всю жизнь был сугубо гражданским человеком, делая карьеру на государственной службе и занимая крупные посты в губерниях, но не в Петербурге. И на то были свои причины.

М.М. Кониар родился в 1834 г. в Польше в богатой еврейской семье. Его отец, по рождению Моисей Кон, был одним из самых богатых людей в Царстве Польском, принадлежавшем тогда Российской импе-

рии. Он крестился в православную веру и стал называться Маврикием Кониаром. Вкладывая свои капиталы в модернизацию экономики страны, он многое сделал для развития в ней основ капитализма. Жена Маврикия Елизавета Александровна Слуцкая также была из крестьян, перешедших в православие евреев, возведенных в русское дворянство. Будучи щедрым благотворителем на богоугодные дела, варшавский банкир получил от царя орден и вошел в благородное сословие русского дворянства. В этой семье родилось пять детей, причем каждый из отпрысков прошел свой довольно яркий и неповторимый путь.

Старший сын Евгений Маврикиевич (1824–1890) пошел по стопам отца и был известным капиталистом, интересы которого лежали в строительной, финансовой областях и горнорудной промышленности. Достаточно сказать, что он был арендатором всех сибирских изумрудных и самоцветных копей, основал Общий поземельный банк и построил в С.-Петербурге Мариинский театр по проекту архитектора Ц.А. Кавоса.

Старшая дочь Екатерина Маврикиевна (1829–1897) стала певицей и получила всероссийскую известность как исполнительница русских романсов. Другая дочь, Елизавета Маврикиевна (1834–1911), в замужестве Трубецкая, была матерью известного флотоводца, героя Первой мировой войны В.В. Трубецкого. Правда, ничего не известно о судьбе третьей дочери – Леонтины Маврикиевны.

Что же касается Модеста Маврикиевича, то он окончил Петербургский университет и пошел на службу царю и отечеству, делая поначалу довольно успешную карьеру. Он служил в Палате государственных имуществ, затем – в Департаменте внешних сношений Министерства иностранных дел. Молодого чиновника приглашают в один из департаментов Сената, откуда он переходит в Министерство внутренних дел, становится губернским прокурором Томской губернии, управляющим Главного управления Западной Сибири. С этой должности он поднялся до вице-губернатора, а впоследствии и до губернатора.

Еще будучи в Сибири, М.М. Кониар в 1856 г. женился на Ольге Философовне Гороховой, дочери томского купца и золотопромышленника. Обе их дочери, Ольга и Елизавета (в замужестве княгиня Ухтомская), были чрезвычайно одаренными и музыкальными людьми. Да и сам отец семейства увлекался музыкой и был постоянным и благодарным слушателем на концертах классической музыки. Казалось бы, жизнь удавалась как нельзя лучше: и карьера, и семья, и окружение –

все свидетельствовало об этом. Но на самом деле обстоятельства складывались не так просто.

Будучи незаурядной личностью, Модест Кониар вызывал антипатию и неприязнь у той чиновничьей России, которая была против реформ Александра II, не хотела и боялась модернизации и обновления страны, превращения ее в мощную индустриальную капиталистическую державу. Поскольку Кониар был сторонником реформ Александра Освободителя и с энергией проводил в жизнь его нововведения, он удостоился лютой ненависти самого всесильного Константина Петровича Победоносцева. А ведь Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода и крайний реакционер, был, пожалуй, самой мрачной и наиболее влиятельной фигурой на политическом Олимпе России последних десятилетий XIX – первого десятилетия XX вв.

Как главный идеолог политики «контрреформ» Александра III, как «серый кардинал» в российском правительстве последних десятилетий XIX в., Победоносцев стремился законсервировать феодальные отношения в стране на веки вечные. Будучи крайним реакционером и антисемитом, видевшем в евреях главную угрозу своей политике, он люто ненавидел М.М. Кониара, вообще не переносил таких людей, как бессарабский губернатор, ненавидел и боялся. Для Победоносцева Кониар – европеец из Варшавы и еврей (хоть и крещеный), либерал, выходец из набиравшего силу нового класса буржуазии, сторонник и участник, активный проводник реформ Александра II, был олицетворением нового мирового уклада, который нес российскому самодержавию величайшую угрозу.

Интриги Победоносцева против Кониара были непреодолимы; фактически бессарабский губернатор оказался в положении беззащитной и обреченной на заклание жертвы, против которой организована настоящая охота, несмотря ни на какие административные способности и успехи. И помощи откуда бы то ни было ему ждать не приходилось. Ведь Победоносцев пользовался колоссальным влиянием при дворе российских императоров.

Влиятельный Победоносцев преподавал законоведение и старшему сыну Александра II, наследнику престола Николаю Александровичу (внезапно скончавшемуся от менингита), и будущему императору Александру III, и последнему императору Николаю II. Это он им внушал мысль, что любые реформы губительны для России, а царь должен передать престол своему сыну в таком виде, в каком получил его от своего отца. В конце концов, под влиянием этих проповедей Николаю

оказалось гораздо легче отречься от престола и пойти вместе со всей семьей на смерть, чем модернизировать страну по английской модели, вводить в ней конституцию, парламент, ответственное перед народом правительство. Зловещая тень Победоносцева витала над семьей Романовых все годы русских революций.

Но вернемся к личности губернатора. Он был известен не только как энергичный и успешный администратор, пользующийся авторитетом у руководимого им сообщества, но и как образованный человек высокой культуры, большой ценитель музыкального искусства. Он был знаком с дирижером Большого театра С.И. Штуцманом и дружил с представителем одной из самых «музыкальных» семей Москвы К.А. Булгаковым.

В молодости, в начале 50-х гг. XIX в., М.М. Кониар познакомился в Петербурге и с великим русским композитором Михаилом Ивановичем Глинкой, предки которого когда-то вышли из польской среды и крестились в православие, как и предки Кониара. Окружающие удивлялись этой дружбе, как тогда говорили, «несмотря на разницу лет», между молодым человеком и убеленным сединой известным композитором, уже стариком по меркам того времени.

Но хотя Модест Кониар не был музыкантом и творцом, видимо, Глинка как один из основателей русской национальной школы классической музыки на исходе своих лет весьма заинтересованно общался с юным крещеным евреем, обсуждая вклад евреев и других народов в российскую культуру – тему, весьма скользкую для тогдашних русских антисемитов. Дружба со знаменитым композитором, другом А.С. Пушкина, оказала большое влияние на Кониара. Впоследствии он много делал для пробуждения интереса общества в провинциях, в глубинках империи к русской классической музыке везде, куда забрасывала судьба этого человека.

Впрочем, в Бессарабии в годы правления губернией Кониара никаких особо выдающихся событий не происходило. Губернаторские отчеты, которые готовили в Петербург местные чиновники и подписывал губернатор, полны размеренности и спокойствия. Никаких общественных значимых движений и происшествий не случалось.

Народническое движение после убийства царя понесло большие потери по стране и переживало идейный и духовный кризис; до нового революционного обострения ситуации было еще далеко. Крестьяне, вовлеченные в процессы выкупа своих наделов, меньше бунтовали. Не было особых угроз и с внешней стороны: последняя русско-турец-

кая война XIX в. закончилась. Румыния объявила себя королевством в 1881 г., передав престол одному из отпрысков рода Гогенцоллернов и возвратив России южную часть Измаильского уезда Бессарабии, примыкавшую к Дунаю. Твердое убеждение Александра III, что без ведома России в Европе не выстрелит ни одна пушка, придавало политике контрреформ иллюзию абсолютной твердости и неколебимой устойчивости на века.

Но бессарабскому губернатору не простили его увлечения реформами и приверженность политике обновления страны. В июне 1883 г. он был отправлен в отставку и забыт. Не были приняты во внимание даже высокие награды Кониара. Он был кавалером ордена Св. Анны 2-й степени и Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 2-й степени и Св. Станислава 1-й степени, ордена Св. Владимира 3-й степени. Все государственные награды были получены им во времена реформаторской деятельности Александра II 1860-х – 70-х гг. XIX в. Выше провинциального руководителя М.М. Кониар так и не поднялся. Он умер в полной безвестности в 1890 г. в С.-Петербурге в возрасте 63 лет.

Правда, истории остались известными некоторые родственники бывшего бессарабского губернатора. Его родной племянник Владимир Владимирович Трубецкой был сыном сестры Модеста Кониара Елизаветы Маврикиевны Кониар и князя Владимира Васильевича Трубецкого, внуком варшавского финансиста Моисея Кона. Он прославился как контр-адмирал, герой русского флота, с именем которого связаны славные страницы боевой истории российского флота в Первой мировой войне. Военные историки признают его «выдающимся командиром и флагманом» и даже «последним рыцарем империи». Князь Трубецкой был одним из первых русских подводников и воевал против японцев на Дальнем Востоке на подлодке «Сом». А в годы Первой мировой войны Трубецкой командовал миноносцем «Новик» и другими кораблями Черноморского флота, наводил ужас на турецких моряков, которые прозвали его «шайтан-капитаном».

В боях на море в боевых кампаниях 1914–1916 гг. Трубецкой проявлял отвагу и смелость: награжденный ранее пятью отечественными и семью иностранными орденами, князь был пожалован высшими знаками боевого отличия — орденами Св. Владимира 3-й степени с мечами, Св. Георгия 4-й степени и Золотым Георгиевским оружием. После отречения царя в феврале 1917 г. Трубецкой вместе с адмиралом А.В. Колчаком пытался предотвратить развал флота. А когда униженный Колчак покинул флот, Трубецкой ушел на Румынский фронт, где

поначалу возглавил Балтийскую морскую дивизию, оборонявшую устье Дуная, а потом воевал на коне, с шашкой в руке на уже разваливающемся Румынском фронте. После большевистской революции в Петрограде князь Трубецкой не примкнул ни к белым, ни к красным. Вместе с женой и тремя детьми он перебрался во Францию, где в условиях повседневной борьбы за существование не изменил своим убеждениям и чести офицера. Бывший флотоводец писал воспоминания о русско-японской и Первой мировой войне. Умер в 1931 г. и похоронен в пригороде Парижа в фамильном склепе Кониаров.

Другой племянник Модеста Кониара, Всеволод Евгеньевич, был действительным тайным советником в должности гофмейстера, членом Государственного совета России. А внук Борис Евгеньевич Мартынов (1890–1978) так же, как и отец, выбрал для себя военное поприще. В Первую мировую войну он стал офицером лейб-гвардейской кавалерии и за отвагу был награжден Золотым Георгиевским оружием, которое давали только за выдающиеся подвиги на поле боя. В 30-летнем возрасте был произведен в полковники и участвовал на стороне белых в Гражданской войне. Генерал П.Н. Врангель назначил его комендантом Ялты. После победы красных эмигрировал в США, где возглавлял Союз русских дворян.

Правда, в истории нашего края эти достойные люди, потомки губернатора Бессарабии, заметного следа не оставили.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КОНСТАНТИНОВИЧ (30 июля 1883 г. – 4 июля 1899 г.)

Рис. 40. А.П. Константинович

На пост губернатора Бессарабской губернии после отставки М.М. Кониара был вновь назначен человек из военной среды, – 50-летний генерал-майор, служивший в российской армии с 14 лет. И пришел он на этот раз не с севера, а с юга, точнее, с юго-востока. Это был бывший оренбургский губернатор и командующий войсками Тургайской области А.П. Константинович.

Родился будущий руководитель Бессарабии в августе 1832 г. в Полтавской губернии, в имении своего отца бригадного генерала П.Х. Константиновича и его супруги Виктории Мартыновны, урожденной Красницкой. Их дочь, старшая сестра бессарабского губернатора Анна Петровна,

в замужестве стала Вернадской и матерью великого русского и советского ученого, естествоиспытателя, мыслителя и общественного деятеля В.И. Вернадского, которому А.П. Константинович приходился родным дядей.

В юные годы Александр воспитывался дома, в имении отца, а затем был отдан на службу и закончил Михайловское артиллерийское училище, одно из наиболее авторитетных в стране офицерских учебных заведений элитного характера, попасть куда было очень непросто, а еще труднее – учиться там и служить. Достаточно сказать, что из юнкеров в офицерские классы переводилось около половины всех обучающихся, а достигали офицерского звания из них только 70% слушателей.

Константинович по окончании юнкерских классов училища был произведен в прапорщики, зачислен по полевой пешей артиллерии и оставлен в офицерском классе. Когда в Киеве было создано учебное заведение для подготовки детей и подростков к службе в армии в чине офицера, молодой офицер был направлен во Владимирский Киевский

кадетский корпус учителем математики. Затем служил воспитателем и преподавателем по предмету артиллерии во Владимирской военной гимназии в Киеве.

Преподавательская работа и воспитательная деятельность Константиновича закончилась в 1867 г., когда он в звании полковника был прикомандирован к штабу войск Петербургского военного округа. Вскоре его переводят в Рижский военный округ заведующим учебным артиллерийским полигоном и зачисляют в гвардейскую конную артиллерию.

Но свой военный опыт Константинович начинает накапливать с 1873 г., когда его посылают участвовать в Хивинском походе. Хорезмское государство (Хивинское ханство) было единственной в Средней Азии рабовладельческой восточной деспотией, не подчинявшейся России, хотя и окруженной со всех сторон ее землями. Испытывая большой недостаток в людских и финансовых ресурсах, хивинцы постоянно нападали на казацкие земли, грабили торговые караваны русских купцов, соперничали с окружающими народами в казахских степях. Правительство России поручает генерал-губернатору Туркестанского края К.П. Кауфману положить конец антироссийским вылазкам рабовладельцев и навести в крае должный порядок.

Четыре отряда русских войск в 12–13 тыс. человек при 56 орудиях, 5 тыс. лошадей и 20 тыс. верблюдов весной 1873 г. направились на покорение Хивы. Ханские войска капитулировали после боев на подступах к городу, а его правитель Мухаммад Рахим-хан II признал статус своего государства как российского протектората и объявил себя «покорным слугой» российского императора. Александр II даровал хивинскому правителю титул «высочества», т.е. князя. Но главное, с рабством и средневековой тиранией здесь было покончено навсегда.

Полковник Константинович во время покорения Хивы командовал орудиями конноартиллерийской батареи и отличился своими знаниями и отвагой. Его наградили орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами и золотой саблей с надписью «За храбрость». Золотое оружие было введено в России еще Петром I, приравнивалось к государственным наградам и выдавалось в знак особых отличий за проявленное личное мужество и самоотверженность.

В Хивинской экспедиции принимал участие великий князь Николай Константинович как командир уральских казаков и внук Николая I принц Евгений, герцог Лейхтенбергский, с казаками оренбургскими. По завершении похода принца зачислили в Оренбургское казачье войско, а Константиновича направили продолжать учение в Академию

Генерального штаба. После ее окончания он в 1876 г. был командирован к герцогу Лейхтенбергскому в Оренбургский край. Здесь Константинович становится командующим войсками Тургайской области с центром в Оренбурге и получает воинское звание генерал-майора.

Будучи до назначения в Бессарабию в течение семи лет руководителем Оренбургской области, А.П. Константинович неожиданно открылся на гражданской службе как прогрессивно мыслящий, волевой и гибкий администратор. Он сумел не допустить столкновений на этнической почве между русскими безземельными крестьянами, переселявшимися в оренбургские степи согласно политике правительства, и местными кочевыми племенами казахов. Принимая из центральных губерний России волны переселенцев в казахские степи, Константинович отводил им земли «без стеснения казахских наделов» и предоставлял «временное право пользования землей». Причем, делал это так, чтобы не давать повода местным жителям для недовольства и возникновения конфликтов.

Таким образом, без ущемления интересов казахов были устроены земли Ак-Тюбе (будущий город Актобе) и города Кустанай, основателем которого был губернатор Константинович, ибо место и земли для него он выбирал лично, организовывал его строительство и руководил им. Губернатор приложил все усилия и для открытия пассажирского движения по железной дороге Самара–Оренбург. Одна из местных газет по этому поводу писала: «Отныне единение инородцев наших будет происходить не силою оружия, а с помощью просвещения, промышленности, торговли и неизбежного сближения».

Действительно, при А.П. Константиновиче в крае был открыт учительский институт, русско-казахское училище в Орске, а Оренбургское уездное училище преобразовано в более высокое по статусу городское трехклассное училище с шестигодичным курсом. Также была открыта метеостанция, Оренбургская городская почта, Александровская лечебница. Губернатор покровительствовал «Обществу взаимопомощи учащим и учившим в Оренбургской губернии», Оренбургскому отделу Императорского Русского географического общества, статистическому комитету губернии. Он содействовал становлению местной печати, в частности, изданию еженедельника «Оренбургский листок», организовал и занимался всероссийским сбором средств на постройку Оренбургского кафедрального собора и ремонт мусульманской соборной мечети. При Константиновиче в крае открыта первая паровая мельница и свечной завод.

Много сил устремлял губернатор на борьбу с опустошительными пожарами 1879 г., со смертельно опасными эпидемиями, с неурожаями и голодом. Он устанавливал точный и ясный, понятный всем порядок управления во вверенном ему крае, даже в четырех уездах, не имеющих дорог, в их волостях и кочевых аулах. А главное, губернатору при всех экономических трудностях удалось не допустить в крае вооруженных межэтнических столкновений. В процессе решения культурно-просветительских задач он старался привлекать к делам управления образованных казахов и татар. В Казахстане до сих пор помнят этот период истории и роль губернатора в прогрессе общества. Можно сказать, что до вступления в должность губернатора Бессарабии этот человек приобрел немалый опыт административного управления регионом со сложной этнической структурой.

В июле 1883 г. А.П. Константинович в связи с новым назначением переезжает в Кишинев. В это время по населению этот город был одним из крупнейших населенных пунктов империи. Тем не менее, на город он был похож мало: запущенность, грязь, пыль, зловоние, бытовое неустройство поражали воображение. Вот как описывает одесская газета «Новороссийский телеграф» неприглядное состояние города в заметке одного кишиневца: «У нас нет, например, тротуаров, и (умалчивая о мостовых) пешеходы зимою вязнут в грязи, а летом – в песке; наши улицы ничем не отличаются от деревенских, и их не ремонтируют. Освещение самое мизерное, и фонари тушат во втором часу ночи, контроля, как видно, нет». Другой современник писал, что в Кишиневе «улицы так узки, кривы, немощены и до такой степени перепутаны, что человек, малознакомый с местностью, не скоро выберется из этого лабиринта. Дома большей частью маленькие, одноэтажные, с небольшими окнами, забранными по восточному обычаю железными решетками, с каменными выходящими на улицу оградами... Одна из улиц так и называется «Грязною», так как вонючие лужи почти никогда не пересыхают на ней».

Открытая еще по городской реформе Александра II городская дума мало заботилась о благоустройстве города. Больше половины средств городского бюджета уходили на административные нужды, а содержание полиции обходилось городу в четыре раза дороже, чем общественное призрение, помощь немощным и старикам. Административные расходы «съедали» около половины городского бюджета, на благоустройство выделялось 10%, а на народное образование, здравоохранение и общественное призрение – 12% городского бюджета. Новый

губернатор приложил все свои усилия, чтобы в первую очередь дать Кишиневу облик современного города.

Прежде всего, Константинович сумел запустить строительство водопровода, без которого горожане просто не могли жить, ибо вода из нескольких источников («фонтанов») развозилась по городу бочками и стоила очень дорого, не говоря о том, что при полной антисанитарии она становилась причиной массовых эпидемий. Строительство водопровода в городе предложил еще в 1871 г. некий инженер фон Эльц, который предвкушал большую прибыль для себя от этого предприятия, но городская дума отказала ему. Контракт был заключен с предпринимателем Дурасовым в 1876 г., однако городская дума не давала требуемых от нее гарантий, и работы не начались. Потом состоялось еще несколько неудачных попыток соорудить в городе водопровод, пока, наконец, в 1881 г. Кишиневская дума не приняла решение строить водопровод за свой счет и поручила это инженеру Гарису.

В конце 1892 г. в городе был запущен водопровод мощностью в 200 тыс. ведер воды в сутки. При этом построены насосные станции, бассейн, две водонапорные башни (одна из них сохранилась до сих пор вблизи Кишиневского госуниверситета). Конечно, водопровод обслуживал лишь зажиточных горожан в верхней части города. Но и для городской бедноты нижней части в последующие годы на улицах были установлены водопроводные колонки.

При губернаторе Константиновиче в Кишиневе и некоторых других городах края началось мощение улиц булыжником. А в апреле 1888 г. было принято решение об открытии в городе линий общественного транспорта – городского трамвая на конной тяге. Частные предприниматели Романович, Свитальский и Рогозинский провели рельсы на главной улице города Александровской и на некоторых других улицах в центре, закупили 7 открытых и 7 закрытых вагонов. Уже через год в Кишиневе открылось движение общественного транспорта – конки, на удивление всем горожанам.

Затем вся трамвайная линия и подвижной состав были перекуплены созданным в Брюсселе «Бельгийским анонимным обществом кишиневских конно-железных дорог». В 1897 г. был утвержден новый проект, по которому центр был связан с кишиневским вокзалом, а протяженность трамвайных линий составила более 12 км. Впоследствии кишиневский трамвай был переведен на электрическую тягу.

Электрификация Кишинева и некоторых других бессарабских городов также началась при Константиновиче. Правда, в неспешные те времена от идеи построить электростанцию, которая давала бы свет

на 5 тыс. электрических лампочек, «распределенных в наиболее известных частных домах и городских и общественных заведениях», как предполагала дума, до реального освещения города прошло два десятилетия. Решение городской думы было принято в 1889 г., а сооружение станции немецкой фирмой «Всеобщая компания электричества» и освещение центральных улиц Кишинева появляется лишь в 1909 г.

Кварталы городской бедноты при этом по вечерам погружались в полный мрак. Летом здесь, в «нижнем» городе, царствовало невыносимое зловоние, заболоченность и тучи комаров, а в остальные времена года – захламленность, грязь, распутица и наводнения во время дождей. Выгребные ямы были устроены крайне примитивно, заражая городскую почву миазмами, а многие дома были вообще лишены дворов – все нечистоты выбрасывались и выливались прямо на улицы города.

И все же надо признать, что за полтора десятилетия руководства Бессарабией Константиновичем определенный прогресс был, несомненно, достигнут во многих областях жизни местного общества. В кишиневском предместье на пригородной монастырской вотчине Костюжены была построена психиатрическая больница, об открытии которой губернское земство ходатайствовало еще с 1880 г. Лишь спустя 5 лет комитет министров дал разрешение, а первые здания построены в начале 90-х гг. XIX в. Это было довольно видное по тем временам лечебное заведение более чем на 600 коек. В больнице работали 3 врача-психиатра и 15 фельдшеров. А всего в Кишиневе в 90-х гг. XIX в. общее количество врачей было всего 62 человека, кроме того – 42 фельдшера и акушерки, больше сотни фармацевтов.

Но численность медицинского персонала росла, чему способствовали открывшиеся в эти годы курсы медицинских сестер и повивальных бабок, фельдшерская школа. В Кишиневе в 1890 г. насчитывалось 8 больниц, лечебниц и приемных покоев, которые, понятно, могли обслуживать только зажиточную часть горожан.

При губернаторстве Константиновича в Бессарабии развернул свою просветительскую и научную деятельность замечательный человек и крайне интересная личность барон Александр Федорович Стюарт, потомок молдавского господаря Константина Мурузи, женатый на представительнице древнего молдавского боярского рода Е.Е. Катаржи. Будучи естествоиспытателем, Стюарт здесь работал вместе с известными учеными И.И. Мечниковым и А.О. Ковалевским. Барон Стюарт основал и возглавил Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей естествознания, стал основателем Кишиневского краеведческого

музея (он тогда назывался «Зоологический, сельскохозяйственный и кустарный музей Бессарабского земства»), открыл Бендерский городской музей, детскую больницу, заведовал детскими приютами и богадельнями. Оба названных музея существуют и поныне.

Возвращаясь к фигуре А.П. Константиновича, хотелось бы сослаться на мнение о нем его собственного племянника, упомянутого уже нами великого ученого XX в. академика В.И. Вернадского: «Александр Петрович – человек не глупый, был любимым братом моей матери в ее молодые годы. По ее рассказам, это был офицер, полный тех идей 60-х годов, которые захватывали и мою мать. Когда они увиделись в Петербурге – были уже духовно чужие. Мать считала, что это было влияние Софии Антоновны. В семье Константиновичей было резкое деление на любимых и нелюбимых. Любимые: Миша, старшая Ольга, любимица Александра Петровича, Костя и Наташа. Нелюбимые: Катя, Соня. Огромная семья – и все внимание ушло на приобретение средств для того, чтобы поставить семью на ноги. В общем, это были хорошие люди, стремившиеся дать возможность сделать сыновьям карьеру и дочерям хорошо выйти замуж. Семья в общем этого достигла, но затем революция разрушила всю долголетнюю пряжу жизни».

Упомянутая В.И. Вернадским Софья Антоновна – это супруга А.П. Константиновича, дочь капитана А. Ильяшенко, на которой он женился в 1857 г. во время своей службы в Киеве. Скорее всего, была она женщиной властной, с твердым характером, ибо как писал в своих воспоминаниях в 1935 г. Вернадский, это была «полная, громко говорящая брюнетка, перед которой дядя явно пасовал». Что же касается «Кости», то это сын губернатора Константин Александрович, который впоследствии стал крупным чиновником в империи, женился на внучатой племяннице А.С. Пушкина Вере Анатольевне Пушкиной и умер в 1924 г. под Москвой в имении Узкое.

Потомки губернатора (Константиновичи, Пушкины, Ильяшенко, Аснаши, Красницкие, Капцевичи) живут и сейчас в России, на Украине, в Белоруссии и в США. Сам А.П. Константинович после ухода с поста бессарабского губернатора дослужился до звания генерал-лейтенанта, жил в Петербурге и состоял членом Совета в Министерстве внутренних дел. Умер в 1903 г. и был похоронен в фамильном склепе в кишиневском предместье Рышкановка вместе с женой.

РУДОЛЬФ (ВИКЕНТИЙ) САМОЙЛОВИЧ ФОН РААБЕН (10 июля 1899 г. – 4 мая 1903 г.)

Рис. 41. Р.С. фон Раабен

В конце XIX и начале XX в. пост губернатора Бессарабии достается снова военному человеку – 56-летнему генерал-лейтенанту Р.С. фон Раабену. Впрочем, был он не столько военным, сколько, скорее, военным чиновником, штабным бюрократом, несмотря на то, что в жизни ему довелось участвовать и в боевых действиях – при подавлении польских беспорядков 1863–1864 гг., и в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Но, пожалуй, никто из длинного списка бессарабских губернаторов за целое столетие не вошел в историю так прочно и основательно, как этот довольно невыразительный и, казалось бы, почти незаметный персонаж извилистой и непростой истории

молдавского народа. Связано это было с драматическими событиями в истории нашего края начала прошлого века, с той ролью, которую играл в этих событиях губернатор, и той загадкой, которую он унес с собой в могилу, загадкой, не разгаданной до сих пор. Она вызывает споры и поныне. Но начнем по порядку.

Родился будущий губернатор в апреле 1843 г. в Черниговской губернии, в католической семье волынского дворянина Самуила фон Раабена и его жены, урожденной Агафьи Юшкевич. В конце XIX в. в возрасте далеко за пятьдесят лет он перешел из католичества в православие, Рудольф стал Викентием.

Свою карьеру в армии Рудольф Самойлович начинал в Петербурге. В юности учился в элитном учебном заведении, 2-м Петра Великого кадетском корпусе, по окончании которого поступил на военную службу. Затем Раабен заканчивает Константиновское артиллерийское училище и определяется поручиком в лейб-гвардии Гатчинский полк.

Направляется командованием в Польшу на подавление шляхетского восстания, направленного против России с целью восстановления Речи Посполитой.

Дальше карьерный рост Раабена шел по восходящей лестнице без особых проблем. В чине штабс-капитана он оканчивает Николаевскую академию Генерального штаба, служит адъютантом штаба в пехотной дивизии, затем офицером для поручений в штабе Восточно-Сибирского военного округа, на прочих должностях в штабной работе. В звании полковника дослужился до столоначальника при главном штабе российской армии.

Будучи посланным на русско-турецкую войну 1877–1878 гг., он продолжает заниматься штабной работой: сначала в качестве штаб-офицера генерального штаба при полевом интендантском управлении действующей армии, затем – начальником штаба 9-й пехотной дивизии. Есть сведения, что Раабен в ноябре 1877 г. отличился в бою у деревни Марени в Болгарии. В декабре 1877-го – в составе колонны генерал-майора Н.И. Святополк-Мирского, будучи начальником штаба, перешел Балканы в обход Шипки, участвовал в сражении при Шейново, пленении турецкой армии Вессель-паши и взятии г. Казанлыка. В январе 1878 г. в колонне генерала от инфантерии Ф.Ф. Радецкого совершил марш от Казанлыка до Адрианополя.

В мирное время после окончания военных действий состоял чиновником для особых поручений при наказном войсковом атамане Войска Донского. Возведен в звание генерал-майора в 1896 г. и назначен начальником штаба Войска Донского. А в 1898 г. уже в звании генерал-лейтенанта Раабен становится начальником 26-й пехотной дивизии.

Однако прослужившего на командной должности едва ли полгода генерал-лейтенанта неожиданно направляют начальствовать в Бессарабскую губернию, в которой он, скорее всего, и не бывал никогда. Вряд ли мы сможем сейчас точно определить мотивы, которыми руководствовались власти, назначая на высший начальственный гражданский пост губернии штабного служаку, не имевшего никакого опыта государственного или административного управления территориями со сложной исторической судьбой, с многоязыким многоэтничным населением, с бесчисленным количеством нерешенных проблем и обостряющихся задач. Но факт остается фактом: в июле 1899 г. Р.С. Раабен принимает губернию под свое начальство и приезжает в Кишинев.

Что же он здесь видит? Для краткости перечислим лишь основные события, которые происходили во «вверенной» ему губернии. В 1899 г.

состоялась первая в Кишиневе рабочая забастовка на чугуно-литейном заводе Сербова. В 1900 г. социал-демократические кружки Кишинева объединяются в социал-демократическую группу. В 1901 г. возобновляется нелегальный путь перевозки революционной литературы через Румынию в Кишинев и далее в Россию; происходят крестьянские волнения в с. Трифанешты Сорокского уезда; под носом у полиции и жандармов организована активная работа тайной типографии ленинской газеты «Искра» в Кишиневе; проходит забастовка рабочих городских хлебопекарен; создается революционная «Группа объединенного протеста», и ею возглавляется первая в истории края политическая демонстрация в центре города, под окнами губернаторского дома, а затем проходят многочисленные аресты профессиональных революционеров, работавших по заданию Ленина. В 1902 г. – еще одна шумная забастовка рабочих крупных паровых мельниц Кишинева; в городе идет консолидация революционных сил и создается Кишиневский комитет РСДРП. В январе 1903 г. проходит нелегальное собрание рабочих, посвященное годовщине создания социал-демократического комитета... Атмосфера гражданского противостояния и конфликта накалялась с каждым днем, с каждым часом.

Бессарабия вместе со всей Россией вступала в XX век – век революций, войн, глобальных общественных бурь и катаклизмов, век уникального взлета человеческого духа и невиданных в истории массовых трагедий и страданий ни в чем не повинных людей. Вряд ли все это видел, понимал или хотя бы предчувствовал губернатор. Как человек, привыкший к рутинной бумажной работе, он просто старался утвердить в крае надлежащий порядок, что ему и предписывали вышестоящие власти, управлявшие империей. Вместе с вице-губернатором Уструговым, убежденным антисемитом, и бароном Левендалем, начальником Кишиневского охранного отделения жандармского управления, личностью темной и скользкой, губернатор поддерживал местных монархистов, как бы перепоручая этим «народным» защитникам престола борьбу с противниками существующего строя.

Самым видным монархистом в крае тогда выступал журналист и писатель Паволакый Александрович Крушеван, молдаванин, патриот Российской империи и монархист, издававший ежедневную газету «Бессарабец», которая на субсидии властей широко распространялась в обществе, пользовалась популярностью и читалась во всех трактирах. Газета объявляла виновными во всех бедах православных людей «иностранцев», прежде всего, «жидов», которые хотят свергнуть царя православного и поставить надо всеми царя иудейского «по фамилии»

Президент. Основной лейтмотив «Бессарабца», как и черносотенного журнала «Знамя», и прокламаций, распространяемых Крушеваном, Прониним, Пуришкевичем и другими монархистами, был примитивен и прост. Он заключался в одном боевом призыве, который они сформулировали так: «Попытки заменить Богом поставленного самодержавного Царя на конституцию и парламент вдохновлены этими кровопийцами – евреями, армянами и поляками. Опасайтесь евреев! Все зло, все несчастья, выпавшие на долю нашей страны, исходят от евреев. Долой предателей! Долой конституцию!»

Рис. 42. П.А. Крушеван

И, надо сказать, этим бредовым вымыслом многие темные люди верили. Черносотенная агитация противников революционных преобразований общества под покровительством местных чиновников и привела к страшной трагедии, вошедшей в историю как Кишиневский еврейский погром. Имя фон Раабена навсегда оказалось связанным с этим событием.

Особо накалил обстановку в крае случай, произошедший в Дубоссарах в начале февраля 1903 г. В городке пропал четырнадцатилетний подросток Михаил Рыбальченко. Вскоре в колодце было найдено его тело, исколотое ножом. Крушевановский «Бессарабец» без зазрения совести стал муссировать версию о ритуальной подоплеке этого убийства и

распускать леденящие кровь слухи. Якобы евреи согласно своей вере должны убить невинного ребенка, чтобы на его крови замесить мацу. Описывали в газете и жуткие придуманные подробности: что труп, якобы, был найден с зашитыми глазами, ушами и ртом, с надрезами на венах и веревками на руках; что, якобы, один из убийц-евреев уже пойман и дает показания о деталях своего преступления. Эти статьи вызвали волнения не только в Дубоссарах, на левом берегу Днестра, но и по всей Бессарабии, особенно в Кишиневе, жители которого стали опасаться, что вскоре подобные преступления против их детей начнутся и в столице края.

Вскоре, однако, следователь полиции установил, что мальчика убил его родственник на бытовой почве, из-за наследства, и никакого отношения ни евреи, ни их религиозные ритуалы к этому преступлению не имеют. По требованию следователя «Бессарабец» был вынужден написать официальное опровержение опубликованных ранее на его страницах вымыслов. Но взбудораженное общественное мнение уже успокоиться не могло: считалось, что евреи своим давлением заставили газету скрывать «правду». Одновременно поползли слухи, будто царь лично издал тайный указ о разрешении бить евреев в течение трех дней предстоящих пасхальных праздников. В городе появились листовки, повторявшие антисемитские вымыслы «Бессарабца», с призывами подняться на борьбу с евреями, чтобы защитить царя и улучшить свою жизнь.

Напряжение росло с каждым часом. Дошло до того, что в предпасхальные дни на приглашение зайти в магазин и лавки, купить что-то из товаров продавцы слышали в ответ: «Охота нам брать вашу дрянь и платить деньги, когда на Пасху мы сможем брать даром лучшие вещи». Напуганная еврейская община в предчувствии страшного преступления направила депутацию к губернатору во главе с раввином Этингером и к кишиневскому митрополиту Иакову во главе с доктором Слуцким. Их выслушали доброжелательно, и фон Раабен заверил, что никаких беспорядков не будет. Он даже приказал несколько усилить патрули во время Пасхи.

Один из исследователей кишиневских событий И. Тельман сообщает об этом эпизоде: «Так вот, бессарабский губернатор генерал-лейтенант Рудольф Самойлович фон-Раабен, едва получив информацию о только еще намечавшихся погромах, принял самое естественное для всякого губернатора решение, а именно – не допустить таковых. Однако, после визита к нему барона Левендаля, который, не стесняясь, собирал деньги с богатых евреев за антипогромную «крышу» (Левендаль заведовал Охранкой в Кишиневе, причем до Левендаля отделения Охранки в Кишиневе вообще не было), фон-Раабен мигом изменил свое решение и занял наблюдательную позицию. У кишиневского головы, Карла Шмидта, евреи нашли и сочувствие, и поддержку, однако и у Шмидта руки были связаны тем же Левендалем».

К тому же митрополит, проявив полное незнание принципов еврейской религии с их категорическим запретом употребления крови в пищу, дал уклончивый ответ и отказался выступить против навета и обвинений евреев в кровавых ритуалах. Взрывоопасная атмосфера

все больше накалялась и могла в любой момент разразиться массовым погромом мирных обывателей. Власти этого не видели или не хотели видеть. Хитрый и дальновидный ротмистр Л.Н. Левендаль (наиболее вероятный сценарист и организатор Кишиневского погрома) 4 апреля, подстраховывая себя, направил в городскую полицию рапорт о возможности беспорядков.

Погром разразился в праздничное пасхальное воскресенье, 6 апреля 1903 г., когда из собравшейся на городской площади толпы полетели камни в близлежащие еврейские дома, а потом толпа бросилась разорять и грабить еврейские лавки, магазины и частные строения. Все шло как бы по заранее намеченному плану. Губернатора Раабена и прочих должностных лиц нигде не было видно, полиция бездействовала и даже не пыталась остановить разъяренную толпу. Полицейские и солдатские патрули ходили по городу, но, не имея свыше никаких приказов, не вмешивались в происходящее. Это убедило погромщиков, что слухи об официальном разрешении «бить жидов» подтверждаются, и безнаказанность им гарантируется властью.

Как потом на следствии говорили очевидцы, «было время от двух часов до трех с половиной, когда одна рота в руках дельного человека могла локализовать, остановить и потушить огромный пожар». Но этого «дельного человека» на месте почему-то не оказалось. Раабен весело проводил время в приятной компании за выпивкой и картами. Глава местной полиции Ханжонков разъезжал по верхней части города, где жили богатые кишиневские евреи, наносил им дружеские визиты, успокаивал. Погромщики убеждались, что не пресекаются – а значит, разрешаются – любые преступления.

На следующий день из городских предместий как на работу стали стекаться все новые и новые силы, которые разделялись по группам в несколько десятков человек и направлялись на погромы в еврейские районы Кишинева. Весь этот кошмар сопровождался насилиями, убийствами, поджогами. Русский писатель В.Г. Короленко, посетивший эти скорбные места в Кишиневе через несколько дней после свершившихся событий, пишет в своей очерке «Дом номер 13»: «Я имел печальную возможность видеть и говорить с одним из потерпевших... Это некто Меер Зельман Вайсман. До погрома он был слеп на один глаз. Во время погрома кто-то из «христиан» счел нужным выбить ему и другой глаз. На мой вопрос, знает ли он, кто это сделал, – он ответил совершенно бесстрастно, что точно этого не знает, но «один мальчик», сын соседа, хвастался, что это сделал именно он, посредством гири, привязанной на веревку».

Описывать подробности этого кошмара и ужаса не входит в нашу задачу. Можно лишь отметить, что в эти кровавые дни в Кишиневе погибло более полусотни человек и около 500 были ранены, разрушено около 700 жилых домов и 600 магазинов и лавок. Но есть один показательный момент, о котором нельзя не сказать.

Еврейская молодежь под руководством городского жителя Я. Бернштейн-Когана стихийно собралась, вооружившись палками, чтобы защитить свои семьи. Но полиция уже к вечеру 6 апреля окружила места их сбора и арестовала бойцов самообороны. Об этом же сообщал потом и кишиневский прокурор А. Полан: «Действительно, на второй день Пасхи евреи, вооружившись чем попало, начали собираться в разных местах, но собирались они не для нападения на христиан, а для самообороны». Однако власти здесь проявляли твердость и не позволяли горожанам защищать себя.

Начальник кишиневской пожарной дружины М.К. Чекерул-Куш в своих показаниях на следствии потом вспоминал: «Кругом царили хаос, свист, крик, лязг разбиваемых окон, бегущие люди с награбленным имуществом, плач спасающихся евреев, растерявшаяся полиция и спокойно стоящие войска. Все это со стороны произвело на меня странное и дикое впечатление. Мне казалось, что полиция и войска вызваны не для водворения порядка, а, напротив, поставлены для того, чтобы охранять бушующую толпу от нападения со стороны евреев, для того, чтобы дать ей возможность как можно правильнее и основательнее произвести погром». Никто и пальцем не пошевелил, чтобы защитить несчастное население города, хотя, как оказалось, достаточно было всего лишь одного распоряжения.

В два часа дня 7 мая 1903 г., в самый разгар еврейского погрома, кишиневский губернатор, наконец, шлет шифрованную телеграмму в Петербург министру внутренних дел В.К. фон Плеве: «Вчера около 5 часов пополудни в Кишиневе большое число малых групп русских рабочих, вооруженных короткими ломami, предводительствуемые интеллигентами, очевидно, по предварительному уговору, одновременно во многих местах стали производить антиеврейские беспорядки. Зачинщиками пускались вперед подростки; погром начался разрушением всех лавок и квартир в Новом базаре и сопровождался в большинстве случаев грабежами. Далее беспорядок перешел на центральную часть города, где камнями выбиты все окна, включительно до третьих этажей; только случайно, между прочим, разбиты окна в доме губернского предводителя дворянства. Есть много случаев поранения

камнями и дубинами евреев и чинов полиции, 2 еврея ранены тяжело. Вызванным усиленным нарядом войск беспорядки вчера прекращены во втором часу ночи без употребления, однако, в дело оружия; все войсковые части всю ночь стояли наготове. Сегодня беспорядки возобновились в 9 часов утра и продолжаются в других частях города, сопровождаясь теми же явлениями и принимая все более острый характер. Получил сведения, что в 2 часа дня ожидается политическая демонстрация в широких размерах. Приняты все меры к немедленно подавлению. Не останавлиюсь в случае необходимости перед употреблением в дело оружия. Вполне наглядно обнаружился громадный недостаток численного состава полиции, сказавшийся более чем когда-либо; чины ее, бодрствуя всю ночь, выбились окончательно из сил вчера; задержано и заключено в тюрьму более 60 участников погрома. Аресты продолжаются».

После этого буквально через полтора часа погром совершенно неожиданно закончился. В 15 час. 30 мин. пополудни 7 апреля 1903 г. губернатор Р.С. фон Раабен отдал начальнику городского гарнизона генералу Бекману приказ восстановить порядок, причем с правом применить оружие. Солдатам раздали боевые патроны. Этого приказа с такой надеждой ждали евреи до погрома и во время бесчинств, но так и не дождались. В течение часа во всем городе восстановилось спокойствие. Погромщики рассеялись, для чего не понадобилось ни одного выстрела, не пролилось и капли их крови.

Кошмарный погром в Кишиневе имел невероятно сильный международный резонанс. Американский банкир Д. Шифф потребовал от президента США Т. Рузвельта принятия немедленных экономических санкций против России, а после соответствующего решения Конгресса американцы стали размещать в Токио государственные займы, на которые Япония смогла вооружаться для развязывания скорой русско-японской войны. Итальянский король Виктор Эммануил отменил свою встречу с российским императором. Великий певец Федор Шаляпин направил часть своих финансов в помощь пострадавшим от погрома кишиневцам. Писатели Лев Толстой, Владимир Короленко, Максим Горький, Шолом Алейхем, Хаим-Нахман Бялик, профессора Московского университета В.И. Вернадский и С.В. Трубецкой, православный чудотворец, причисленный к лику святых, Иоанн Кронштадский, многие другие выдающиеся современники возвысили свой голос в знак протеста против кишиневской резни. И эта волна негодования в мире немедленно сказалась на судьбе Раабена, – не прошло и месяца, как он был снят с должности за проявленную растерянность и бездействие.

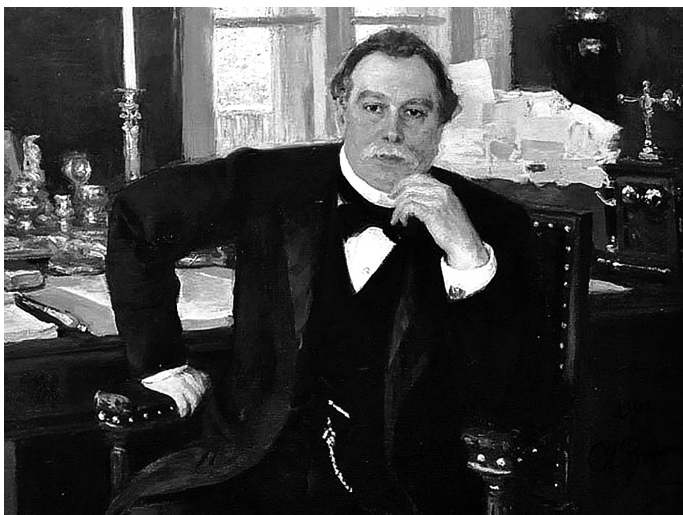

Рис. 43. В.К. Плеве (картина И.Е. Репина)

Всесильный министр и шеф жандармов В.К. фон Плеве в одном из служебных документов сообщал: «Письмом от 19 минувшего ноября 1903 года Ваше Превосходительство просили уведомить Вас о причинах, послуживших поводом к увольнению генерал-лейтенанта фон-Раабена от должности бессарабского генерал-губернатора. Увольнение генерал-лейтенанта фон-Раабена от означенной должности последовало вследствие проявленных им во время происходивших в Кишиневе 6 и 7 апреля 1903 года еврейских беспорядков крайней нераспорядительности и бездействия власти...». В ходе следствия власти арестовали свыше 800 погромщиков, из которых были осуждены закрытым судом около 300 человек к тюрьмам и каторге, но часть оправдана.

Хотелось бы отдельно подчеркнуть, что, несмотря на кажущуюся массовость кишиневского злодеяния, объективные наблюдатели никогда не обвиняли в этом преступлении молдаван, русских или бессарабцев других национальностей в целом. Английский исследователь Норман Кон в своей книге «Благословение на геноцид» отмечает, что сразу после побоища в Кишинев прибыли американский и ирландский путешественники Дж. Сингер и М. Дэвитт. Они по горячим следам издали в 1903 г. в Лондоне книгу, в которой писали, что в Бессарабии «увидели плодородную и процветающую землю, где традиционно существовали хорошие отношения между основной частью населения и

довольно многочисленным еврейским меньшинством, по-настоящему добрые, ибо, когда в 1881–1883 годах по всему югу России прокатились погромы, бессарабские крестьяне отказались принять в них участие. “Если царю угодно убивать евреев, – говорили они, – то для этого у него есть армия. Но мы не станем избивать евреев”».

О сочувственном отношении порядочных людей к бедствию кишиневских евреев писала историк Ж. Кушнир: «Семья бывшего городского головы Шуманского укрывала евреев не только в доме, который вскоре переполнился, но в саду и во флигеле, успокаивая и подкармливая плачущих детей. Протоиерей Лашков и его сын, известный публицист, тоже укрывали евреев. Спасал в своей консистории гонимых и армянский архиерей. Было и множество откровенно героических поступков. Приезжий купец Назаров заступился за старика-еврея, которого терзала толпа. Назарова тоже едва не убили. Инженер Куш, шеф добровольной пожарной дружины, отстоял несколько кварталов, а другой район спасла от разбоя музыкантская команда под руководством Чернецкого».

Рис. 44. С.И. Чернецкий
после революции

Между прочим, военным капельмейстером оркестра 24-го Драгунского Лубенского полка в Кишиневе был И.И. Чернецкий, а защитой еврейского населения руководил его племянник Соломон Исаевич Чернецкий, тоже капельмейстер и композитор. Впоследствии он станет знаменит как организатор и руководитель первых советских военных оркестров, автор свыше сотни военных маршей, кавалер ордена Ленина, лауреат Сталинской премии, руководивший сводным военным оркестром на знаменитом Параде Победы 24 июня 1945 года. А тогда, в апреле 1903 г., во время защиты населения Кишинева от погромщиков С.И. Чернецкий был тяжело ранен и потерял глаз.

Совсем другое отношение к кишиневской трагедии демонстративно показывали официальные власти. Прибывшую в Петербург делегацию пострадавших кишиневских евреев, желавших рассказать о своих горестях царю, к Николаю II не пустили, сославшись на его «нездоровье». А министр Плеве, которого оппозиционная печать подозревала в политике тайного поощрения погромов, с этими людьми говорил строго: «Передайте молодежи, вашим сыновьям и дочерям, передайте вашей интеллигенции: пусть не думают, что Россия – старый и разлагающийся организм; она одолеет и справится с революционным движением. Не скрою от вас – революционное движение беспокоит нас; мы по временам, когда то здесь, то там устраиваются демонстрации, приходим даже в замешательство. Но мы справимся с этим. Знайте же, что если вы не удержите вашей молодежи от революционного движения, мы сделаем ваше положение настолько несносным, что вам придется уйти из России всем до последнего человека». Тем не менее, фон Раабен со своего поста был показательно снят.

Уволенный губернатор был причислен к Министерству внутренних дел без какой-то определенной должности. Считая это несправедливым, Р.С. фон Раабен обратился к царю. Во время аудиенции Николай II дважды сказал ему: «Будьте вполне спокойны. Я Вас сам устрою». В начале 1904 г. экс-губернатор Бессарабии действительно был переведен в Военное министерство, а затем стал членом Александровского комитета по раненым, повышен в звании «за заслуги» до генерала от инфантерии и зачислен в Генеральный штаб. К имеющимся у бывшего губернатора наградам и орденам (Св. Анны, Св. Владимира, Св. Станислава, Белого орла и др.) на мундир Раабена в 1909 г. был повешен орден Св. Александра Невского, а в 1913 г. добавлены бриллиантовые знаки к нему.

Единственный сын генерала, Леонид Рудольфович, погиб в 1904 г. на фронтах русско-японской войны. Сам же Р.С. Раабен, будучи сотрудником Генерального штаба, неожиданно и загадочно исчезает в 1917 г. Высказывалось предположение, что он каким-то непостижимым образом сумел скрыться, поскольку всерьез опасался народного суда. Но скорее всего, никуда он не спрятался, а погиб в революционном водовороте той эпохи, причем, возможно, в отместку за свои грехи, мнимые или действительные, на посту бессарабского губернатора.

Ведь злой рок еще долго преследовал действующих организаторов и вдохновителей кишиневской трагедии, многих причастных к ней лиц. Первым получил удар ножом в июне 1903 г. П. Крушеван, которому мстил кишиневский юноша Пинхус Дашевский. Правда, рана

оказалась не смертельной, и Крушеван благополучно выжил. Он умер в Кишиневе через несколько лет, презираемый, одинокий и отверженный общественным мнением Бессарабии.

Министр Плеве был убит в июне 1904 г. эсером Егором Сазоновым из боевой организации эсеров Евно Азефа. Он был убит именно за кишиневские зверства и невинную кровь. Николай II вместе со всей семьей был расстрелян в 1918 г. в Екатеринбурге. Убийство дяди царя, Сергея Александровича, Иваном Каляевым некоторые историки связывают не только с местью за расстрел мирной демонстрации 9 января 1905 г., но и с Кишиневским погромом.

Судьба ротмистра Лаврентия Левендаля также была незавидной. После кишиневских событий он был переведен в Киев, где вскоре тоже начались погромы. Затем он исчезает бесследно. Был обнаружен чекистами в Смоленске в 1918 г. и там же расстрелян (реабилитирован в 1993 г.). Его сын Борис, родившийся в Кишиневе в год погрома, был расстрелян в Бухаре в 1940 г. Другой сын, Георгий, художник и архитектор, профессор бухарестского Института изящных искусств, награжденный в 1947 г. королем Михаем орденом «За заслуги в культуре», умер в 1964 г. и похоронен в столице Румынии на кладбище Святой Пятницы.

Историки до сих пор не могут уверенно и твердо ответить на вопрос, явился ли Кишиневский погром неожиданной случайностью или он готовился долго и тщательно центральными властями государства и местной администрацией Бессарабии. Какую роль в этих событиях сыграл император Николай, тихо одобрявший шумные акции монархистов и сказавший чуть позднее черносотенцам: «Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас!», какую роль сыграл министр Плеве, какую – губернатор Раабен и вице-губернатор Устругов, какую – литератор Крушеван и его окружение, какую – жандармский ротмистр Левендаль и его петербургское начальство, мы точно не знаем. Высказаны различные точки зрения, но убедительных аргументов нет ни у кого.

Скорее всего, эта тайна уже не будет полностью раскрыта никогда. Важно другое. Александр Солженицын в своей книге «Двести лет вместе» написал, что Кишиневский погром «лег деготным пятном на всю российскую историю». И это так. Слишком много тайн скрыто за этим черным и кровавым пятном. Лишь одно мы можем сказать однозначно: Кишиневский погром стал одной из самых мрачных и трагических страниц истории Молдавии. Так или иначе, эта страница связана с именем губернатора Раабена.

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ УРУСОВ (30 мая 1903 г. – 31 октября 1904 г.)

Рис. 45. С.Д. Урусов

С Кишиневским погромом оказалось связано и имя следующего бессарабского губернатора, назначенного после отставки фон Раабена. Им стал князь С.Д. Урусов, тамбовский вице-губернатор, близкий к кругам левых земцев, знакомый и поклонник известного русского философа и историка, правоведа Б.Н. Чичерина, одного из основоположников российского конституционного права. Каким бы это абсурдным ни показалось, но свой высокий пост в Бессарабии либерал Урусов получил по рекомендации министра внутренних дел, консерватора и ретрограда В.К. фон Плеве, которого современники не без основа-

ний подозревали в том, что он был идейным вдохновителем, а, возможно, и организатором Кишиневского погрома.

Такая абсурдность в непростой судьбе Урусова, как мы увидим, были не случайностью, а скорее, закономерностью. В них отражался сам характер эпохи со всеми ее противоречиями и взлетами, несправедливостями, драмами и трагедиями. Поражает другое: при всех зигзагах изменчивой и капризной судьбы этот человек всегда оставался верным себе, своим принципам, идеалам и убеждениям, всегда был исключительно цельным, высоконравственным и глубоко порядочным человеком. А видимую абсурдность многих поворотов судьбы объяснить не так уж и сложно.

Во-первых, о назначении на пост бессарабского губернатора человека левых взглядов. Вероятно, министр Плеве пытался как-то смягчить неблагоприятный для России широкий международный резонанс от кишиневского злодеяния, поручая наведение порядка «средствами культурными, без репрессий, без военного положения, усиленной и чрезвычайной охраны» чиновнику, известному своими достаточно либеральными взглядами. Таким либералом, безусловным противни-

ком насилия и кровавых эксцессов, склонным к поиску компромиссов и спокойному умиротворению, стал князь Урусов, на которого и пал выбор правительства.

В скобках хотелось бы заметить следующее. Термин «либерал» мы употребляем вовсе не в современном его понимании, исходя из той практики, которая осуществляется нынешними либералами у нас на глазах, для них являются вполне нормальными явлениями такие действия, которые в прошлом были бы немыслимыми и для самых радикальных консерваторов, например, бомбежка мирного города Белграда в самом сердце Европы, уничтожение государственности Ирака, Ливии и других независимых государств, внесение хаоса, разжигание антиправительственных бунтов и уничтожение государственности суверенных народов, разрушение семьи и всех традиционных ценностей, которые на протяжении тысячелетий хранило человечество. В начале прошлого века под либерализмом понимали нечто совершенно иное. Столетие назад либералом называли человека, который превыше всего ставил суверенитет личности, проповедовал равенство всех перед законом, был сторонником свободомыслия, личного достоинства, неотчуждаемых прав человека, веротерпимости и т.д. Собственно, такой либерал в классическом смысле этого слова и стал во главе Бессарабии.

Во-вторых. Изгибы, изломы в судьбе этого неординарного человека, жившего в эпоху великих перемен, крушения старого мира и зарождения мира нового, не могут не шокировать своей крутизной и противоречивостью. Но они объясняются особенностями той «эпохи перемен», в которой, по известной китайской мудрости, упаси бог жить. В самодержавной России Урусов был банковским служащим, губернатором, землевладельцем, бесплатно лечившим бедных крестьян в больнице, которую открыл за свои деньги в своем поместье. И в те же времена он сидел в Таганской тюрьме, был лишен права на государственную службу и общественную политическую деятельность.

Он был депутатом I Государственной думы России, разогнанной царем, а в 1917 г. был избран жителями Бессарабии депутатом Учредительного собрания России, разогнанного большевиками. В царском правительстве он был заместителем министра внутренних дел и участвовал в переговорах премьер-министра С.Ю. Витте с умеренными либералами. Во Временном правительстве он был заместителем министра внутренних дел страны и разработал закон о милиции. А после Октябрьской революции, потеряв все свое имущество и капиталы, он не скрылся в эмиграции и не стал воевать с Советской властью, хоть жил впроголодь

и ловил косые взгляды окружающих из-за своего княжеского происхождения. Он служил в Красной армии в штабе Военно-морских сил Советской России и несколько раз арестовывался чекистами, находился буквально в шаге от расстрела. И он же занимал высокий пост управляющего делами особой комиссии при Высшем совете народного хозяйства.

Он был награжден царским орденом Св. Владимира 3-й степени, орденом Короны Румынии 1-й степени и орденом Трудового Красного Знамени СССР. Его сын Дмитрий, совхозный специалист по коневодству, был расстрелян сталинским режимом в 1937 г., а его внучка Елена Фадеева стала Народной артисткой СССР и лауреатом Государственной премии СССР за исполнение роли Марии Александровны Ульяновой (матери В.И. Ленина) в фильме «Сердце матери».

Его называли одновременно и «образцовым губернатором», и человеком, от которого «более тяжкого поражения старый режим еще не получал», «защитником угнетенных при царизме». Его называли и «образцом советского работника», и «контрреволюционером», членом подпольного антисоветского «Тактического центра». И как же такое было возможно? Посмотрим на его жизнь, его деятельность, его взгляды.

Рис.46. Родовая усадьба Урусовых в селе Спасское (снесена в 2011 году)

Родился С.Д. Урусов в марте 1862 г. в с. Спасское близ Ярославля в семье отставного полковника и известного в свое время шахматиста Д.С. Урусова, председателя Ярославской губернской земской управы, и его супруги В.С. Баташовой, дочери богатого предпринимателя. Родоначальником знатного боярского рода Урусовых считается ногайский князь Урус-мурза, поддерживавший с Москвой дружеские отношения и принявший присягу верности Ивану Грозному, а его внук Касим-мурза крестился в православную веру и стал называться Андреем Урусовым. При царе Алексее Михайловиче Урусовы были одним из известнейших боярских родов Руси. Дед будущего бессарабского губернатора, тайный советник и сенатор С.Н. Урусов, имел 18 детей, из которых 14 пережили детский возраст. Он построил в селении Спасское просторный дом, в котором родился Сергей Дмитриевич и который сохранился до XXI века (там находилась психиатрическая лечебница).

Окончив Ярославскую гимназию, а затем историко-филологический факультет Московского университета, где стал учеником и поклонником выдающегося российского историка В.О. Ключевского, С.Д. Урусов работает на общественном поприще в земстве Калужской губернии, становится председателем губернской земской управы, затем – почетным мировым судьей, банковским служащим. Он много путешествует по России и за рубежом, пока не поселяется с семьей в Москве, где увлекся типографским делом. Со своей женой Софьей Владимировной Лавровой Урусов обвенчался в 1885 г., когда получил университетский диплом. Супруга была внучатой племянницей знаменитого русского революционера-народника, историка и философа Петра Лаврова.

Рис. 47. Мемориальная доска в честь Урусова на Ярославском военном госпитале

В родительской усадьбе жены – в с. Расва в 14-ти верстах от Калуги – супруги Урусовы проводили большую часть времени. Князь настолько здесь увлекся сельским хозяйством, что оно стало, по его признанию, любимым делом и «основной специальностью». Он изучает бухгалтерию, агрономию, животноводство, юриспруденцию; строит в своем имении сыроварню и мельницу, заводит племенное молочное стадо, сажает фруктовые сады, возводит оранжерею. В образцовом многоотраслевом хозяйстве он получает рекордные и стабильные урожаи зерна, открывает больницу и школу для крестьянских детей, нанимает и оплачивает труд врачей и учителей для бесплатного врачевания и обучения крестьянской детворы. И крестьяне были благодарны своему «барину» за его человечность и хорошее отношение. Позднее, когда в конце 1916 – начале 1917 гг. крестьяне по всей России громили помещичьи усадьбы, а подчас и убивали их владельцев, имение Урусовых не было разгромлено, хотя и пострадало.

Спокойное течение провинциальной жизни в Калужской губернии прервала необходимость переезда в Москву в связи с поступлением сына в московскую гимназию. А в

1902 г. Урусов случайно встречается на вокзале в Петербурге, куда он приехал на свадьбу к сестре, Вячеслава Плеве. Министр узнал князя (до этого они встречались уже по делам земского устройства) и почти сразу же предложил ему пост тамбовского вице-губернатора, вспомнив хорошую характеристику, которую тому дал московский губернатор А.Г. Булыгин.

На посту высокого чиновника в Тамбове Урусов пытался противостоять своему непосредственному начальнику – маховому реакционеру губернатору В.Ф. фон-дер Лауницу. Как человек свободных либеральных взглядов сближается с левыми земцами – либеральными вольнодумцами В.И. Вернадским

Рис. 48. Супруги Урусовы

(будущим академиком), Ю.А. Новосильцевым, В.М. Петрово-Соловово. Большое влияние на вице-губернатора оказал тамбовский землевладелец, либеральный юрист и философ Б.Н. Чичерин (родной дядя будущего наркома иностранных дел Советской России Г.В. Чичерина). Здесь, в Тамбове, С.Д. Урусов окончательно укрепляется в своем либеральном мировоззрении, убеждаясь, насколько тщетны попытки российского правительства подавить всякую «крамолу», а по сути, — подавить стремление людей к свободе и независимым суждениям. Он понимает, что здравый смысл и самоуправление дают выход из накопившихся противоречий, путь к которому лежит через конструктивный диалог власти и общества.

Видимо, именно такой чиновник с таким мировоззрением понадобился Петербургу, чтобы поручить ему наведение порядка в Бессарабской губернии после дикого и варварского Кишиневского погрома, хотя, как признавался будущий губернатор, «о Бессарабии я знал в то время столько же, сколько о Новой Зеландии, если не меньше». Как это было принято, после назначения в Бессарабию на пост губернатора С.Д. Урусова принял в Петергофе император Николай II, а министр Плеве сказал ему перед отъездом в Кишинев: «Я вам не даю ни советов, ни указаний. Вы совершенно самостоятельны, но зато и ответственные... Поступайте, как знаете, лишь бы результаты получились хорошие. Одно скажу вам на прощание: пожалуйста, поменьше речей и поменьше сентиментального юдофильства». Впоследствии по этому поводу Урусов не без сарказма заметил: «Действительно он показал в этом случае свою проницательность: мне пришлось в Кишиневе говорить немало речей, и я уехал оттуда с прочной репутацией юдофила...».

Не прошло и двух месяцев, не смыли еще весенние дожди невинную кровь с кишиневских мостовых, как Урусов приезжает в губернскую столицу. Его настроения, его намерения он впоследствии выразил в следующей фразе: «При оценке взглядов и убеждений своих собеседников (Урусов говорит о чиновниках губернской администрации, общественных деятелях, простых жителях Бессарабии. — Н.Б.) я всегда исходил из предположения, что они добросовестны и что мнение их вызывается соображениями общей пользы и потому должно быть рассматриваемо с точки зрения его правильности или ошибочности без обязательного приложения к нему мерки “благонадежности”». Свою непредвзятость и объективность Урусов подчеркивал не раз, как и свою доброжелательность и терпимость.

Губернатор обеспечивает тщательное расследование совершенных недавно в Кишиневе массовых преступлений, аресты убийц и погром-

щиков, организацию суда над ними. Хотя он прекрасно понимает, что судят не вдохновителей и не организаторов преступлений, а их исполнителей, слепых в своей дремучей невежественности и варварстве орудий замыслов настоящих устроителей этого политического зверства. Однако проведение всеобъемлющего расследования не в силах губернатора Урусова, просто выходит за рамки его полномочий. Хотя он чувствовал и понимал истинные причины и масштабы трагедии.

Уже позже 8 июня 1906 г., будучи депутатом Государственной думы, Урусов выступил с резкой критикой внутренней политики царского правительства, когда, опираясь, видимо, на свой кишиневский опыт, бросил резкую фразу, тотчас ставшую знаменитой: «На судьбы страны оказывают влияние люди по воспитанию вахмистры, а по убеждению погромщики!». Эта фраза вызвала бурю рукоплесканий всего зала Таврического дворца, в котором шло заседание Думы.

Тогда же князь С.Д. Урусов обнародовал документы, собранные бывшим директором Департамента полиции А.А. Лопухиным (который был женат на сестре Урусова), о причастности полиции к организации погромов. Петербургская газета «Биржевые ведомости» по этому поводу отметила, что «более тяжкого поражения, чем речь Урусова, старый режим еще не получал». А в Лондоне одна из газет писала: «Речь князя Урусова фактически явилась историческим моментом, с начала до конца была саркастическим обвинением того, что известно под именем «треповского режима».

Будучи губернатором Бессарабии, С.Д. Урусов относился к местному населению с симпатией и сочувствием. Это хорошо просматривается в его книге «Записки губернатора. Кишинев 1903–1904 гг.», которая была издана в 1907 г. Затем она была переиздана в России, переведена на немецкий язык и вышла в Германии, переведена на английский язык и вышла в Великобритании. До сих пор эта книга читается с интересом и является важным источником по истории Молдавии начала XX века.

Вот, например, как Урусов описывает свои впечатления о бессарабских городах и местечках, в которых скученно проживали в нищете и бедности (губерния входила в черту оседлости, где евреям было запрещено проживать в селах и заниматься сельскохозяйственным предпринимательством и трудом) многочисленные семьи трудового населения: «Дома, даже второстепенных и захолустных улиц, заняты подряд лавками, лавчонками и мастерскими часовщиков, портных, столяров и т.п. Весь этот рабочий люд ютится по углам и закоулкам в тесноте и поражающей наблюдателя бедности, вырабатывая себе с

трудом дневное пропитание, при котором ржавая селедка с луком являлись верхом роскоши и благополучия. В маленьких городах, жители которых в большинстве не имели часов, можно насчитать десятки мастерских часового дела, и вообще трудно понять, на каких покупателей и заказчиков рассчитывают все эти ремесленники, нередко сами составляющие 70% всего населения города или местечка. Конкуренция сводит их заработок до предела, необходимого для поддержания жизни, притом в таких минимальных дозах, которые вполне противоречат учению о заработной плате».

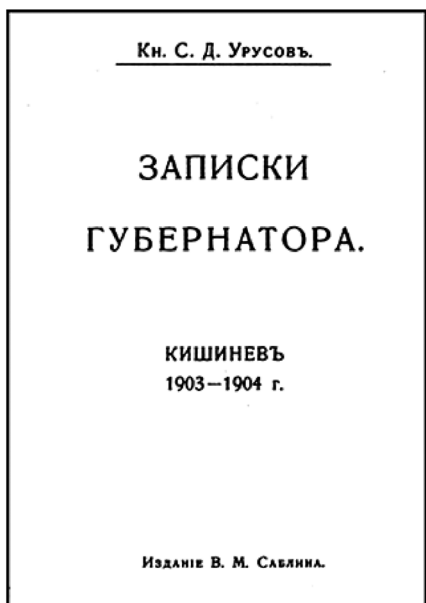

Рис. 49. Российское издание воспоминаний С.Д. Урусова ставшая бестселлером

Впрочем, мнение губернатора об управляемом им населении было подчас излишне легковесным, не лишенным поверхностности и неосновательности. С явным высокомерием он так отзывался о населении края: «Малоразвитое, необразованное, зажиточное и спокойное земледельческое население; легкомысленные, жизнерадостные, любящие пожить помещики; снисходительное к своим и чужим слабостям, склонное к внешнему блеску и тяготевшее к представителям власти общество; мало труда и характера, много добродушного хлебосольства и некоторая распущенность нравов, — такова в общих чертах Бессарабия...».

Взволнованной депутации кишиневских евреев, напросившихся на прием к губернатору, чтобы

выяснить его настроения и намерения, С.Д. Урусов заявил о том, что ожидает, «что евреи, будучи народом, богато одаренным и тесно сплоченным, и побеждая благодаря этим свойствам местное население в экономической борьбе, будут пользоваться плодами победы с осторожностью и тактом. Молдаванское коренное население, как и русское, добродушно и незлобиво; в нем нет большой подвижности, способности и стремления к накоплению богатств; будучи первыми непосредственными производителями ценностей, местные жители не умеют их сбе-

регать и обменивать, – в этом вы всегда их превзойдете, – так умейте же разумно пользоваться вашими преимуществами, относитесь хорошо к населению, среди которого вы живете, и я уверен, что столкновений между вами никогда не произойдет. В частности, я просил бы вас приложить старание к тому, чтобы последствия бывших в апреле месяце беспорядков перестали служить поводом к поддержанию в населении города взаимной вражды. Виновные в апрельских злодеяниях понесли или понесут должное наказание; потерпевшие в значительной степени получили помощь, и материальную, и нравственную, – пора вернуть всем спокойствие: беспорядки – явление временное и преходящее, а нормальная трудовая жизнь, – постоянна. Сделайте со своей стороны все возможное к тому, чтобы прошедшие тяжелые дни скорей предались забвению».

Вслед за тем губернатор поставил в известность воинское начальство, что нахождение в городе усиленного военного гарнизона не оправдано, войска были выведены из Кишинева в летние лагеря, и в городе воцарился порядок, еврейское население сняло траур по погибшим, и нормальная жизнь стала налаживаться. Как отмечал сам Урусов, в городе «началась усиленная починка домов, магазинов и помещений, пострадавших от погрома, рабочие встали вновь на прежнюю работу, торговля оживилась, и через несколько дней нельзя было встретить в городе человека, который относился бы серьезно к опасениям о повторении беспорядков. Все успокоилось, и Кишинев зажил прежней жизнью».

Губернатор пользовался у местного населения уважением и доверием. Доброжелательно, с легким юмором он описывает, как проходило его ежедневное общение с жителями края: «Прием просителей в Кишиневе – обряд, в Великороссии неизвестный. Приемная моя обыкновенно наполнялась раза три-четыре в день так, что мне приходилось выходить к просителям через каждый час. Они говорили чуть ли не на десяти разных языках, из которых мне были знакомы не более двух. Великороссы, малороссы, поляки, евреи, турки, греки, армяне, болгары, немцы-колонисты, швейцарцы из села Шабо, какие-то гагаузы, и, наконец, в огромном количестве молдаване – совершенно ошеломляли меня первое время. Молдаване стояли на коленях, держа на головах прошения, и потихоньку бормотали свои просьбы, глядя в землю; евреи и, особенно, еврейки жестикулировали и заседали так, что приходилось от них пятиться. Всякий, подававший прошение, желал объясниться еще и на словах. Я обыкновенно давал каждому высказаться и затем отпускал его, для чего специально выучил несколько молдавских слов».

Все глубже и глубже погружаясь в состояние дел в Бессарабской губернии и систему ее управления, Урусов поражался размерам коррупции и взяточничества в городской и уездной полиции, незаконным поборам помещиками-землевладельцами с крестьян, беспредельностью чиновничьего произвола. Он начинает борьбу со злоупотреблениями. Ему удалось избавиться от наиболее наглых чиновников-взяточников, которые не стеснялись и не боялись никого. Одновременно губернатор все больше ощущает масштабы творимых беззаконий и свое бессилие перед их массовыми размерами: «Скоро я должен был убедиться в том, что уничтожить незаконные поборы – задача для меня непосильная». Но при этом Урусов был очарован губернией, которой руководил и с жителями которой он знакомился все ближе, все теснее. «Бессарабию я очень люблю, – писал он, – и охотно вспоминаю о проведенном в ней времени».

Любовь к бессарабскому краю и его жителям принимала в деятельности его руководителя вполне осязаемые формы. При губернаторе С.Д. Урусове была открыта близ Кишинева Костюженская лечебница для душевнобольных, которая строилась на средства местного мецената и земского деятеля барона А.Ф. Стуарта. Губернатор сумел навести порядок в училище виноделия, в детских приютах, в сборе налогов. Он мечтал о проведении водопровода от Днестра до Кишинева, который бы вдоволь обеспечивал водой жителей города. Одним из самых позитивных моментов деятельности губернатора стала защита, или можно сказать точнее – спасение бессарабского виноделия.

Дело в том, что чиновники акцизного ведомства были крайне заинтересованы в распространении по всей стране водки, которая приносила казне большие доходы. Но местное население предпочитало ей виноградное вино. Урусов пишет об этом следующее: «Управление местными акцизными сборами, конечно, по обязанностям службы, стремилось увеличить в Бессарабии число мест продажи и потребления казенной водки и, таким образом, являлось конкурентом производителей виноградного вина. Заменяя, при помощи усиленного сбыта монополюшки, легкое и веселое возбуждение, доставляемое виноградным соком, тяжелыми и мрачными галлюцинациями, вызываемыми нашей водкой, акцизники усматривали неблагоприятные для себя условия в дешевизне вина, которое в качестве сельскохозяйственного продукта не только было свободно от акциза, но и продавалось владельцами садов без выборки торговых документов». Чиновники попытались принудить правительство поставить производителей вина в такое положение, которое просто могло на корню загубить местное вино-

Рис. 50. А.Ф. Стуйарт

градарство и виноделие. К этому мог привести запрет свободной торговли вином для производителей по всей губернии, чего и добивалось казенное ведомство.

Урусов понимал, что чиновники через Сенат готовят погибель местному виноделию, как за десятилетие до этого они загубили бессарабское табаководство. Он обращается к министру финансов со своими опасениями. Он предупреждает об опасности даже царя и в конце концов добивается своего. Как с удовлетворением отметил сам губернатор, «в результате последовала сначала отсрочка, а затем и отмена запрещения, грозившего окончательным торжеством водки над вином».

Вообще-то интересно отметить такую деталь: С.Д. Урусов в личном отношении был достаточно скромным и непритязательным человеком и вел здоровый образ жизни. Но он никогда не скрывал своего восхищения молдавскими винами. Вот что он писал по этому поводу: «Я всеми способами старался внести в бессарабскую пышность немного калужской простоты. Избегая, по возможности, обильных угощений и стараясь показать, что общество для меня интереснее еды, я налегал лишь на бессарабские вина, действительно превосходные, если их пить на месте, и категорически заявлял, что никаких иностранных вин я не пью, считая их ниже местных во всех отношениях. Самолюбие уроженцев виноградной полосы было польщено признанием высоких качеств их родного продукта, и мне удалось почти совсем вывести из употребления иностранные вина на тех обедах, где я был главным гостем. Когда в торжественных случаях подавалось шампанское, я все-таки наливал в свой бокал бессарабское вино и в этом случае не грешил притворством, так как шампанского не переносю».

Конечно, в период назревания общественного недовольства и обострения противоречий губернатору пришлось столкнуться с зарождавшимися в молдавских селах крестьянскими бунтами. Два раза он вы-

езжал с вооруженными солдатами на место крестьянских волнений в Бельцком и Оргеевском уездах, чтобы принудить толпы возмущенных крестьян выполнять решения суда. Однако ни разу сила не применялась, губернатор смело шел в самую гущу бунтовщиков и доходчиво пояснял им суть происходящего, умеючи находя компромиссный вариант, при котором закон не нарушался, но интересы крестьян были также защищены.

Об этих эпизодах Урусов вспоминал: «Описанные два случая исчерпывают историю бунтов и мятежей добродушных молдаван за время моего пребывания в Бессарабии. Молдаване, в особенности сельские жители, чрезвычайно милый, добросердечный и покорный народ. Но они любят вежливое обращение, охотно выслушивают комплименты и не чужды некоторого простодушного хвастовства. Так, например, когда во время японской войны пришлось собирать в Бессарабии ратников ополчения, молдаване очень охотно и гордо шли на службу, объясняя себе призыв тем, что Царь без них ничего на войне не может поделать и потому приказал прислать ему своих молодцов-молдаван».

Немаловажная деталь: в канцелярии губернатора работали переводчики. С.Д. Урусов не чурался посылать по каким-то острым вопросам письма крестьянам, причем на их родном молдавском языке. Крестьяне с гордостью и благоговением читали эти послания, весть о которых моментально распространялась по всем окружным селам. Урусов не раз отмечал преданность молдавских крестьян Российской державе, которая, конечно же, не могла не принимать формы наивного крестьянского монархизма: «Действительно, я не раз убеждался в том, что молдаване с большим благоговением относятся к Царской власти и любят указывать на свою преданность правительству».

Тем не менее, министр внутренних дел В.К. Плеве был недоволен деятельностью бессарабского губернатора, особенно после получения от него записки по еврейскому вопросу в России, в которой Урусов очень негативно отзывался о правительственной политике. Плеве очень холодно встретил его в Петербурге в начале 1904 г. на совещании, всячески показывая свое нерасположение к взглядам чиновника-либерала и его деятельности, которая не вписывалась в привычные рамки «хозяина губернии». Но через некоторое время В.К. Плеве, пытавшийся предотвратить нарастание революционного движения в стране закручиванием гаек, репрессиями против недовольных рабочих и «маленькой победоносной войной» с Японией, был убит эсером Е.С. Сазоновым.

Назначенный новым министром князь П.Д. Святополк-Мирский, объявивший о наступлении либеральной эпохи «доверия», настоял на переводе Урусова из Кишинева губернатором в Тверь, где зрел конфликт между местными властями и левыми земцами. С большим огорчением С.Д. Урусов встретил весть о необходимости покинуть полюбившийся ему край. Но как правительственный чиновник он был вынужден подчиниться; за несколько месяцев до начала Первой русской революции Урусов уезжает из Бессарабии. Для него начиналась совсем другая жизнь в гуще российских политических событий.

Тверским губернатором Урусову долго быть не пришлось – с ноября 1904 по май 1905 г., а затем он ушел в отставку, выступив против придания особых полномочий генералу Д.Ф. Трепову. Когда премьер-министром в России стал здравомыслящий политик С.Ю. Витте, Урусов был назначен заместителем министра внутренних дел. Но вскоре он снова подал в отставку, поскольку министр П.Н. Дурново отверг его проект о введении в стране местного самоуправления.

Рис. 51. Современное издание воспоминаний С.Д. Урусова

Будучи избранным депутатом I Государственной думы от Калужской губернии, Урусов включился в активную парламентскую работу, вступил в либеральную Партию демократических реформ и входил в аграрную комиссию Думы. Когда царизм разогнал Думу, С.Д. Урусов подписал протест – Выборгское воззвание. После чего угодил за решетку в Таганскую тюрьму и был лишен прав государственной и общественной службы.

По выходе из тюрьмы бывший губернатор и депутат возвращается к своему любимому делу – занятию сельским хозяйством в своем имении Росва Калужской губернии, сотрудничал с известными газетами и журналами, в частности, «Вестником Европы» и «Русскими ведомостями», много и часто путешествовал за

границей. Между делом он пишет книгу о своей деятельности в Бессарабии на посту губернатора, изданную в России и за границей. За это издание он получает четыре месяца тюрьмы.

Незадолго до начала Первой мировой войны, в 1912–1914 гг., Урусов увлекся общественной деятельностью и занимал должность председателя комитета скотоводства и семенного дела при Московском обществе сельского хозяйства. В этот период С.Д. Урусов вступает в масонскую ложу Великого востока Франции вместе с историком В.О. Ключевским, писателем В.Д. Немировичем-Данченко. Вскоре его избирают первым братом-наставником московской ложи «Освобождение» и одним из руководителей масонской ложи Великого Востока народов России. В годы мировой войны работал в Киеве председателем комитета Всероссийского союза городов на Юго-Западном фронте.

После февральского переворота и отречения царя от престола С.Д. Урусова вновь вызывают в Петроград и назначают заместителем министра внутренних дел Временного правительства. Жители Бессарабии избрали его осенью 1917 г. членом Всероссийского учредительного собрания по спискам Конституционно-демократической партии народной свободы, кадетов. Однако Октябрьская революция в 1917 г. передала всю власть в стране Советам рабочих и солдатских депутатов, а В.И. Ленин стал во главе правительства – Совета Народных Комиссаров. Учредительное собрание, депутатом которого Урусов был избран населением Бессарабии, стало буржуазным анахронизмом в стране победившей пролетарской революции.

Несколько раз С.Д. Урусов арестовывался новыми властями. Чекисты подвергали его многочисленным допросам, искренне полагая, что такой человек не может не быть злейшим врагом Советской власти. Но многие представители победившей партии знали Урусова как глубоко порядочного человека и выступали в его защиту. Письма к В.И. Ленину и Ф.Э. Дзержинскому в его защиту писал и управляющий делами Совета народных комиссаров В.Д. Бонч-Бруевич, и народный комиссар просвещения А.В. Луначарский, и другие влиятельные большевики. Несколько раз Урусова оправдывали и выпускали из ЧК, а потом даже призвали в Красную армию.

После окончания Гражданской войны, с 1921 по 1925 г., Урусов работает в ВСНХ, а затем становится инспектором Государственного банка. Работал и в других советских структурах и считался человеком «исключительной добросовестности, отдающим делу все свои знания и силы». Правда, несмотря на такие положительные характеристики и даже орден Трудового Красного Знамени, Московский губернский комитет социального страхования отказал Урусову в пенсии, поскольку

он «до революции был князем». После вмешательства Государственного банка пенсию все же бывший губернатор стал получать в полном размере.

В последние годы жизни, по свидетельству дочери, С.Д. Урусов страдал от астмы и сердечной недостаточности. Он скончался тихо, во сне, в своей московской квартире в сентябре 1937 г. и был похоронен на Даниловском кладбище. Внучка С.Д. Урусова, народная артистка СССР Е.А. Фадеева, передала архив своего деда в Государственный музей политической истории России.

Рис. 52. Мемориальная доска
в Калуге

Жизнь С.Д. Урусова – это образец бескорыстного служения своей стране человека самостоятельного, независимого, интеллектуально развитого, высоко-нравственного, морально чистого и кристально честного. Ему пришлось пережить множество лишений и страданий на своем долгом жизненном пути. Но он всегда оставался верен своим принципам внутренней свободы, независимости, здравого смысла и человечности. К сожалению, имя этого досточтимого человека на долгие десятилетия было предано забвению.

Но люди помнили его добрые дела. Дочь Урусова Софья Сергеевна в своих воспоминаниях об отце уже в 60-е годы XX в. писала,

что в начале 30-х гг. по делам службы ей надо было пройти на «закрытый» столичный завод, но из-за отсутствия документа ее не пропускали. Какой-то старик, сторож этого завода, узнав, что она дочь бывшего губернатора Бессарабии, немедленно пропустил ее без всякого документа со словами: «Если бы я мог, я не только на любой завод, я и в рай бы вам дал пропуск». Как вспоминала С.С. Урусова, «этот случай произошел при жизни папы, и он очень смеялся и, по-видимому, был чрезвычайно тронут».

Воистину, и хорошие дела, и плохие запечатлеваются в памяти людей. Бесследно не исчезает ничто.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАРУЗИН (31 октября 1904 г. – 11 октября 1908 г.)

Рис. 53. А.Н. Харузин

После отъезда из Кишинева С.Д. Урусова новым губернатором Бессарабии был назначен высокообразованный государственный чиновник, интеллигент и мыслитель А.Н. Харузин – 40-летний ученый, известный своими фундаментальными работами в области этнографии и антропологии. Конечно, нам сейчас трудно с достоверностью определить те мотивы, которыми руководствовалось петербургское правительство, останавливая свой выбор именно на этом человеке, в руки которого передавалась власть над губернией с двухмиллионным населением, с непростой политической ситуацией и этнической структурой. Но, возможно, именно пестрый многонациональный состав жителей края, потрясшие его трагические события, кото-

рые были еще у всех на устах, и определили этот выбор.

Ведь грамотный специалист, изучающий быт и национальные взаимоотношения различных этносов, скорее найдет общий знаменатель в сложном котле национальных противоречий и предрассудков, чем заезжий и не очень-то образованный чинуша. А новый губернатор к моменту своего назначения был достаточно авторитетным человеком, как в научном сообществе, так и в среде столичного политического бомонда.

Родился будущий губернатор в 1864 г. в Таллине в богатой купеческой семье. Но прославила семья Харузиных Россию не коммерческими предприятиями, а своим вкладом в изучение нравов, традиций, быта, обрядов различных народов страны, в становление и развитие русской этнографии как науки. Все четверо детей купца Харузина, три

брата и сестра, стали видными российскими учеными. Один из братьев, Николай Харузин – историк, археолог, правовед – считается одним из основателей этнографии в России. Он изучал обычное право и религиозные представления северных народов России, а также Крыма, Прибалтики и Кавказа, основал и участвовал в развитии многолетнего издания «Этнографическое обозрение». Другой брат, Михаил, также этнограф – исследовал жизнь и быт казацких общин на Дону, защитил на эту тему кандидатскую диссертацию в Московском университете. Сестра Вера изучала этнографию в вузах Франции, Австрии и Германии, стала профессором этнографии в Московском археологическом институте, а затем и в Московском университете. Ее учебник «Введение в этнографию. Описание и классификация народов Земного шара», изданная в 1941 г., на многие десятилетия стала настольной книгой, открывшей путь в этнографическую науку целым поколениям советских историков и этнографов.

Вместе с братьями и сестрой будущий бессарабский губернатор А.Н. Харузин посвятил свою жизнь исследованию истории и культуры народов России. Его глубокие научные познания были сконцентрированы в сфере изучения особенностей культуры и быта русского народа и других славянских народов Российской империи, а также многочисленных нерусских этносов и национальностей, проживавших в ее пределах. Со всей энергией и научной тщательностью он изучал и описывал историю религиозных верований, правовых представлений, жилища, быта, традиций различных народов России, развивая и углубляя зарождавшуюся тогда в стране этнографическую науку.

Свой путь ученого он начинал в российской Прибалтике. Поступив в 9-летнем возрасте в Ревельскую губернскую гимназию, А.Н. Харузин оканчивает ее в 1883 г., а еще через пять лет – физико-математический факультет Московского университета. В Императорском Юрьевском университете, одном из старейших вузов России (сейчас, после развала СССР, это Тартуский университет Эстонии), он получает ученую степень кандидата зоологии.

С середины 80-х гг. XIX в. по поручению Императорского общества любителей естествознания Харузин совершает постоянные научные поездки для описания различных народов и этносов в степные районы России, Крым, Закавказье и Кавказ, на острова Эгейского моря. А по заданию Императорского географического общества он едет с научными целями на Балканы, в Боснию и Герцеговину. А.Н. Харузин редактирует журнал «Дневник Антропологического Отдела». Он много и плодотворно работает над собранным материалом, публикует научные

этнографические труды, к тому же как зоолог-орнитолог он собирает и описывает коллекцию пернатых.

В 1891 г. А.Н. Харузин решает совмещать научную деятельность с государственной службой. Он принимает приглашение занять должность и становится чиновником особых поручений при губернаторе самой северной губернии Прибалтийского края – Эстляндии. Здесь Харузин редактирует издание «Временник Эстляндской губернии», работает секретарем крестьянской комиссии, секретарем губернского статистического комитета, секретарем губернского по крестьянским делам присутствия.

Ум и знания ученого, не всегда, к сожалению, ценимые на государственной службе, были замечены в верхах. В 1895 г. его приглашают работать ответственным чиновником в Государственную канцелярию, то есть в канцелярию Государственного совета Российской империи. Он снова едет на Балканы, собирает этнографические материалы в словенских землях. Затем, в 1902 г., он возвращается в Прибалтику и занимает пост управляющего канцелярией виленского генерал-губернатора (ныне это территория Литвы).

Вот с этой должности Харузин и был направлен с большим повышением в Бессарабию, получив необходимый для занятия такого поста придворный чин камергера. Это было достаточно высокое придворное звание, означавшее привилегированное право посещать личные покои государя. Хотя чин во многом и потерял фактически свое былое значение (а введен он был в России еще Петром Великим за особые заслуги перед государством), но продолжал обеспечивать символический почет своему носителю.

К этому времени А.Н. Харузин обладал уже высочайшей благодарностью и высочайшим благоволением от царя. Он был уже известным исследователем, из-под пера которого вышло множество научных работ исторического и этнографического характера («Степные очерки»; «Киргизы Букеевской орды»; «Татары южного берега Крыма»; «К антропологии населения Эстляндской губернии»; «Босния–Герцеговина»), а его двухтомный труд «Крестьянское землевладение в Эстляндской губернии» был удостоен золотой медали Академии наук России. В Бессарабию начальником губернии, таким образом, ехал не просто чиновник высокого класса, но и авторитетный ученый, углубленный в проблемы своей науки, правда, стоявший достаточно далеко от политических страстей и борений своего времени.

В какой-то степени, возможно, нашему краю даже повезло – судьба подарила ему толкового руководителя и ответственного чиновника

в драматические и полные трагизма годы первой русской революции (1905–1907), когда борьба крестьян за землю и волю, борьба рабочих за человеческие условия труда, борьба всего народа за политические свободы и демократическое переустройство государственной жизни достигла своего апогея, сопровождалась вооруженными стычками, конфликтами и катаклизмами. Как государственный служащий, А.Н. Харузин, конечно, защищал сложившуюся систему устройства и отношений между властью и обществом, народом.

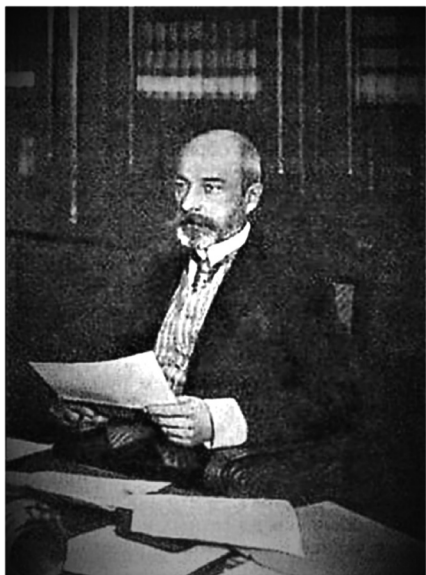

Рис. 54. А.Н. Харузин
в рабочем кабинете

Однако как ученый, как человек образованный, понимающий и культурный, он старался не допускать применения силы там, где его можно было избежать, предпочитая скорее идти на компромиссы и уступки, чем на устрашение и насилие. Во всяком случае, никаких массовых бесчинств и кровопролитных погромов, подобных Кишиневскому погрому 1903 г., в период его правления губернией не возникло. Хотя степень общественного возбуждения, радикализации настроений как в левом лагере, так и в правом, степень слабости власти и государственного хаоса в октябре 1905 г. были в десятки раз выше, чем в апреле 1903 г.

Самыми драматическими для губернатора и всего населения края стали осенние дни 1905 г., когда октябрьская всеобщая политическая стачка охватила всю империю, в том числе и Бессарабию. В Кишиневе 17 октября закрылись все магазины, фабрики и мастерские, учебные заведения, приостановила движение конка. А когда на следующий день было получено известие о царском манифесте, даровавшем России долгожданные «свободы», большинство горожан вышли на улицы праздновать победу с красными знаменами и лозунгами «Долой самодержавие!». На Немецкой площади (где ныне стадион «Динамо») состоялся десятитысячный митинг.

Однако мобилизовали свои силы и монархисты, все реакционные элементы. Уже 19 октября погромщики устроили контрреволюционную демонстрацию, и достаточно было одной провокации (полицейский выстрелил в толпу), чтобы начался погром. Однако на этот раз громилы встречали вооруженное сопротивление боевых молодежных бригад, которые создавали социал-демократы, эсеры, анархисты, силы еврейской самообороны. Они рассеяли черносотенцев на углу Александровской и Армянской, на Синадиновской и других улицах Кишинева. На помощь дружинникам Кишинева начали прибывать боевые молодежные отряды революционеров из Бендер, Калараша и других мест губернии. Напряжение росло не по дням, а по часам.

А.Н. Харузин в эти крайне напряженные дни не сидел в приятной компании с картами и шампанским, как его предшественник фон Раабен в апреле 1903 г. Губернатор 20 октября 1905 г. дает предупреждение всем жителям, которое было отпечатано и развешено на улицах:

«Ввиду последовавшего высочайшего манифеста мною были разрешены всякие сходки и митинги. Получив уверения со стороны представителей местного населения разных партий, что порядок не будет нарушен, наряды войск были мною уменьшены и сняты с улиц. Но 19 сего октября в шедшую с портретом государя императора толпу последовали, как мною лично было усмотрено, с крыш и балконов некоторых домов по Александровской улице выстрелы, повлекшие за собой несколько жертв.

Это вызвало нарушение порядка, сопровождавшееся разгромом частного имущества. Вытребованные воинские части быстро водворили порядок, но к вечеру он вновь был нарушен частью населения, позволившей себе массовые револьверные выстрелы, направленные преимущественно в войска». Заявив, что такое положение нетерпимо, Харузин предупредил, что «всякое нарушение порядка без различия вероисповедания и народности тех лиц, которые его учинят, будут подавляться военной силой, а выстрелы со стороны жителей встретят залпы войск. В отношении же домов, из которых будут производиться выстрелы, войска прибегнут к действию артиллерийского огня». Харузин приглашал всех «не только воздержаться от собрания на улицах и площадях, но и от хождения по улицам толпами».

Если объективно оценивать это обращение губернатора к жителям края, то становится очевидным, что оно не столько угрожает революционерам репрессиями (безусловно, и это есть!), сколько призывает

к соблюдению порядка и законности всех лиц «без различия вероисповеданий и народности». В условиях Бессарабии, где монархисты и громилы были сплочены и организованы лучше, чем левые силы, это имело большое значение. Погромщики получили ясный и прямой сигнал даже не пытаться повторить свой опыт Кишиневского погрома 1903 г. Ответ будет жестким!

Но в действительности паника среди местных властей была изрядной. Руководство Кишиневской думы направило в Петербург телеграмму 28 октября: «Политическое движение перешло границы благоразумия. Наступает анархия со всеми ее ужасами. Нужны немедленные решительные меры. Скоро будет поздно». Да и сам губернатор Харузин, по его же словам, «неоднократно просил командующего войсками Одесского военного округа не уменьшать гарнизона Кишинева и губернии... Только войска обеспечивают порядок».

Эпоха революции – это особое время в истории всякого народа. Стачки и забастовки железнодорожников, рабочих и служащих стали обычным явлением в городах и местечках края; крестьянские волнения и бунты постоянно вспыхивали то в Кишиневском уезде, то в Аккерманском, то в Оргеевском и Бельцком уездах, а в Бендерском уезде, в селе Комрат, крестьяне даже объявили о создании своей республики! Удерживать такую бунтующую и непослушную массу людей в рамках разума и закона было очень и очень сложно. Губерния находилась на положении усиленной охраны; бывало, вспыхивали и эксцессы, иногда даже с жертвами. И все же массовых трагедий и кровопролитий, какие случались в других регионах империи, во времена первой революции на территории Бессарабии зафиксировано не было. Вероятно, не без благоразумия и твердости ее губернатора А.Н. Харузина.

Однако были в деятельности губернатора Бессарабии в тот период такие моменты, на которые нам интересно обратить особое внимание. Начало XX в. – это особый период человеческой истории, когда развитые империалистические страны начали подготовку к переделу мира. Страны германского блока задолго до начала мировой войны начали прилагать усилия по ослаблению и развалу Российской империи. В подобных планах немалое значение отводилось подрывным действиям Румынии по разжиганию ее претензий на Бессарабию.

Спустя три десятилетия очевидец этих событий в журнале «Вяца Басарабией» вспоминал: «Именно тогда агенты Австро-Венгрии и Германии начали подстрекать членов всех «землячеств» в России, пропагандируя идею сепаратизма. В оборот вводилась идея, что все нацио-

нальности должны отделиться от России и образовать независимые государства. Целью этих государств (*т.е. Австро-Венгрии и Германии. – Н.Б.*) было ослабление России. Румынское королевство, в то время союзное Германии, также проводило эту нелегальную политику». Агенты румынских спецслужб с 1905 г. стали регулярно наведываться в Бессарабию, чтобы всячески пропагандировать среди молдаван идеи о принадлежности их к «румынскому роду», заявлять об отсталости молдавского языка по сравнению с румынским и необходимости его скорейшего перевода на латинское письмо, всячески пропагандировать мысли о грядущем объединении всех «бессарабских румын» в единой стране – Румынии.

Как выдающийся ученый, как специалист-этнограф А.Н. Харузин не мог не видеть антимолдавской направленности этих теорий и антигосударственных целей работы румынской агентуры в России. Одновременно он считал правильной политику по расширению культурного поля молдавского языка и усилению его влияния в крае. Губернатор не только не боится – он даже способствует зарождению молдавского национального движения. В 1905 г. с его одобрения в Кишиневе учреждается «Молдавское культурное общество», во главе которого становится губернский предводитель дворянства Павел Дическу. С позиций молдавизма выступила и поддержанная губернатором газета «Молдованул», редактируемая Георге Маданом, а бессарабское земство принимает решение о необходимости введения молдавского языка в начальной школе.

Очевидно, А.Н. Харузин дальновидно считал, что противостоять антигосударственной деятельности румынских агентов силами лишь контрразведки или жандармерии будет неэффективно. Следовало создавать широкий простор и перспективы для развития не румынского, а истинно молдавского самосознания и молдавской культуры – вводить школьное образование на молдавском языке, применять его в делопроизводстве, использовать в богослужении, удовлетворять духовные и культурные потребности молдаван. Это не противоречило государственным интересам России, а вполне соответствовало им.

Тем более что для разжигания прорумынских сепаратистских настроений после Манифеста 17 октября Бухарест посылает в Бессарабию депутата румынского парламента и писателя, уроженца Бессарабии Константина Стере, о котором следует поговорить отдельно. Особая миссия его состояла в том, что он должен был организовать в Киши-

неве выпуск румынской газеты и сделать ее центром пропаганды унионистских идей, центром концентрации всех унионистских сил в крае. На эти цели Стере получил немалую по тем временам сумму – 100 тыс. франков и основал в Кишиневе газету «Басарабия», печатавшуюся на доступной всем молдаванам кириллице.

А.Н. Харузин стал публиковать обращения к населению на молдавском языке. Отпечатанные в епархиальной типографии (общий тираж таких обращений превысил миллион экземпляров), они были доступны каждому молдаванину и разъясняли точку зрения властей на различные вопросы политической и экономической жизни. Однако подрывную антирусскую пропаганду румынских агентов губернатор не пресекал, предпочитая наблюдать за ней со стороны. Он приглашает местного историка и архивиста, кандидата богословия И.Н. Халиппу (брата известного прорумынского активиста Пана Халиппы) перейти на государственную службу в должности секретаря Бессарабского губернского статистического комитета. Правда, Иван Халиппа предпочел должность инспектора народных училищ Екатеринославской губернии и покинул Кишинев. Но по его свидетельству, сотрудники газеты «Басарабия» печатали молдавский фольклор, переводы классической литературы, пробуждая у молдаван интерес к молдавскому языку, «к нашей молдавской нации, к ее прошлому». Ни о каком унионизме местные молдаване и слышать не хотели. О необходимости присоединения Бессарабии к Румынии с сотрудниками редакции не смел заговаривать даже и сам бухарестский эmissар К.Г. Стере.

И тем не менее, газета «Басарабия» не пользовалась спросом в крае. Как признавался один из ее авторов, «мы потеряли ключ от сердца крестьянина». Газету приходилось распространять бесплатно. А обильно завозимую в край румынскую прессу, напечатанную латинским шрифтом, – газеты «Диминяца», «Епока», «Цара» и другие – никто не покупал, никто ими даже не интересовался. Все попытки приучить молдаван к латинице закончились тогда полным крахом. Чиновник румынского финансового ведомства С. Кужбэ, сын эмигранта из Бессарабии писателя Виктора Крэсеску, посланный из Ясс для усиления румынизации местных молдаван, в 1907 г. решил издавать на кириллице и латинице газету «Вяца Басарабией», но поскольку эту газету тоже никто не покупал, ее пришлось закрыть после выпуска нескольких номеров.

Интересно, что губернатор, имея все полномочия прикрыть на законном основании антимолдавскую деятельность румынских эмисса-

ров, не стал этого делать, видя неизбежную тщетность всех усилий по разжиганию антироссийских настроений и румынофильских стремлений в бессарабской среде. Поэтому он со знанием дела докладывает в Петербург в январе 1907 г.: «В широких массах молдавского населения нет и признаков ирредентизма (в данном случае – этнической мобилизации молдаван с целью объединения их с румынским этносом. – Н.Б.), масса молдавского населения чужда румынофильству».

Этот вывод ученого и руководителя Бессарабской губернии А.Н. Харузина полностью соответствует той оценке, которую впоследствии с горечью вынужден был дать один из действительных проводников румынизма в крае, профессор Клужского университета Онисифор Гибу, памятник которому установили в Кишиневе в наше время прорумынские силы. Естественно, не будучи знаком с текстами, которыми отчитывался перед царем бессарабский губернатор, Гибу, тем не менее, писал практически то же: «В действительности, революция 1905 года в Бессарабии не была национальной: она не расцвела из борений нации, не питалась ее идеями и нуждами и не основывалась на ее силах, она была лишь эхом издалека пришедших теорий, не имевших однако отклика в душе народа... Большим недостатком бессарабской революции был безусловно ее антирумынский характер».

Харузин покинул Кишинев в октябре 1908 г., когда получил новую должность в МВД – директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Вскоре ему был присвоен чин статского советника, который соответствовал генерал-майору в армии. В 1911 г. Харузин занимает пост товарища (заместителя) министра внутренних дел, повышается в чине до тайного советника, а затем и гофмейстера, приравненного к управляющему монаршим двором. Но полюбившуюся ему Бессарабию бывший губернатор не забывал и состоял почетным мировым судьей Аккерманского уезда.

Жители Бессарабии также не забывали своего бывшего руководителя. В 1908 г. центральная улица г. Бендеры Андреевская, была переименована в Харузинскую, а сам Алексей Николаевич стал почетным гражданином города. Он получил звание почетного гражданина Кишинева, Бельц, Килии и Рени. Много десятилетий и в Кишиневе существовала улица Харузинская. Харузин был кавалером ордена Св. Владимира 4 степени, орденом Св. Станислава 1 степени, болгарским орденом «За гражданские заслуги», бухарским орденом Золотой звезды с алмазами, а также медалями, высочайшими благоволениями и благодарностями.

Тем не менее, дальнейшие отношения А.Н. Харузина с высшей властью были далеко не безоблачными. За несколько лет до революции 1917 г. он покинул государственную службу из-за несогласия с политической тогдашнего министра Макарова. От политической жизни в России он отстранился полностью и увлекся исследованиями в области аграрного производства.

После революции Харузин не покинул страну. Он работал в Тульской губернии, на Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции, проводил исследования и написал несколько книг по огородничеству. В Москву он вернулся в 1924 г. вынужденно, поскольку заболела его жена, баронесса Н.В. фон дер Ховен. Здесь Харузин продолжил свои исследования по огородничеству в Сельскохозяйственном политехникуме, где он преподавал и писал учебные пособия для студентов.

ГПУ арестовало А.Н. Харузина только в 1927 г., когда чекисты стали «выгребать» всех «бывших» – купцов, офицеров царской армии, деятелей царской администрации, а также так называемую «околокадетскую» интеллигенцию – профессоров, инженеров, врачей. Однако никаких особых преступлений против государства и общества приписать Харузину так и не смогли; выпустили из тюрьмы, не предъявив обвинений.

Отпущенный на свободу, Харузин работал консультантом по огородничеству в Государственном сельскохозяйственном издательстве. Второй раз его арестовали вместе с сыном Всеволодом в феврале 1932 г. по стандартному обвинению в антисоветской агитации. Через месяц он был осужден постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ к высылке на три года. До высылки Харузин не дожил: через несколько недель он скончался во внутренней Бутырской тюрьме от сердечной недостаточности.

Но несчастья семьи Харузиных на этом не закончились. Всеволод Харузин был отправлен на три года на строительство Беломоро-Балтийского канала, откуда был досрочно освобожден «за ударную работу». Однако в 1935 г. его арестовали вновь и судили заново, причем на этот раз ему ставили в вину прошлое его отца, «зубра контрреволюции», «участника заговоров» и проч. По воспоминаниям родственницы Харузиных И.Е. Огневой, присутствовавшей на суде, одним из главных обвинений выдвигался тот «факт», что будучи губернатором Бессарабии, А.Н. Харузин устроил в Кишиневе кровопролитный еврейский погром. Всеволод мужественно защищал отца, заявляя, что эти обвинения подтасованы, что его отец был по призванию ученым и

занимался только наукой до самого последнего дня перед арестом, что он гордится им...

Мать Всеволода, баронесса и супруга А.Н. Харузина, представила в ОГПУ документы, подтверждающие, что ее муж во время своего губернаторства в Бессарабии «строжайшими мерами не допустил еврейского погрома». После этого приговоренного к смертной казни «закоренелого контрреволюционера» В.А. Харузина отправили в десятилетнее заключение «без права переписки». Там, в лагерях, он, вероятно, и умер в конце 30-х гг. А Н.В. Харузина как мать «врага народа» лишилась паспорта и была отправлена в ссылку в Малоярославец, где скончалась в 1943 г.

Трагичной была судьба и других сыновей А.Н. Харузина. Старший, Мстислав, поручик, участвовал в Белом движении, служил у А.И. Деникина в контрразведке, и, оказавшись в эмиграции, застрелил в Стамбуле генерала И.П. Романовского, одного из лидеров белогвардейцев. Вскоре погиб и сам. Другой сын, Олег, умер в молодом возрасте от туберкулеза и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ИВАН ВИКТОРОВИЧ КАНКРИН (11 октября 1908 г. – 7 мая 1912 г.)

Рис. 55. И.В. Канкрин

Новым губернатором Бессарабии после отставки Харузина был назначен 48-летний граф И.В. Канкрин, крупный землевладелец Екатеринославской губернии, представитель знаменитой в России дворянской династии. Губернатор родился в семье гвардейского полковника В.Е. Канкрин и его супруги Е.И. Симонич.

Но обессмертил фамилию дед губернатора, Егор Францевич Канкрин, немец из Гессена, приехавший в Россию в конце XVIII в. искать счастье. Он прославился своими финансовыми преобразованиями; ведь о «реформе Канкрин» до сих пор может нам рас-

сказать любой прилежный российский ученик. В эпоху войны с Наполеоном благодаря распорядительности, бережливости и хозяйственности генерала от инфантерии Е.Ф. Канкрин русская армия была досыта накормлена и не испытывала никакого недостатка в продовольствии и фураже ни в России, ни за границей. Затем, занимая пост министра финансов России с 1823 по 1844 гг., Е.Ф. Канкрин провел денежную реформу, по которой рубль впервые стал твердой валютой. Эта валюта обладала феноменальной устойчивостью и пользовалась полным доверием у населения страны и за рубежом.

Усилиями Е.Ф. Канкрин все ассигнации были обменены на государственные кредитные билеты, обменивавшиеся на золото и серебро. Реформа при этом проводилась плавно и осторожно, не нанося никакого ущерба населению. Решение крестьянского вопроса Канкрин видел в выкупе государством у помещиков принадлежащей им земли и крестьян с последующим созданием крупных коллективных хозяйств на основе крестьянской общины. Его последователями были многие теоретики народничества, многие политические деятели России, та-

кие как С.Ю. Витте и И.А. Вышнеградский, многие российские ученые, экономисты, финансисты, юристы.

Рис. 56. Е.Ф. Канкрин

В Запорожье его внуку И.В. Канкрину принадлежало более 10 тыс. десятин земли — имение в селе Веселянке Александровского уезда. Здесь он однажды даже принимал путешествующего по железным дорогам российского императора Александра II. Как человек достаточно обеспеченный и богатый, Канкрин не испытывал никаких затруднений и учился на юридическом факультете Киевского университета Святого Владимира. Но когда началась русско-турецкая война за освобождение Болгарии от османского ига, Иван Канкрин оставил учебу и ушел на войну добровольцем, поступив вольноо-

пределяющимся в 8-й уланский Вознесенский полк. Затем он сражался в составе лейб-гвардии Конного полка, дослужился до корнета и в этом звании по окончании войны 20-летний младший офицер ушел в отставку.

Канкрин возвращается в свое имение Веселянку и обустривает его. Он строит здесь винокуренный и ректификационный заводы, возводит на свои средства земскую больницу и школу. Эти постройки до сих пор стоят и служат людям. И.В. Канкрину было не чуждо и стремление к исследовательской деятельности. Он публикует результаты своих исследований в объемном, на несколько сот страниц, труде «Еврейские земледельческие колонии Александровского уезда Екатеринославской губернии» (Екатеринослав, 1893).

После войны, в мирной жизни, Канкрин встает на стезю общественной деятельности. Он избирается гласным Александровского уездного земства и становится предводителем дворянства этого уезда, избирается гласным и в Мариупольское земское собрание, в Екатеринославское губернское земство. Много сил он вкладывает в развитие народного просвещения. Канкрин основал и стал попечителем Александровского

механико-технического училища (ныне Запорожский национальный технический университет), председателем его попечительского совета. Он состоял и пожизненным почетным членом Александровского уездного попечительского совета детских приютов, а городская дума в знак признательности за богоугодную филантропическую деятельность избирает Канкрин почетным гражданином города Александровска (ныне Запорожье).

В 1898 г. И.В. Канкрин получает высокий придворный чин камергера, а затем и гражданский чин 4-го класса действительного статского советника, который соответствовал в армии званию генерал-майора или контр-адмирала на флоте. О его политических предпочтениях говорит тот факт, что он одним из первых стал членом элитной монархической организации в России «Русское собрание», которое действовало в стране с 1900 по 1917 г. Эта общественная организация имела ярко выраженный славянофильский дух и занимала консервативные монархические позиции.

«Русское собрание» объединяло представителей научной и творческой интеллигенции, духовенство, чиновников, землевладельцев столицы и провинций. Они, безусловно, чувствовали приближение в России революционных потрясений, страшились и не желали их; но каким образом предотвратить эту опасность, не знали, инстинктивно пытаясь объединить свои силы вокруг исконных начал русской государственности и сильной монархической власти. Членами «Русского собрания» были и многие монархисты из Бессарабии – П.А. Крушеван, В.М. Пуришкевич, губернатор А.Н. Харузин, братья Крупенские и многие другие влиятельные личности, чиновники, землевладельцы, журналисты, все, кто считал, что самодержец есть представитель, причем единственный, своего народа. Представитель этот не избран народом, а богом ему послан.

Вполне возможно, что назначению И.В. Канкрин на пост губернатора края поспособствовала именно его близость к кругам убежденных монархистов и опыт общественной работы в земстве. Впрочем, дед губернатора Е.Ф. Канкрин в свое время купил земли в Бессарабской губернии, а его сын Валериан Егорович Канкрин (дядя губернатора) также являлся крупным землевладельцем в крае, как и их родственница, бессарабская помещица О.А. Канкрин. И это обстоятельство тоже могло иметь значение.

Так или иначе, но за три с половиной года, которые губернатор провел в кресле управляющего краем, никаких особо заметных социальных и политических потрясений здесь не произошло. Один раз,

в 1911 г. рабочие сапожных мастерских Кишинева собрались на сходку в честь Первомая, а в ноябре этого же года крестьянские волнения были выявлены в селах Синешты и Богены Бельцкого уезда. Но все это не шло ни в какое сравнение с аграрными беспорядками, массовыми забастовками и демонстрациями рабочих с требованиями республики и свержения самодержавия, не говоря уж о беспорядках и погромах с насилием, грабежами, экспроприациями и убийствами, какие случались в других регионах империи.

В годы, которые принято называть «эпохой столыпинской реакции», возникающие конфликты решались в Бессарабии обычно на основе компромиссов, поскольку ни одна из сторон не желала обострения ситуации, понимая, к чему такое обострение может привести. Например, некий помещик по фамилии Бузня, которому принадлежала земля под поселком Унгены и окружающими селами, в погоне за прибылью довел местных жителей до отчаяния своими бесконечными поборами: за выезд на повозке в праздничный день – по 10 коп. за каждую лошадь, за хранение вина в погребах – 30 коп. с каждого ведра, на торговой площади установил шлагбаум, взимая с крестьян плату независимо от того, продали они что-то или день был неудачным для торговли. Возмущенные жители отказались подчиняться этому откровенному грабежу. Дело могло перерасти в серьезное противостояние с бунтом и применением силы. Но власть отреагировала быстро – по настоянию губернатора обнаглевший помещик вынужден был отменить все незаконные поборы.

А в селе Башкалия Бендерского уезда в марте 1910 г. две сотни крестьян собрались на свой сход и решительно отвергли предложение земского начальника избрать старостой рекомендованного им сельского кулака. Они заявили чиновнику: «Не желаем такого старосты, как Илья Тарлев, он разоритель нашего села, и если Тарлев будет допущен старостой, то мы оставим село». Все усилия земского начальника были напрасны, даже арест девяти крестьян «за неповиновение» по постановлению вице-губернатора. Тем не менее, крестьяне сумели добиться своего.

Экономические стачки рабочих также не достигали особой остроты. В июле 1910 г. в Кишиневе остановили работу все портные. Они потребовали 8-часового рабочего дня и увеличения заработной платы. Хозяева портняжных мастерских пошли на уступки, хоть и не во всем. Удовлетворением требований рабочих закончилась и стачка печатников типографии газеты «Друг» в сентябре того же года. Возможно,

усталость от революционных потрясений и апатия к радикальным лозунгам давала себя знать в обществе. Вероятно, и бюрократия научилась гасить конфликтные ситуации вовремя, не допуская их разжигания в губительный для всех пожар.

В этот период правления краем Канкрин намечаются некоторые новшества в развитии народного просвещения в крае. Бессарабское училище виноделия в 1911 г. было преобразовано в среднее училище виноградарства и виноделия с пятилетним сроком обучения. Перспективы развития садоводства требовали подготовки опытных агрономов и специалистов, что и побудило руководство к расширению этой сферы образования. В земстве был даже поднят вопрос об открытии в Кишиневе сельскохозяйственного института. Он стал бы первым высшим учебным заведением в крае.

Однако реакционные силы в самом земстве после долгой и острой дискуссии, горячих обсуждений и споров воспротивились этому начинанию, не дали ему хода. Они опасались, что студенчество, которое неминуемо возникнет в Бессарабии и будет учиться в этом институте, «плохо повлияет» на нравственное состояние обывателей края, поскольку будет носителем революционных идей и начнет насаждать здесь революционные настроения. Этого помещики боялись больше всего. Реакционные земцы даже в образовании усматривали скрытую революционную бациллу, а потому сокращали его финансирование, насколько могли. В 1905 г. на школьное строительство Бессарабское земство отпустило более 14% общей суммы бюджета земства, а в 1908–1910 гг. – всего 6%. И это при том, что неграмотных в крае насчитывалось более 80% населения, а среди молдаван количество неграмотных достигало 90% среди мужчин и 98% среди женщин.

Как губернатор И.В. Канкрин выполнял необходимую рутинную работу, избегая резких конфликтов и противоречий, но и не совершая чего-либо яркого, заметного, выдающегося. Вероятно, его спокойная, без надрывов и перегибов деятельность вполне устраивала и местное общество, и высшие власти в Петербурге. В 1911 г. он получает повышение – придворный чин шталмейстера. Его причисляют к Государственной канцелярии. После ухода с поста бессарабского губернатора он работал в канцелярии Государственного совета Российской империи во втором ее отделении – гражданских и духовных дел. А затем стал сенатором высшего органа власти, подчиненного государю Правительствующего сената.

И.В. Канкрин был награжден орденами Св. Станислава 1 и 2 степени, орденами Св.Владимира 3 и 4 степени, Орденом Св. Анны 2 степени, а также сербским орденом Св. Саввы, румынским орденом Звезды, командорским крестом и медалями. Был дважды женат. Первый раз – на своей двоюродной сестре М.А. Канкрине, от которой имел сына Владимира. После ее смерти в 1887 г. его супругой стала Вера Петровна Струкова, сестра русского политического и государственного деятеля А.П. Струкова.

Их сын, граф Кирилл Канкрин, участвовал добровольцем в русско-японской войне и погиб в бою в 1905 г. в Китае. Другой сын, Иван, казак станицы Мариинской, в Первую мировую войну воевал подбесаулом лейб-гвардии Казачьего полка. В годы гражданской войны находился в рядах Всевеликого войска Донского – составной части Вооруженных сил Юга России генерала А.И. Деникина. Затем эмигрировал в Югославию. Умер в США в 1961 г. на 70-м году жизни.

А вот о послереволюционной судьбе самого бывшего бессарабского губернатора И.В. Канкрин неизвестно ничего. В начале Первой мировой войны он публикует свою книгу «От Гамбурга до Петрограда в 13 дней: рассказ о перенесенных в Германии злоключениях» (Петроград, 1914). Но затем его следы полностью теряются. С 1917 г. никаких фактов или даже косвенных признаков какой-то деятельности или частной жизни этого человека до сих пор не обнаружено.

Может быть, именно это таинственное исчезновение и подталкивает некоторых современных «историков» выдвигать совершенно сногшибательные версии по поводу судьбы бывшего губернатора Бессарабии. Вот что мы можем прочесть в одном «исследовании» по истории Донского казачества: «Граф Александр Георгиевич Канкрин после установившейся прочной связи со сталинской партийной разведкой и лично генсеком счел необходимым сообщить о местонахождении архивов Имперской разведки. С этой целью он направил в Россию под именем *Ивана Саврасова* своего дальнего родственника графа *Ивана Канкрин*, который и указал местонахождение архивов Голованову и Пономареву. А также сообщил на словах, что граф не возражает, чтобы ими пользовались, но при этом просит передать Сталину, чтобы тот не допустил убийства барона Врангеля и его соратников со стороны ВЧК-ОГПУ».

Оказывается, «руководитель имперской разведки Его императорского величества» А.Г. Канкрин неоднократно посылал «Ивана Саврасова» переходить границу СССР и общаться со Сталиным, чтобы спа-

сти жизнь последнему русскому императору, который жил в Советском Союзе под именем Николая Александровича Березовикова. Однако советский руководитель, получив от И.В. Канкрин тайные архивы российской разведки, надежно укрытые в Нижнем Новгороде, поступил со свойственной ему жестокостью: «А Сталин, между тем, отдает приказ... об убийстве графа Александра Георгиевича Канкрин и его родственника графа Ивана Канкрин, действительного статского советника, камергера Двора Его Императорского Величества. Александра Георгиевича убивают в 1929 году на севере Африки, около городка Летуан в Марокко. Ивану Викторовичу удалось исчезнуть. Он умер 17 июля 1961 года в США».

Нам предлагают поверить, что И.В. Канкрин умер в возрасте 101 года. И что в достаточно почтенном возрасте он подобно Джеймсу Бонду с легкостью пересекал границы и вел переговоры с сильными мира сего. Конечно, всерьез рассматривать подобные фантастические измышления, которыми так богата наша эпоха, при изрядной фантазии можно. Но для познания действительной реальности минувших дней нет особой необходимости. Мы можем только отметить, что история полна загадок и тайн, в том числе и наша родная история.

МИХАИЛ ЭДУАРДОВИЧ ГИЛЬХЕН (7 мая 1912 г. – 22 сентября 1915 г.)

Рис. 57. М.Э. Гильхен

Следующим губернатором Бессарабии после графа Канкрина стал бывший курский губернатор М.Э. Гильхен – действительный статский советник, состоявший в высоком придворном звании камергера. Происхождением он был из потомственных дворян Лифляндии рода Гильхенов, основателем которого был Давид Гильхен, обер-секретарь города Риги, писатель, создававший свои произведения на латинском языке и возведенный в 1591 г. в дворянское достоинство в Королевстве Польском. Его потомки были внесены в дворянские родовые книги Гродненской и Подольской губерний России.

Родился Михаил Гильхен в 1868 г. в семье генерала от артиллерии Э.В. Гильхена, который, будучи немцем по происхожде-

нию, вместе с сыном был причислен к курскому дворянству. Учился молодой Гильхен на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и закончил его со степенью кандидата права в 1892 г. Он был принят на чиновничью должность помощника столоначальника департамента в Министерство внутренних дел. В последнее десятилетие XIX в. продвигался по служебной лестнице в своем департаменте и в 1901 г. был назначен чиновником особых поручений МВД.

В самый разгар первой русской революции, в декабре 1905 г. Гильхен был направлен в Курскую губернию вице-губернатором. Через год он был пожалован в камергеры Двора его величества и получил Орден Св. Анны 2-й степени; а еще через год он вступает в должность курского губернатора.

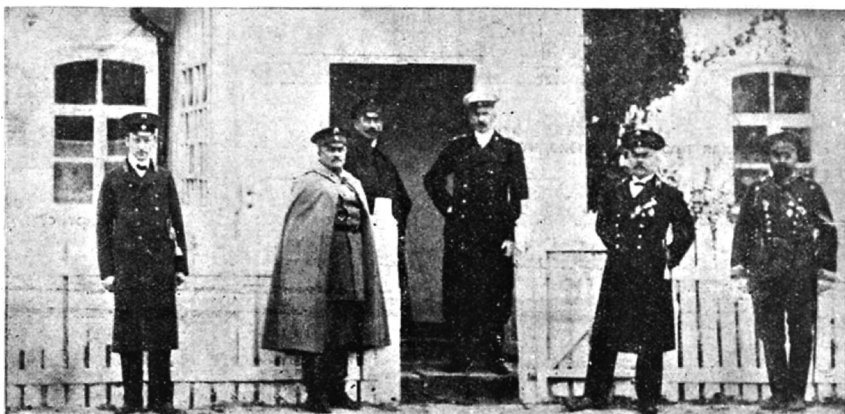
В эти годы, когда Гильхен руководил Курской губернией (1908–1912), революционная активность рабочих, крестьян, студентов и демо-

кратической интеллигенции шла на убыль. Но властям приходилось напрягать силы, чтобы не допустить нового революционного взрыва. В Курске в 1908 г. на содержание армии и полицейско-административного аппарата было направлено 330 тыс. рублей – две трети городских расходов, тогда как на народное образование направлено 52 тыс., на здравоохранение – 28 тыс., на благоустройство города – 17 тыс. рублей. По-видимому, высшие власти в Петербурге были удовлетворены его работой на посту курского губернатора, ибо за годы его губернаторства он получил от царя три высочайших благодарности, а по окончании срока – орден Св. Владимира 3-й степени.

В мае 1912 г. М.Э. Гильхен получает назначение в Бессарабию. Трудно сказать, что стало причиной перевода успешного курского губернатора в Кишинев. Ситуация, видимо, станет более понятной, если учесть, что директор департамента духовных дел и иностранных исповеданий МВД в 1911 г. становится товарищем министра внутренних дел. Это был не кто иной, как бывший бессарабский губернатор, хорошо знавший этот край, А.Н. Харузин. А М.Э. Гильхен приходился близким родственником его супруге, баронессе Наталье Васильевне фон-дер-Ховен. Очевидно, что несмотря на бурные революционные времена, Бессарабия с ее веселым, гостеприимным разноплеменным народом оставила у супругов Харузиных самые лучшие воспоминания, и они помогли определить в эту тихую гавань и своего родственника.

Гильхен вступает в должность 7 мая 1912 г., через неделю после первомайской стачки работников кишиневского трамвая. Ему, можно сказать, в этом повезло – за время его руководства губернией никаких особо громких забастовок пролетариев и никаких крестьянских волнений в Бессарабии не произошло. Газеты края оповестили население о приезде нового губернатора. А еще опубликовали объявление: «Начальник губернии камергер Высочайшего Двора М.Э. Гильхен принимает должностных лиц и просителей по вторникам, четвергам и субботам с 11 до 1 часа, за исключением праздников; в случаях же не терпящих отлагательства, во всякое свободное от иных служебных занятий время».

Губернатор тем самым давал понять, что он настроен на позитивную плодотворную работу. Он приступил поначалу к ревизии всех губернских учреждений и наведению порядка в их делах. Затем инспектирует уездные структуры местного управления. Выехав в северные районы Бессарабии в мае 1913 г., Гильхен начинает с Оргеевского уезда, где участвует в приемке, торжественном открытии и освящении земского шоссе на трассе Оргеев–Кишинев.

ХОТИНЬ —(Бессар. губ.) Посѣщеніе бессарабскимъ губернаторомъ М. Э. Гильхеномъ канцеляріи хотинской уѣздной землестроительной комиссіи.

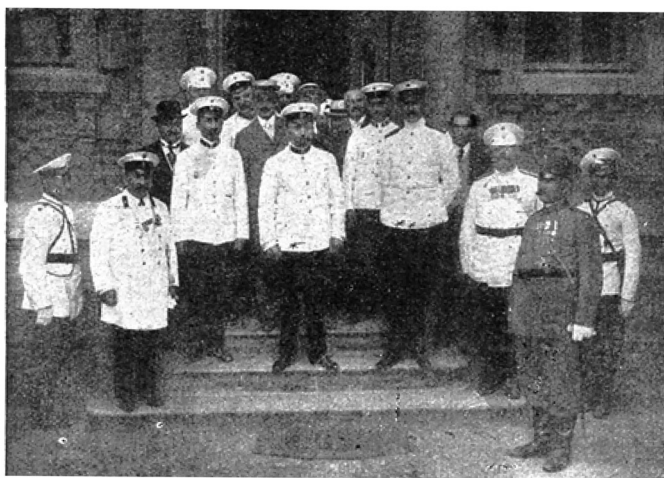
Рис. 58. М.Э. Гильхен в г. Хотине

При ревизии государственных учреждений на местах в Сорокском уезде губернатор пригласил специалистов на совещание по важному для региона вопросу — о необходимости и возможности устройства в городе Сороки гавани на Днестре. В совещании участвовал депутат Государственной думы Демченко, начальник округа путей сообщения инженер Тренюхин и начальник Днестровского отделения инженер Тима. Гильхен был настроен на активную работу по решению самых насущных задач развития транспортной сети, которое обеспечило бы и прогресс в торговле, сельскохозяйственном и промышленном производстве.

В этом плане М.Э. Гильхен стал открытым сторонником строительства так называемой «Среднебессарабской железной дороги», о необходимости которой неоднократно поднимали вопрос местные аграрии и промышленники. Однако его решение пробуксовывалось на различных уровнях «изучения» и «рассмотрения» в бюрократических структурах. А местные предприниматели и аграрии высказывали свою крайнюю заинтересованность в скорейшем построении такой железной дороги, которая бы проходила через всю губернию от ее севера до юга. Дело в том, что сеть железных дорог, возведенных в крае во второй половине XIX в., учитывала, главным образом, интересы империи, а не местного хозяйства.

И на севере губернии, и в центре направление дорог шло с востока на запад, обеспечивая стратегические интересы страны. А производи-

тели мечтали о железной дороге, которая прошла бы через всю губернию с севера на юг и упиралась бы в село Жебриены на Черном море, где можно было бы построить порт и через него, а не через дорожную Одессу, вывозить сельскохозяйственную продукцию на европейские рынки. Этот проект сулил местным деловым людям независимость от одесских капиталов, удешевление экспортных перевозок и увеличение собственных барышей. Вместе с управляющим министерства финансов России П.Л. Барком (вскоре он станет министром, последним министром финансов империи) и другими крупными чиновниками и банкирами М.Э. Гильхен в августе 1913 г. едет в Аккерман и Жебриены, на месте изучает возможности осуществления этого грандиозного финансово-экономического проекта. В селе Тараклия Бендерского уезда губернатор принял участие в открытии памятника Александру II.

АККЕРМАНЪ.—Товарищ министра торговли и промышленности д. с. с. Баркъ(*) и бессарабскій губернаторъ намергеръ М. Э. Гильхенъ(**), посѣтившіе, въ сопровожденіи другихъ лицъ, Аккерманъ и Жебриены.
(Фотографъ. П. Герасича).

Рис. 59. М.Э Гильхен в Аккермане

Однако «Среднебессарабская железная дорога», строительством которой мечтал заняться Гильхен, так никогда и не была построена. В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Человечество вступило в трагический период своей истории, а Российская империя – в последний акт своего существования. Проект был положен в долгий ящик, а вскоре и забыт.

Как и в любой другой воюющей стране, начало невиданной мировой бойни было встречено шовинистическим ликованием и подъемом, шапкозакидательскими лозунгами и шпиономанией. Не удивительно, что Гильхену, человеку глубоко русскому по своему сознанию и культуре, знатоку русских древностей, вспомнили его немецкое происхождение. В атмосфере косых взглядов, тонких намеков и «понимающих» улыбок, а то и прямо провокационных сплетен и слухов трудиться ему было трудно, просто неважно.

Супруга Николая II писала 1 сентября 1915 г. по этому поводу самодержцу в частном письме: «Закрывается ли Дума? — Каждый день появляются статьи, что невозможно распускать ее теперь, когда она так нужна, и т.д. — Надо было еще две недели тому назад закрыть ее. ...Но

они все продолжают преследовать немецкие имена. Щербатов обещал мне быть справедливым и не вредить им. Теперь же он подчиняется желаниям Думы, увольняет всех с немецкими именами, — бедного Гильхена в два приема выгнали из Бессарабии, — он приходил жаловаться к старухе Орловой. В самом деле, он — безумный трус. Все честные люди, притом истинно русские, изгоняются, — почему, дружок, ты дал на это свое согласие? — Скорее смени его. Мы наживаем себе столько врагов вместо верноподданных. Ошибки, сделанные им за один день, придется исправлять годами».

Через две недели после этого письма губернатор Гильхен лишился своего поста в Кишиневе. Еще через несколько месяцев С-Петербургское телеграфное агентство сообщило: «Покончил самоубийством бывший бессарабский губернатор камергер Гильхен». Однако информация не соответствовала действительности.

Бессарабский Губернаторъ
Камергеръ Двора Его Императорскаго Величества
М. Э. Гильхенъ.

Рис. 60. Губернатор Бессарабии
в парадном мундире

М.Э. Гильхен в 1916 г. жил в Петрограде и занимал скромную должность директора Шлиссельбургского отдела общества попечительства о тюрьмах. В 1917 г. переехал в Царское село. После Октябрьской революции отбыл в эмиграцию. Умер в Варшаве в конце 1930-х гг. в полной неизвестности.

Впрочем, память об этом человеке все же сохранилась. Гильхен был личностью образованной и культурной, знал и ценил историю своей Родины. И вот, что пишет одна из газет современного российского города Курск: «Вскоре после первой русской революции, в 1908 году, в Курске стал губернатором действительный статский советник камергер Михаил Эдуардович Гильхен. Ему однажды пришла светлая мысль воздвигнуть у городе Путивле, тогда уездном центре Курской губернии, памятник Ефросинии Ярославне и ее мужу – легендарным героям древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве». Свою задумку он укрепил и делом, заведя дома яркую глиняную копилку, в которую стал откладывать мелкие суммы денег, полученные в качестве сдачи. Когда в 1912 году Гильхен собрался переехать в Бессарабию, куда был переведен царем также в качестве губернатора, нераспечатанную копилку он передал Курской губернской ученой архивной комиссии, которая занималась вопросами краеведения. Вскрыв губернаторскую копилку, приобретенную по случаю Гильхеном на ярмарке, члены комиссии обнаружили денежную сумму в 126 рублей. Начало было положено».

Курская газета рассказывает, что идея Гильхена соорудить в Путивле памятник Ярославне, плачущей о своем плененном муже Игоре, как символ верности русской женщины, охватила всех. Средства собирались от городов, земств, пожертвований отдельных граждан. Но возвести этот памятник помешала война: «Глубоко патриотическая мысль восстановить в памятнике тоскующую по своему мужу русскую женщину Ярославну, ее плененного мужа, знаменитого Игоря Святославовича, навечно прославленных в поэтическом слове знаменитой поэмы, не осуществилась».

Город Путивль волею исторических судеб сейчас является частью Сумской области Украины. Но российский журналист в статье «Копилка для Буйтура» предлагает вернуться к идее Гильхена и возвести в Курске памятник одному из героев бессмертной древнерусской поэмы: «В самый бы раз организовать фонд имени Михаила Гильхена – для сбора средств на разработку и установку в Курске памятника курскому князю Буйтуру-Всеволоду. Для начала лично я, по примеру Михаила Эдуардовича, покупаю копилку и начинаю целенаправленно ее заполнять мелочью со сдачи»...

Воистину – люди смертны, а их идеи, мысли, дела живут!

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОНОВИЧ **(22 сентября 1915 г. – 13 марта 1917 г.)**

Последним в ряду правителей молдавского народа от Российской империи стоит имя М.М. Вороновича, которому суждено было закрыть этот длинный ряд бессарабских губернаторов, назначаемых Петербургом.

По своему происхождению Воронович принадлежал к привилегированному слою потомственных дворян, а по социальному состоянию он был богатым землевладельцем, который имел в Киевской губернии крупное родовое имение в тысячу десятин. Будущий губернатор родился в столице Российской империи в 1868 г. в семье украинских дворян. Он выбрал себе карьеру юриста, защитника земельной собственности. Видимо, это был вполне логичный выбор для отпрыска богатых землевладельцев на разном этапе революционного движения и борьбы народников «за землю и волю» – земельные латифундии тоже нуждались в своих защитниках.

В 1890 г. Воронович закончил одно из самых престижных высших учебных заведений Российской империи – Императорское училище правоведения, в которое принимали ежегодно до сотни детей от 12 до 17 лет из родовитых фамилий дворян со всей империи и которое готовило квалифицированных юристов и чиновников для государственного управления страной. Причем закончил он училище после семилетнего срока обучения с золотой медалью и получил сразу же чин IX класса (титулярного советника), который приравнялся к армейскому штабс-капитану.

Перед молодым правоведом открывались заманчивые пути карьерного роста – он служит по Министерству юстиции, будучи прикомандирован к канцелярии 1-го департамента Сената, высшего законодательного органа страны, подчиненного императору. Впоследствии назначается товарищем прокурора Ломжинского, Новгородского, а затем Петербургского окружного суда. Во время русско-японской войны с января 1904 по август 1905 г. Воронович служил на фронте в качестве уполномоченного Красного Креста – международной общественной благотворительной организации.

По окончании войны Воронович был приглашен на работу в Одессу как человек, интересующийся вопросами крестьянского землеустройства, энергичный администратор и организатор. В сентябре 1906 г. он был назначен на должность начальника Херсонско-Бессарабского управления земледелия и государственных имуществ. Его актив-

Рис. 61. Императорское училище правоведения в Петербурге

ная деятельность на высокой чиновничьей должности была замечена властями – в конце 1908 г. Воронович удостоен чина действительного статского советника. Он стал кавалером пяти орденов (Св. Анны 3 степени, Св. Станислава 1-й и 2-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степени) и двух медалей («В память царствования Александра III» и «В память 300-летия дома Романовых»).

В самый разгар Первой мировой войны в сентябре 1915 г. М.М. Воронович получает новое назначение и становится губернатором Бессарабии. В этой должности он и находился вплоть до падения монархии, отречения Николая II от престола, Февральской буржуазно-демократической революции и своей отставки с должности.

Объявленная Германией России 1 августа 1914 г. война ввергла Бессарабию и ее население в круговерть серьезных исторических испытаний, драматических событий и трагических конфликтов. После серьезных поражений России на фронтах в условиях постоянных колебаний соседней Румынии (примкнуть ли ей к Антанте или к Четверному союзу, чтобы закончить мировую бойню в рядах победителей) Бессарабия стала прифронтовым регионом. А это очень больно ударило по ее экономическому положению и уровню жизни народа.

Количество фабрично-заводских предприятий в крае за два года войны сократилось на треть, а численность рабочих – почти наполовину. Упали на треть торговые обороты. Хозяйственная разруха пришла и в аграрное производство. К апрелю 1916 г. в армию было призвано

250 тысяч человек трудоспособного населения, главным образом сельских жителей рабочего возраста. Еще более 70 тыс. человек были призваны на окопные работы. На селе просто было некому сеять и убирать урожай, а постоянные реквизиции скота для военных нужд оставляли село и без тягловой силы. Посевные площади уменьшились в среднем на 10%, а в некоторых уездах – наполовину и даже больше.

Правда, помещики и крепкие кулацкие хозяйства в крае расширяли производство. По размерам засеваемой зерновыми культурами площади бессарабские помещики в три раза превосходили средние показатели по Европейской России. Их барыши на поставках в армию и на взвинчивании цен росли как на дрожжах. Положение бедняков – почти 100 тысяч крестьянских хозяйств в Бессарабии не имели земли, а еще 250 тысяч имели нищенские наделы до 6 десятин – становилось просто невыносимым. Они страдали от реквизиций, от призыва в армию кормильцев, от массовой мобилизации на окопные и дорожные работы, от голода, недорода, дороговизны.

Доведенные до отчаяния, крестьяне отказывались платить налоги, стали сопротивляться конфискации скота. В селах Кишкарены, Изворы, Фалешты, Рышканы и во многих других отчаявшиеся бедняки прямо заявляли властям: «У нас вы берете последний скот, а у помещиков тысячные гурты остаются неприкосновенными». В селах Лапушна, Редю-Маре и других местах крестьянки забирали прямо с тока помещичью пшеницу. Возмущение и недовольство правительством, войной, местными властями росло и ширилось, приобретая размеры готовящегося народного бунта.

Бессарабия была объявлена губернией на военном положении. Вся ее политическая жизнь строго контролировалась чиновниками и полицейским аппаратом. Возможность быстро пресекать по законам военного времени любые проявления недовольства и жестоко наказывать за самые незначительные проступки порождала у властей иллюзию несокрушимости устоев государственного строя и общественной жизни под их строгим надзором. Только за первый год войны, в 1914–1915 гг., было арестовано и оштрафовано за различные проступки против закона и правительства 6637 бессарабцев.

Но революционную ситуацию в стране штрафами и арестами подавить было невозможно. Весть о Февральской революции в России быстро долетела до Бессарабии. Губернатор Воронович предпринял глупую и абсурдную попытку запретить публикацию в местной печати Манифеста об отречении царя и установлении в стране республиканского строя. Монархисты из его окружения стали увещевать население

призывами к соблюдению порядка и недопущению массовых митингов и демонстраций.

Все было тихо. В Кишиневе, в Тирасполе, в Бендерах, Оргееве, других городах, местечках и селах края начались массовые митинги под лозунгами: «Да здравствует демократическая республика!», «Долой тиранов!», «Да здравствует свобода!». Почувствовав ветер перемен, жители стали создавать свои Советы рабочих и солдатских депутатов, закрывать полицейские участки и жандармские посты, изгонять из органов местной власти монархистов и reactionеров.

М.М. Воронович подал в отставку со своего поста по собственному желанию и был уволен с ликвидацией должности губернатора. Временное правительство несколько ранее, 6 марта 1917 г., назначило на пост губернского комиссара местного землевладельца Мими. В Бессарабии, как и во всей стране, формировалась и политически оформлялась система двоевластия.

Что касается бывшего губернатора, то он срочно уехал из Бессарабии. Воронович возвращается на Украину, где в его собственности оставались большие земельные угодья. Как человек дела и энергичный политик, М.М. Воронович активно включается в возрождение Украинского союза хлеборобов или, как его еще называли, Всеукраинского союза земельных собственников. Это была первая политическая партия на Украине, которая возникла после Февральской революции. Она стояла на консервативно-монархических позициях – имущественным цензом для вступления в члены партии должен был служить земельный участок минимум в 50 десятин. Партия боролась как против своих врагов слева – эсеров, анархистов, и, конечно же, большевиков; так и против украинских националистов, пытавшихся оторвать Украину от России и противопоставить друг другу две страны. Вместе со своими единомышленниками Н.Н. Устимовичем и П.Л. Гижицким бывший бессарабский губернатор М.М. Воронович становится организатором достаточно влиятельной политической силы, которая насчитывала в своих рядах до 150 тысяч членов – главным образом, богатых землевладельцев.

Всеукраинский союз земельных собственников не имел национальной окраски и тем самым резко отличался от других украинских партий, которые неожиданно стали возникать в регионе как грибы после дождя. В этом союзе состояли кроме украинцев и русские, и поляки, и другие землевладельцы, а также зажиточные крестьяне. Все они отрицательно относились к «самостийникам». На своем съезде в Киеве «хлеборобы» приняли решения издавать партийную газету на русском языке и даже обратились в Министерство внутренних дел с деклара-

Рис. 62. П.П. Скоропадский

цией, в которой потребовали отменить введенный Центральной радой «галицийско-латинский язык, некультурный и чуждый для Украины». Существование независимого украинского государства эта партия рассматривала лишь как временное неудобство, связанное с необходимостью полного разгрома большевиков, чтобы потом вновь воссоединиться в едином возрожденном российском государстве.

Будучи одним из лидеров Союза земельных собственников, М.М. Воронович стал делегатом от Киевской губернии на съезде хлеборобов 29 апреля 1918 г., который провозгласил П.П. Скоропадского, генерал-лейтенанта российской армии, гетманом Украины. Украинская держава

под руководством гетмана Скоропадского и под германским протекторатом просуществовала с апреля по декабрь 1918 г. Эти полные трагизма, хаоса и неразберихи дни талантливо и документально точно описаны в произведениях М.А. Булгакова, который жил в это время в Киеве и был свидетелем и участником происходивших событий.

П.П. Скоропадский, еще будучи русским офицером, проводил украинизацию войск под своим командованием, набирая все больше украинцев и переводя в другие части солдат прочих национальностей. Когда пришли к власти большевики, он отказался выполнять их приказы и увел свои войска на Украину. Однако и на деятелей Центральной рады он смотрел с презрением, как на интеллигентов, которые случайно оказались у власти, опьяненные неожиданной удачей, и с ними не о чем разговаривать. Но Скоропадского объединяла с ними ненависть к большевикам.

Когда после Брест-Литовского мира Украину заняли немцы, они не захотели иметь дела с Радой и сделали ставку на Скоропадского, который родился в Германии и провел там детские годы. Немцы доверяли генералу, воевавшему против них на фронтах Первой мировой, боль-

ше, чем Грушевскому, Винниченко и остальным деятелям из пестрой толпы мятущихся либеральных интеллигентов, мечтавших о «самостоятельности» и «независимости» невесть какого государственного образования, априорно враждебного России.

Приход к власти на Украине русского аристократа, царского генерала и адъютанта самого императора вызвало воодушевление в рядах белого движения. В Киев потянулись беженцы из России в надежде, что там уж точно будет установлен твердый порядок. Председателем правительства Украинской державы и министром внутренних дел Скоропадский назначил Ф.А. Лизогуба, а его заместителем (товарищем) стал М.М. Воронович, недавний бессарабский губернатор. В условиях, когда рухнула в одночасье империя и, еще не выйдя из мировой кровавой бойни, страна втягивалась в не менее кровавую гражданскую войну, Скоропадский попытался создать в бушующем море пламени, беззакония и страданий островок порядка и законности. Именно Воронович отвечал за так ожидаемый всем белым сообществом порядок и организацию полиции.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что М.М. Воронович был не просто одной из многих «жертв» социальной революции, как прочие помещики, потерявшие в вихре политических событий свою собственность и пытающиеся ее возвратить любыми способами, а также отомстить «черни» за понесенные «убытки». Факты указывают, что он был сознательным и убежденным противником большевизма, монархистом, выступающим за возвращение единой и неделимой России ее бывшего могущества и величия. Несомненно, Воронович был российским государственным деятелем, желавшим возрождения империи в том несокрушимом виде, как он его себе представлял.

М.М. Воронович действовал не по наитию, а глубоко продумав программу и план возрождения империи. Об этом можно судить по воспоминаниям белогвардейского генерала В.А. Мустафина, которые он написал в эмиграции в 1921 г. Отмечая, что Воронович «был, несомненно, неглупый, очень трудоспособный администратор с достаточно глубоким опытом и необходимыми для министра знаниями», генерал описывал свою встречу с бывшим бессарабским губернатором. Он услышал от Вороновича предложение занять пост Одесского губернского старосты при гетмане Скоропадском. Приведем этот отрывок полностью:

«Навстречу мне от письменного стола поднялся коренастый битюг с пушистыми рыжеватыми усами, голубыми глазами, энергичным умным лицом, – пишет генерал. – По манере говорить ясно, точно и коротко передавая свои мысли, и притом искренне и авторитетно, Воронович произвел на меня самое благоприятное впечатление. Он сра-

зу же огорошил меня, сказав, что гетман предлагает мне занять должность Одесского градоначальника, добавив несколько комментариев со слов гетмана о моей прежней службе и деятельности. Ошеломленный этим предложением, я сказал, что после революции не хочу принимать никакой ответственной должности в администрации, особенно на Украине, так как не пойду на компромисс с совестью и долгом русского гражданина, как я его понимаю, возможные, и, пожалуй, необходимые для русского человека на административном посту при службе у гетманского правительства».

Воронович рассмеялся и ответил: «Я такой же русский человек, как и вы, и ничуть не изменяю Родине своей, находясь здесь на посту управляющего ведомством Министерства внутренних дел. Как бы ни была велика внутренняя автономия Украины, вызываемая особенностями ее населения, природы, характером промышленности, наконец, историческими условиями ее существования и т.п., но все же это часть великой России; будущее наместничество, гетманство, как хотите, назовите. Отказ русской интеллигенции, русских служилых людей от сотрудничества с гетманом считаю саботажем, вредным для идеи воссоздания единой России. Все кричат о водворении порядка в стране, а от участия в работе по восстановлению этого порядка отказываются. Ведь русские люди, вступая в центральные и местные учреждения Украины, придали бы русскую физиономию этим учреждениям, не приходилось бы больше держать в них забравшихся при Голубовиче недоучек-самостийников, все достоинства которых заключаются в знании (подчас слабом) «державной мовы», да тупой ненависти ко всему «неукраинскому!»».

Видимо, М.М. Воронович всерьез рассчитывал начать возрождение самодержавной Российской империи с территории независимой Украины. Однако развернуть свою деятельность по мобилизации сил Белого движения и возрождению единой российской государственности Вороновичу не удалось. Он проработал в Министерстве внутренних дел Украинской державы полгода, с мая по ноябрь 1918 г. В середине ноября председателем Совета министров Украинской державы становится бывший харьковский губернатор С.Н. Гербель, сторонник переориентации гетманства с немецкого и австро-венгерского блока на Антанту. В Германии начиналась революция, и на ее помощь в борьбе против большевиков больше рассчитывать не приходилось. Воронович в новом правительстве получает должность министра вероисповеданий. Но на этой должности поработать ему почти не пришлось.

В ноябре 1918 г. М.М. Воронович был послан в Яссы. Этот город после оккупации Бухареста Четверным блоком в конце 1916 г. был временной столицей Румынии. И здесь, в подвале бывшего русского

консульства было, созвано совещание российских политических деятелей, не признавших власти Совета Народных Комиссаров и бежавших от Красного террора. Сюда же съехались и представители держав Антанты, чтобы вместе выработать программу общих действий против власти большевиков в России. Однако факт окончания Первой мировой войны уменьшил пыл западных союзников в их желании восстановления Восточного фронта для отвлечения сил Германии. Они больше в таковом не нуждались и взяли курс на отстранение Европы от «русской смуты» и создание против революционной России «санитарного кордона».

Воронович был уполномочен правительством Гербеля информировать в Румынии союзников и лидеров Белого движения о положении на Украине и о намерениях гетмана Скоропадского сражаться против большевиков до победного конца вместе с русскими белогвардейцами. Но принять участие в данном совещании ему не было суждено. На станции Жмеринка Подольской губернии бывший губернатор Бессарабии, бывший министр гетмана Скоропадского, нынешний министр правительства Гербеля был схвачен петлюровцами. Это были плохо управляемые бойцы созданных Центральной радой вооруженных сил Украинской Народной Республики, которые сначала выступали за гетмана на стороне австро-германских оккупантов, а после поражения Германии подняли антигетманское восстание. Фактически они представляли собой просто бандитский сброд.

После долгих пыток М.М. Воронович был зверски убит. Так ужасно и бесславно закончил в ноябре 1918 г. свои дни бывший бессарабский губернатор, русский государственный и монархист, украинский политический деятель, боровшийся за освобождение России от власти большевиков, а Украины – от власти националистов-самостийников. О судьбе его молодой супруги Ксении Леонтьевны никаких сведений не сохранилось.

На этих событиях заканчивался, пожалуй, самый мирный и спокойный период в истории молдавского народа, когда в составе могучей державы под сенью двуглавого орла он управлялся русскими чиновниками, огражденный от бесконечных войн, неприятельских нашествий, поборов и грабежей иноземных оккупантов, которыми так богата была его предыдущая многовековая история. Свержение монархии и замаячившее на историческом горизонте «национальное освобождение» края под сенью Румынии оказалось на деле обманчивой химерой, сулившей молдаванам новые драмы и новые трагедии.

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ МИМИ (13 марта 1917 г. – 21 ноября 1917 г.)

Рис. 63. К.А. Мими

После отречения русского царя Николая от престола в стране установилось двоевластие – своеобразная и очень недолговечная форма правления, которая просуществовала четыре месяца, со 2 марта по 4 июля 1917 г. Одна власть, Временное правительство, рассчитывала на «умиротворение» революционных настроений народа и установление в стране конституционной парламентской монархии. Другая власть, Советы рабочих и солдатских депутатов, выступала за установление демократической республики и углубление революционных преобразований, вплоть до ликвидации частной собственности. Расстрел мирной рабочей демонстрации в Петербурге 3 июля 1917 г. ознаменовал конец двоевластия и уста-

новление диктатуры буржуазии. Впрочем, для настоящей диктатуры у Временного правительства не было сил.

Избавившись от царя и взяв под арест монаршую семью, Временное правительство России стало снимать во всех губерниях царских ставленников и назначать на место губернаторов руководителей существовавших там земств. Земствами назывались органы местного самоуправления, в которых решающая роль принадлежала землевладельцам. В период Первой мировой войны роль земств в снабжении армии и местного населения возросла, и был создан Земский союз из наиболее авторитетных и влиятельных на местах представителей помещиков и буржуазии. Отречение царя и слом государственных структур монархии приводит к власти именно эти силы.

Так произошло и в Бессарабии. С отставкой последнего губернатора М.М. Вороновича пост губернатора был упразднен. Временное правительство назначает своих представителей на местах. В нашем крае гу-

бернским комиссаром Временного правительства был назначен председатель Бессарабского губернского земского собрания К.А. Мими. Фактически он сосредоточил в своих руках функции губернатора и стал полноправным правителем края.

Новоиспеченный губернский комиссар родился в Кишиневе в 1868 г. в семье богатых греческих беженцев албанского происхождения Александра Мими и Аглаиды Вакамей. Его детство прошло в семейном поместье с. Урсоая Бендерского уезда, среди живописных холмов, зелени и виноградников. Трепетное отношение к молдавскому селу, к сельскому укладу жизни, к виноградарству и садоводству у Константина Мими сохранилось до конца его дней несмотря ни на какие политические водовороты и бури его времени. Он мог бы безбедно жить в Петербурге или Москве, Бухаресте или Париже, Лондоне или Берлине, но он всегда возвращался и жил в своем любимом сельском поместье, и занимался своим любимым делом – виноделием. Он стал одним из лучших виноделов в истории нашего края, создателем высокой культуры виноделия. Именно поэтому его имя помнят и чтут в Молдове по сей день.

В отрочестве Константин Мими учился в Кишиневе и с отличием окончил элитную первую гимназию. Затем поступил в Императорский Новороссийский университет в Одессе и окончил его, также получив диплом с отличием. Мими стал дипломированным юристом, которому все предрекали блестящую карьеру государственного деятеля. Но, видимо, профессия творца или толкователя законов не была для молодого человека столь уж привлекательной. Тем более, что Мими в 1891 г. получил наследство от своего отца; он становится владельцем обширных земельных угодий.

В своем поместье в селе Бульбоака Бендерского уезда К.А. Мими начинает невиданное до того в Бессарабии дело – строительство замка в стиле французских винных шато (так называют французы загородное поместье, шикарный дворец с парком и винодельческим хозяйством). Мими выезжает во Францию и поступает в Высшую агрономическую школу Монпелье, где изучает технологии виноградарства и искусство виноделия. Он привозит из Франции ценные сорта виноградных саженцев и культивирует их в своем поместье.

Так в 1893 г. в Бессарабии возникает первый и единственный в крае «Шато-Мими», который во многих отношениях мог бы поспорить даже с известнейшим винодельческим предприятием и санаторием XIX – начала XX вв. семейства князей Витгенштейнов на левом берегу Днестра в Каменке. Самобытный и привлекательный дворец в Буль-

Рис. 64. *Замок К.А. Мими*

боаках был построен в 1901 г. итальянскими строителями по проекту французских архитекторов. Его окружали 44 десятины виноградников лучших европейских сортов – Траминер, Пино гри, Пино менье, Алиготе, Каберне, Зайбель и др., из которых производились великолепные вина, раскупавшиеся местными ресторанами, не говоря уж о всероссийском рынке от Одессы до Владивостока. Один только подвал основного корпуса дворца вмещал 300 тысяч литров бочкового вина. Через десять лет на международной выставке в итальянском городе Турине вина Мими получают заслуженно высокий статус среди продукции наиболее именитых виноделов Европы, – им присуждают серебряную медаль.

В июне 1914 г., за несколько недель до начала Первой мировой войны, последний русский император Николай II приезжает в Кишинев на открытие в центре города памятника императору Александру I Благословенному. Тогда же председатель губернской земской управы К.А. Мими принимает монарха в своем дворце и угощает его молдавскими винами своего производства. Конечно, российского самодержца нелегко было удивить изысканными напитками. Однако он остался в восторге от неповторимого аромата и тонкого вкуса виноградных вин Константина Мими. А с началом войны Мими стал поставлять и русской армии свои напитки.

Помимо производства вин в промышленных масштабах на своем заводе К.А. Мими в собственном хозяйстве занимается также овцевод-

ством, свиноводством и птицеводством. Но все же сельскохозяйственные занятия не были единственным делом в жизни землевладельца и винодела. Достаточно много сил Мими отдает общественной деятельности, в которой преуспел не меньше, чем в виноделии.

Поначалу его избирают депутатом (гласным) Бендерского уездного земского собрания. Энергия и острый ум, феноменальная память и богатырская работоспособность быстро привлекают к нему всеобщее внимание. Он говорил убежденно и аргументированно, сыпал по памяти множеством цифр, знал малейшие детали обсуждаемых проблем, удивлял окружающих поразительной находчивостью и гибкостью ума. Точность его знаний и безошибочность его оценок поражала собеседников.

В 1903 г. земцы избирают гласного К.А. Мими председателем Бендерского уездного земства. На этом посту он берется решать всевозможные насущные проблемы своего края, которые касались самых различных сторон жизни и быта местного населения, – здравоохранения, образования, строительства и содержания дорог и переправ, ветеринарии и сельскохозяйственного производства. Мими даже сумел снарядить целую делегацию бендерчан в командировку в Среднюю Азию, в Бухару для закупки каракулевых овец с последующим разведением ценных пород в Бендерском уезде. Целое стадо чистокровных каракулей закупили на далеком Востоке и привезли его в Бендеры, что вызвало у всех овцеводов Юга России настоящий фурор. В село Тодирешты, где расположилось в опытном хозяйстве ценное стадо, съезжались овцеводы даже из дальних уголков региона.

Кстати, по предложению К.А. Мими барон А.Ф. Стюарт (правнук молдавского господаря Константина Мурузи) поселил в Тодирештах приглашенного из Америки профессора Майкеля, который занялся в его опытном хозяйстве селекцией и улучшением различных сортов местной кукурузы. Еще одно опытное поле Мими открыл в Хаджимусе на участке земли Мисилиндра, которое стало школой для садовых рабочих. Их обучали выращиванию виноградных саженцев, производству прививок, культивированию американской лозы. Выпускники школы заводили собственное дело и поставляли на местный рынок дешевые урожайные сорта саженцев, которые ничем не уступали привозным и дорогостоящим французским.

Неугомонность и неутомимость председателя Бендерского земства, его нескончаемый энергетический запал немало удивляли сонных бесарабских чиновников. Мими, чтобы повсюду успевать, даже выучился шоферскому ремеслу, купил два автомобиля для земской управы и но-

сил ся по всему уезду за рулем, пытаясь лично контролировать выполнение своих задумок и проектов на местах. Он устроил в Бендерском уезде телефонную связь. Он отправился в Румынию изучать опыт строительства шоссейных дорог. Он стал лично разрабатывать сеть шоссе для Бендерского уезда и руководить дорожным строительством.

Рис. 65. Автомобили у дома К.А. Мими в Кишиневе

Особенно много внимания уделял К.А. Мими народному просвещению. Бывая по служебным делам в Петербурге и Москве, путешествуя за границы, он постоянно приобретал учебные пособия для школ, привозил различные экспонаты: макеты машин, железнодорожных вагонов, различных технических диковинок. Он с увлечением пытался знакомить с прогрессом бессарабских детей, которые чаще всего никуда дальше околицы собственного села и не выходили. А когда при строительстве одной из сельских школ произошел перерасход средств и на этот факт обратили внимание недоброжелатели, Мими из своих денег возместил всю недостачу.

Впрочем, в столицах отлично знали кипучую энергию председателя Бендерского земства Мими, доверяли ему и без особых раздумий субсидировали его проекты необходимыми финансами. Чиновники понимали, очевидно, что государственные средства будут вложены в достойное дело и начнут работать на пользу стране, краю и его населению. Бендерскому земству ни разу не было отказано в государственных субсидиях на проекты Мими, настолько непререкаем был авторитет этого земского деятеля.

В 1913 г. К.А. Мими избирается председателем Бендерской земской управы. А через год, с началом Первой мировой войны, он возглавил все Бессарабское земство. Теперь основной заботой Мими стало выполнение заказов военного времени и снабжение воюющих войск Российской армии. Он сосредотачивает в своих руках руководство всеми уездными земствами Бессарабии, понимая важность родного края как прифронтовой зоны для военных успехов российской армии. Кипучая общественная деятельность так увлекла руководителя земства, что он почти не бывал в своих имениях и сдавал их в аренду.

В вихре революционных событий, развивавшихся по своей особой логике, уже к лету 1917 г. стали намечаться тенденции к дезинтеграции молодой Российской республики и отпаду от нее огромных кусков – территорий бывшей Российской империи. Созданная в Киеве в марте 1917 г. мелкобуржуазными националистическими партиями Центральная Рада, пытаясь отторгнуть от России «украинские» губернии и территории, которые она считала своими, задумала и Бессарабию пристегнуть к этой упряжке. Хотя созданная впоследствии украинскими националистами Украинская Народная Республика провозглашалась как бы в составе России, но истинные цели Киева по разрыву с Россией ни для кого не являлись секретом.

К.А. Мими направляет свои усилия на противодействие этим сепаратистским поползновениям. Зная настроения самых широких слоев населения Бессарабии, не допускающих и мысли о разрыве с Россией, Мими собирает делегацию от всех политических партий, национальных организаций и административных структур края для выражения протеста против готовящейся аннексии Бессарабии нарождающимся на Украине националистическим режимом. Это происходит в начале июля 1917 г., но события в Петрограде в эти же дни, расстрел мирной демонстрации и наступление реакционных сил с устранением от власти Советов переключили все внимание общества именно на эти процессы.

Да и в целом политическая карьера К.А. Мими уже стремительно катилась под откос. Как политик Мими просто не вписывался в те новые реальности, которые создавала действительность в стране, охваченной революционной смутой и острым политическим противостоянием. Крестьяне и солдаты (те же крестьяне в шинелях и с трехлинейными винтовками в руках) желали от революции только одного: прекращения кровавой мировой бойни, возвращения к своим семьям и мирному труду, справедливого бесплатного получения земли. В их понимании Константин Мими – крупный землевладелец, заводчик и крупный

чиновник, назначенный «буржуйским» Временным правительством управлять краем, был совсем не тем человеком, который заботится о благе народа и способен удовлетворить его надежды. Наоборот, среди бессарабских крестьян все большую популярность приобретают большевики и левые эсеры с их простыми и понятными любому, даже неграмотному человеку лозунгами: Мир народам! Фабрики рабочим! Землю крестьянам!

Политическая карьера Мими закончилась в октябре 1917 г. Этому предшествовал ряд известных событий, изменивших положение в стране. В конце августа 1917 г. генерал Лавр Корнилов поднял контрреволюционный мятеж и двинул на Петроград войска. Монархические силы на Румынском фронте и в Бессарабии знали от самого Корнилова о готовящемся выступлении. Правые стремились к реваншу, который логично вел к установлению жесткой контрреволюционной диктатуры. На политическом горизонте замаячили зловещие очертания будущего реакционного кровавого режима.

Но и левые стали собирать силы. В крае создается «Комитет охраны революции» во главе с большевиком А.М. Волковым. Такие комитеты создаются в Кишиневе, Дубоссарах, Бельцах, Аккермане, других городах края. Большое количество местных Советов и комитетов Румынского фронта направили в столицу телеграммы с требованием ареста всех контрреволюционеров-корниловцев.

В эти дни проходит в Кишиневе Второй губернский съезд крестьян Бессарабии, который также потребовал предания заговорщиков военному суду, скорейшего решения земельного вопроса и немедленной реорганизации губернского и уездных земельных комитетов, других органов самоуправления и переизбрания тех руководителей, которые не отвечают интересам трудящегося населения. Радикально настроенные крестьянские депутаты потребовали и замены губернского комиссара, снятия К.А. Мими со своего поста.

Крестьянский съезд, понятно, не имел полномочий решать, кто станет во главе губернии от имени Временного правительства. Однако А.Ф. Керенский, занявший после разгрома корниловского мятежа в России пост верховного главнокомандующего, небеспопечно опасавшийся как крайних революционеров, так и убежденных монархистов, воспользовался этим выражением крестьянского недоверия Мими и сместил его с поста губернского комиссара. Его функции получает ставленник Керенского эсер Ион Инкулец.

Нам не известно достоверно, поддерживал ли Мими Л.Г. Корнилова и бессарабских контрреволюционеров, каковы были его намерения

и политические планы в этот период. Скорее всего – нет, не поддерживал, планов подавления революции, вероятно, не вынашивал. Но определенно можно утверждать лишь то, что смещенный с поста комиссар не вступил в борьбу, а наоборот – раз и навсегда прекратил всякую политическую и общественную деятельность. Он удалился в свое любимое имение в селе Бульбоаки, закончив свою работу губернского комиссара Временного правительства Бессарабии без особых сожалений.

Оккупация Бессарабии войсками королевской Румынии, насильственная аннексия края соседним государством и все последующие драматические события нашей истории проходят уже без всякого участия в них К.А. Мими. Он увлеченно занимается сельским хозяйством, разведением виноградной лозы и производством высококачественных вин в своем имении. Скорее всего, он мало интересовался текущей политикой, а предавался согревающим его душу воспоминаниям о счастливых временах его молодости и активной работе в Бендерском земстве.

Рис. 66. *Принц Кароль в Бендерах перед встречей с К.А. Мими*

Правда, в 1925 г. кронпринц Кароль II, сын короля Фердинанда и будущий король Румынии, во время своего путешествия по Бессарабии посетил имение Мими в Бульбоаках, в 20 км от Бендерской крепости. Вероятно, во время приема Мими дал согласие принцу занять опреде-

ленный пост. Вскоре после этого неординарного визита К.А. Мими переезжает в Бухарест и становится руководителем Национального банка Румынии. Но и на этом месте Мими работал недолго. В декабре 1925 г. Фердинанд лишил Кароля за скандальное поведение права престолонаследия, и сын эмигрировал. Мими возвращается в свой бульбоакский дворец, где живет безвыездно теперь уже до самой своей смерти.

Он скончался в апреле 1935 г. Его прах был перевезен из имения в город и похоронен в Кишиневе на Армянском кладбище. До настоящего времени его могила не сохранилась. По-другому обстоят дела с некоторыми возведенными строениями семейства Мими и, конечно, с заложенными им традициями виноделия.

Отец К.А. Мими на аукционе, проводимом Кишиневской городской думой, в 1870 г. приобрел пустырь на углу улиц Подольской и Немецкой (сейчас это – улицы Букурешть и С. Лазо). Через несколько лет здесь был построен замечательный двухэтажный особняк с башенкой, который стал зимней резиденцией семейства Мими. Впоследствии это здание купило у Мими благотворительное общество и разместило в нем детскую больницу. До сих пор этот дом в неоклассическом стиле сохранился в целости и украшает своим видом столицу Молдовы.

Рис. 67. Особняк Мими в Кишиневе (современный вид)

Еще более примечательна судьба имения К.А. Мими в селе Бульбоака. После освобождения Бессарабии Красной армией в 1940 г. на базе имения был открыт винодельческий завод союзного значения и колхоз им. Тимошенко. После войны завод развивался. Ко дворцу, созданному в 1893–1901 гг. еще К.А. Мими, пристроили в том же стиле еще один корпус, оснастили новым оборудованием. Опытные виноделы советской поры старались сохранять и развивать уникальные технологии производства превосходных вин, заложенные основателем имения.

В конце XX в. Акционерное общество “Agrovin Bulboaka” приватизировало завод бывшего имения Мими. По проекту итальянского дизайнера Арнольдо Транти комплекс дворца был реставрирован, открылись залы дегустации, появился музей, посвященный молдавскому виноделию и молдавским виноделам. В парке дворца выстроен светомузыкальный фонтан. В комплексе имеется гостиница, бассейн, ресторан, магазин вин. А главное, – здесь производятся и здесь можно попробовать великолепные сорта молдавских вин самого высокого качества, созданные по рецептам и технологиям владельца «Шато-Мими», его основателя Константина Александровича.

Рис. 68. Замок Шато-Мими (современный вид)

К.А. Мими остался в памяти потомков не столько благодаря своей административной и политической деятельности на посту руководителя молдавского общества в один из самых драматических и переломных моментов в судьбах края, сколько благодаря своей неукротимой созидательной деятельности в качестве агронома, винодела, ценителя и производителя замечательных вин – истинного богатства нашей

земли. И такая память дорогого стоит, ибо она основана на уважении и признательности за добрые дела.

40

В Молдове отреставрировали винный замок со 115-летней историей

В середине сентября т.г. в молдавском селе Бутьбока Новоаннского района прошла церемония открытия отреставрированного винного замка «Мими», который был построен ещё в 1901 году.

«Сегодня нам становилось свидетелем того, как оживает легенда. Блестяще чаша через век замок «Мими» приобрёл первоначальный вид, давая нам возможность пообщаться его красотой. Это одна из жемчужинок нашего государства», — отметил на церемонии открытия спикер молдавского парламента Андриан Канду.

Строительство винного замка «Мими» было начато в 1903 году по инициативе известного бессарабского винодела и общественного деятеля Константина Мими. Замок, который впоследствии стал ведущей винодельней края, входит в число 15 лучших винных архитектурных памятников мира.

Как сообщила директресса музейного комплекса Кристина Фролова, реставрационные работы в замке начались ещё в 2010 году, к ним привлекли более 600 специалистов. Замок восстановлен с применением новейших технологий до состояния, в котором он нахо-

дился изначально, продолжая с гордостью носить имя своего создателя.

Реставрация осуществлялась по старым фотографиям, некоторые из них были предоставлены племянницей Константина Мими, ныне живущей в Румынии. Реконструированный комплекс включает винный завод, винные подвалы, гостиницу, музей и дегустационные залы.

СПРАВОЧНО

Константин Александрович Мими (10 марта 1868 г. - 17 апреля 1935 г.) — руководитель Бессарабии в 1917 году, общественный деятель и легендарный винодел, построивший первое и единственное винное шато в Молдове по всем французским канонам.

Архитектура здания была выдержана в стиле старых французских винодельческих предприятий. Все три этажа основного корпуса имеют свободный подъезд на уровне земли, то есть здание врезаeno в естественный склон. Подвал основного корпуса вмещал до 50 тысяч дит вина в бочоном розливе. Константин Мими реализовал свою продукцию в основном на местном рынке, частично вывозилось за границу. Когда началась Февральская революция 1917 г., губернатор Бессарабии ушёл в отставку и передал свои полномочия Константину Мими как руководителю губернского земства, назначенному после этого комиссаром Временного правительства в Бессарабии. Мими исполнил обязанности Бессарабского комиссара всего 8 месяцев.

В 1935 г., после смерти К.А. Мими, имение перешло по наследству к его сыну А.К. Мими. 28 июня 1940 г., когда территория нынешней Республики Молдова перешла под юрисдикцию Советской России, владелец винодельческого хозяйства был вынужден выйти в Румынию, а на территории села Бутьбока был организован колхоз им. Тимирязева.

60 Фотоархив — на сайте imail.ru

Подготовил Игорь ОНОВ

Рис. 69. Газетное сообщение о восстановлении замка К.А. Мими

Заключение

Молдавская государственность отсчитывает свой возраст с 1359 г., когда от венгерской короны отделились и провозгласили свою независимость земли между Карпатами, Дунаем, Днестром и Черным морем, населенные молдаванами, а также восточными славянами, татарами, цыганами, поляками, евреями и другими этносами. Молдавское княжество провозгласило свою независимость именно тогда, в середине XIV в. Но независимость – понятие достаточно растяжимое и в наше время. Что и говорить о предыдущих исторических эпохах, о Средних веках?!

Уже первые господа независимого Молдавского княжества вынуждены были объявлять себя вассалами то польского короля, чтобы защитить себя от притязаний венгерских феодалов, то венгерского короля, чтобы защитить себя от притязаний польских феодалов. Все феодальные отношения построены на очень строгой иерархической системе подчиненности, в которой вассал служит своему сюзерену и беспрекословно выполняет его волю. Никакой другой судьбы у небольшого княжества в те времена и быть не могло. Но и эпоха относительного суверенитета Молдавии, когда господа, ее правители, могли «выбрать» себе подходящего покровителя и владыку из числа окружающих страну хищников, продолжалась менее века.

В середине XV в. мощная Османская империя завоевывает балканские страны и продвигается в Европу. В Молдавском княжестве устанавливается сначала система принудительного вассалитета, когда сюзереном господаря мог быть только турецкий султан, а потом страна становится составной частью Османской империи, и все ее правители из местных бояр стали получать (а фактически – выкупать) престол на определенное время в Стамбуле. Наконец, в 1711 г. турки перестали доверять туземным землевладельцам и стали сдавать молдавский престол грекам из стамбульского квартала Фанар – фанариотам.

За сто с лишним лет фанариотского режима на престоле княжества сменилось около 40 господарей, причем многие из них покупали право править в Молдавии и Валахии поочередно, по нескольку раз. Как правило, это были представители влиятельных и богатых греческих семейств – Маврокордаты, Кантакузины, Калимимаки, Гики, а вместе с ними в княжество приезжали многочисленные семьи греков

или породнившихся с греками молдавских бояр (Синадино, Накко, Кассо и др.), которые «помогали» временному господарю управлять Молдавией, получая наиболее привилегированные и доходные места в государственном аппарате и местном управлении. Один молдавский летописец (Николай Костин) так охарактеризовал фанариотский режим: «Наказание послано той земле, где ступает нога греков».

Об их алчности, хитрости, беззастенчивости и жестокости другой молдавский летописец (Ион Некулче) сказал: «Огонь можно затушить, воду запрудить и направить в другую сторону; когда дует ветер, можно отдохнуть в укрытии. Солнце уходит за облака, непроглядная ночь проходит, и опять делается светло, но у грека никогда нет ни жалости, ни человечности, ни правды, ни честности, ни страха Божьего, ничего этого нет». Такие люди правили Молдавским княжеством до 1859 г., пока оно не соединилось с другим столь же подневольным Валашским княжеством, и они получили относительную самостоятельность, а через несколько десятилетий объединенные княжества провозгласили и собственное королевство – Румынию.

А вот восточные районы Молдавского княжества, Пруто-Днестровское междуречье, названное Бессарабией, освободились от власти турок и фанариотов полустолетием раньше. В 1812 г. по условиям Бухарестского мира граница между Османской и Российской империями была перенесена с Днестра на Прут. Территория Бессарабии стала российской землей. Для этой земли, для ее населения и хозяйства закончилась кровавая многовековая эпоха бесконечных войн и вооруженных набегов, иноземного диктата и узаконенного грабежа.

Стабильность и возможности быстрого исторического прогресса пришли на землю, густо пропитанную кровью, слезами и потом многих поколений ее обитателей. Целый век территория Бессарабии не знала войн, а ее жители получили возможность мирного созидательного труда под сенью могучей державы. Это был самый длительный период мира за всю прошлую и последующую историю Молдавии; ни до XIX в., ни, к сожалению, в XX в., молдавский народ не жил столь долго в условиях отсутствия войн, вооруженных конфликтов, бесчинств и грабежей оккупантов.

Залогом спокойствия и процветания становилась мощь Российской империи. А когда всем стало понятно, что никакого крепостничества Россия здесь вводить не собирается, в Бессарабию потянулись потоки переселенцев – болгары, гагаузы, украинцы, русские, немецкие и

швейцарские колонисты, евреи, греки, армяне, представители разных народов России и Юго-Восточной Европы. В течение одного века население края выросло в десять раз: с 240 тыс. в 1812 г. до 2,5 млн к 1914 г. Бессарабия стала одним из самых густонаселенных и многонациональных регионов страны. Управление этой частью Российской империи требовало и от Петербурга, и от местных руководителей определенного понимания существующих особенностей и реалий.

Конечно же, система турецко-фанариотских времен, когда территория «сдавалась» на какое-то время тому или иному руководителю, купившему себе право ее эксплуатации, была отменена сразу и бесповоротно. Хотя это и вызывало недовольство части местной элиты, не видевшей других путей личного обогащения, кроме как во взяточничестве, коррупции, обмане и беззакониях. Однако этими интересами местной элиты после некоторого заигрывания с ней в конце концов пришлось пренебречь. Дело в том, что правительство России, имея долгосрочные планы освобождения от турецкого ига многих христианских народов Балкан, рассчитывало на быстрый хозяйственный и социальный прогресс этой территории в качестве своеобразной привлекательной модели для болгар, сербов, греков, валахов и проч. Сохранение деспотических азиатских форм правления при таких намерениях исключалось.

За более чем столетний период русского управления Бессарабией в кресле губернатора побывало множество разных людей – военных и гражданских, консервативных и либеральных, интеллектуальных специалистов и не блещущих умом чиновников, инициативных создателей и равнодушных службистов... С высоты своего исторического опыта мы, наверное, каждому из них могли бы предъявить большой список своих претензий и вопросов, вполне резонных и справедливых. Но, пожалуй, никто из них не заслужил обвинений в стремлении хоть каким-либо образом принести сознательный вред местному населению, хозяйственному развитию края, превратить его в колониальную окраину империи, выкачивая все богатства и ресурсы для своего обогащения или обогащения метрополии.

Каждый губернатор на своем посту старался реализовывать общие цели политики русского правительства в отношении Бессарабии; кто с меньшим успехом, кто с большим. А общее направление этой политики было изложено еще самому первому губернатору – молдавскому боярину С.Д. Стурдзе в специальной инструкции, которую он получил при своем вступлении в должность: «Надобно дать восчувствовать жи-

телям Бессарабии выгоды отеческого и щедрого правления... Болгары и сербы, молдаване и валахи ищут отечества. Вы можете оное предложить им в сем крае». Трудно не признать человечность и благородство целей такой политики, безотносительно тех субъективных целей, которые ставило перед собой правительство России.

Инструкция, данная губернатору для осуществления этой политики, предусматривала практические меры по развитию экономики, торговли, просвещения. Губернатор обязан был «поставить все в движение, чтобы возбудить в жителях этой области любовь к родине и правительству». Все, ищущие спасения от турецкого ига, должны найти его в Бессарабии, где их «имущество и справедливость» будут обеспечены.

В этих целях Петербург сразу же предоставил населению освобожденной от турецкого гнета области целый ряд существенных льгот, которых не имели даже жители других регионов России. На 5 лет все жители Бессарабии освобождались от уплаты всяких налогов и податей, на 50 лет население освобождалось от рекрутской повинности – жителей края не призывали на воинскую службу в армию вплоть до 70-х гг. XIX в. Все молдавские крестьяне объявлялись лично свободными и не подлежали закрепощению. Местные бояре могли иметь в качестве крепостных лишь цыган (для домашних развлечений – музыкантов, хористов, танцоров и пр.), а русские помещики лишь дворовых людей, слуг (поваров, кучеров, прислуги и т.д.).

Основная масса бессарабских крестьян (царан) была приравнена по своему положению к государственным крестьянам России. Однако если в казенных селениях других губерний России каждое хозяйство государственных крестьян обладало наделом максимум в 10 десятин, то в Бессарабии этот размер превышал 30 десятин. Большие льготы и наделы земли получали также переселенцы: немецкие, болгарские и швейцарские колонисты, гагаузы, новороссийские казаки и др.

Большое значение для коренного изменения характера управления краем имела отмена откупной системы сбора податей, унификация налогов, ликвидация многочисленных податей и повинностей времен турецкого господства. Сложившаяся за трехсотлетний период турецкого господства система купли-продажи должностей, которая была настоящим бедствием для податного населения, народа, также была ликвидирована. Что представляла собой эта система?

Господарь покупал право на занятие престола (обычно на пять или даже три года) в Стамбуле. Его власть была деспотичной внутри Молдавии и полностью зависимой от Блистательной Порты (правительства Османской империи). Рядом с господарем находились члены дивана, совета при господаре, которые получали (покупали) свои должности от господаря и полностью от него зависели. Они управляли всеми делами княжества через исправников в цинутах – всесильных правителей на местах, покупавших свои должности у членов дивана. У исправников свои должности покупали различные чиновники, исполнявшие управленческие функции непосредственно в среде податного населения, – волостные старшины, сборщики налогов и проч.

Все чиновники давали взятки вышестоящим и брали взятки с нижестоящих. И те, и другие в этой системе обогащали друг друга, нещадно эксплуатируя, обманывая и наживаясь на грабеже податных условий. Это было нетрудно осуществлять, поскольку никаких писаных законов и правил, ограничивающих произвол чиновников, в Молдавском княжестве к моменту присоединения Бессарабии к России не существовало. Один из видных церковных деятелей той поры протопоп П.С. Куницкий по этому поводу писал, что «права и законы Молдавии, как и политическое состояние ее, зыбки и не тверды и основываются на господарских хрисовах (*грамота на определенные привилегии какому-либо феодалу*. – Н.Б.) и законах Юстиниана, но это лишь формальная сторона дела, ибо в действительности в этом крае господствует право сильного, и воля, и прихоть начальства являются законом для подчиненных».

К властным структурам в этой системе могли пробраться только наиболее богатые люди, располагавшие финансовыми средствами для покупки должности и подкупа влиятельных лиц. Не менее важно и другое обстоятельство: разбогатеть и приумножить свои капиталы могли не владельцы собственности, не купцы или ремесленники, а лишь те, кто получал власть. Без власти сохранить или приумножить свои накопления было весьма проблематично. Это делало молдавское чиновничество чрезвычайно продажным, лживым, трусливым и двуличным.

В диване существовала специальная должность толкователя законов, и боярин, ее занимавший, трактовал положения византийского права и неписанные обычаи как ему заблагорассудится. При деспотичной власти господаря, полной бесконтрольности чиновников,

отсутствии делопроизводства и отчетности подобная организация управления страной являлась естественным и необходимым условием сложившейся системы купли-продажи должностей. Она полностью устраивала не только султана и Блистательную Порту, но и все местное чиновничество, состоявшее из служилых бояр.

Но эта традиционная система управления полностью противоречила задачам, поставленным русским правительством перед своими чиновниками в Бессарабии, которые должны были превратить край в место «отдохновения и благоденствия». Ее пришлось кардинально ломать и перестраивать; правда, не сразу и при помощи «мягкой силы», чтобы не ущемить ни в чем интересов господствующих слоев. И все же решительную модернизацию управления областью Россия произвести сумела, несмотря на все оказанное боярами сопротивление. В корне изменен был и сам характер государственного правления вновь присоединенной территорией. Вероятно, именно такой характер русского правления Бессарабией позволяет ответить на вопрос, почему Бессарабия в столь короткие сроки безболезненно и естественно интегрировалась в экономическую и общественно-политическую жизнь страны.

Ведь на протяжении многих столетий Россия росла территориально двояким образом: ряд стран и народов входил в состав империи добровольно, во всяком случае, не противодействуя этому сближению. Ряд других стран (Польша, некоторые среднеазиатские территории, некоторые земли Кавказа и проч.), народам которых были глубоко чужды национальные интересы России, воспринимал вхождение в состав империи как трагедию. Именно эти народы выдвигали из своей среды пассионариев, способных противопоставить российской государственности иное понимание прошлого и будущего своих этносов и России в целом. При этом возрождение или построение своей сильной государственности никак не предполагало обретение ими статуса провинции империи, а наоборот, призывало к кровавой борьбе против «русского ига».

Представляется, что и Приднестровье, и Бессарабия, безусловно, относились к первому типу стран и народов. Несомненно, большое значение при этом имело то, что оба берега Днестра были освобождены от османского ига и засилья кочевых татар. Турки ушли сами, а Ногайская орда, как затем и Буджакская орда, были переселены правительством в Крым. Пустующие земли стали быстро заселяться выходцами из Молдавского княжества, стран Балканского полуострова,

различных губерний России, колонистами из-за рубежа. Россия была их страной по рождению или по тем надеждам, которые они с ней связывали.

Для автохтонного населения важную роль сыграла духовная жизнь и культура переселенцев. Культурное поле державной России, в которое они вовлекались, было им близко и естественно. Оно способствовало сохранению и приумножению духовных, этнических, семейных традиций и устоев их предков. В Бессарабии проживали молдаване, украинцы, русские, болгары, гагаузы, евреи, армяне, греки, поляки, татары и многие другие этносы. Здесь существовали и различные конфессии – католики и мусульмане, староверы и евангелисты, иудеи и различного рода секты. Но в составе единой православной страны они заняли отведенную им нишу и не имели никаких возможностей продолжать как в Средние века эксплуатацию и ущемление прав православных жителей, которые составляли несомненное большинство. А к православным относились все основные преобладающие этносы населения Пруто-Днестровского региона: молдаване, украинцы, русские, а также болгары, гагаузы, греки. Они составляли большинство.

Характерно, что после присоединения к России значение православной духовности постоянно возрастало, и церковь, наконец, лишилась тех оков, в которых она находилась в период польского, татарского или турецкого господства. Может быть, православные стали мстить своим бывшим угнетателям, например, католикам? Это в корне противоречило бы принципам русского правления Бессарабией. Ничего подобного и не произошло: никто костелы не закрывал, даже строились новые католические храмы русской администрацией. Губернатор Павел Федоров, правивший областью 20 лет и превративший город Кишинев в сплошную строительную площадку, на ровных благоустроенных улицах города возводил не только православные храмы, но и костел, и кирху, и другие культовые сооружения.

Возводились в Бессарабии и молельные дома баптистов, и приходы старообрядцев, и григорианские церкви, и синагоги, так что общая религиозная картина напоминала собой пеструю мозаику, при которой никто (или почти никто) не ущемлялся. Здесь различные верования могли вполне мирно уживаться между собой. И это положение, характерное для большинства регионов юга России XIX в., вполне устраивало местных жителей. Общая религиозная культура края была неразрывно связана с деятельностью различных культовых учрежде-

ний всех народностей и этносов региона. Никаких острых религиозных конфликтов не возникало. И это было характерной отличительной чертой Бессарабии. Рассмотренный нами Кишиневский погром в период правления губернатора Р.В. фон Раабена в 1903 г., по сути, не имел глубинных религиозных основ в сознании местного населения и объясняется другими причинами.

Более того, Бессарабия в эту эпоху становилась прибежищем для всех гонимых и притесняемых служителей культа. Возьмем конкретный пример. В период реформ 60-х годов XIX в., связанных с безудержной латинизацией «пуристами» своей культуры и языка в Румынии (перевод письменности на латинскую графику, уничтожение древних церковных книг, притеснения православной веры по канонам Паисия Величковского), монахи Нямецкого монастыря, этой древней жемчужины молдавской культуры, решили бежать из страны. Они желали сохранить остатки древнего молдавского православия и святости. Православное духовенство Румынии, не воспринимавшее «разбойничьи» (как выражались монахи) реформы Александра Иона Кузы, нашли себе убежище в Бессарабии, открыв в нескольких километрах от Тирасполя и Бендер Свято-Вознесенский Ново-Нямецкий монастырь, который принял высокую духовную эстафету истинного православия и действует в наши дни.

Есть еще одна характерная особенность интеграции местного населения в общественно-политическую жизнь страны после присоединения его к России. Она состоит в несомненной близости менталитета населения края и населения русских, украинских или белорусских регионов империи. Общие культурные основы, общие духовные ценности и приоритеты выдвигали на первый план и общность социальных и политических интересов.

Вполне объяснимо, что в Туркестане, Финляндии или на Кавказе местное население было достаточно далеким от животрепещущих проблем общероссийского характера – ими там мало интересовались, либо интересовались лишь в качестве очередной возможности вырваться из состава империи. Но в таких провинциях, как Бессарабия, в Новое время местное общество весьма активно включилось в обсуждение самых насущных вопросов общественно-политического характера, абсолютно не ассоциируя их с необходимостью выйти из состава российского государства, войти в состав Румынского королевства или создания какой-то суверенной бессарабской государственности. Когда наряду с консервативным и либеральным течением общественно-по-

литической мысли в России появляется и новое направление – революционное, в Бессарабии оно находит благоприятную почву для распространения и развития, не сопровождаясь сепаратистскими поползновениями.

Все названные течения находили в наших краях живой отклик, понимание и своих приверженцев. Это показало и дворянское движение декабристов, и разночинные акции народников, а с конца XIX в., – и появление политических партий общероссийского плана, которые действовали в нашем регионе весьма активно. Социальный и национальный состав населения по обе стороны Днестра был достаточно близким, схожим и весьма зрелым, почти не отличимым от других районов юга России, Новороссии, как тогда именовался этот регион. Интересно, что все политические партии, действовавшие в обеих провинциях, имели общероссийский характер; «своих» не появилось.

Какие же процессы определяли высокую степень и быструю интеграцию этих провинций в общественно-политическую жизнь страны в XIX в.? Да и можно ли вообще дать им какое-то приемлемое объяснение? Думается, что все дело состояло в социальной структуре общества, которая очень быстро получила общероссийские формы. Россия, как известно, делила свое население на различные сословия, т.е. на определенные группы людей, обладающих твердым юридическим статусом. И сословия эти были полностью отменены лишь в период Российской революции 1917 г.

Когда Бессарабия в 1812 г. вошла в состав России, здесь в течение нескольких лет формируются и законодательно оформляются свои сословия: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, казаки, государственные и крепостные крестьяне, колонисты и проч. Каждое из этих сословий имело свои интересы и готово было их защищать. Тем более, что дворянство, как социальная база и опора самодержавия, не собиралось в своей массе терять привилегированное положение, несмотря на идеалистические планы прогрессивно мыслящих офицеров из рядов декабристов.

Дворянство объединялось в свои собрания, и для него не имела никакого значения этническая принадлежность правящего слоя – русские, молдаване, украинцы, поляки, греки и проч. Они выбирали губернских и уездных предводителей, а подчас и жестко, нелицеприятно критиковали деятельность местных властей. В их среде зародились и основные направления общественно-политической мысли и течений

– консервативного, либерального и леворадикального. И борьба между этими течениями, их размежевание и противоборство не могли не затронуть бессарабское дворянство как провинциальную часть общероссийского сообщества.

Конечно, основная масса бессарабских бояр составляла вместе с офицерством, чиновниками, генералитетом правоконсервативную часть общества, не желавшую никаких перемен в своем положении. По словам одного из столпов русского либерализма генерала П.Д. Киселева, многие чиновники, осевшие в наших краях во время русско-турецких войн, являлись самыми настоящими «подонками» России. Но его приезды в наши края воодушевляли местные либерально настроенные круги. Эти представители образованного общества не могли не знать, что генерал Киселев еще в 1816 г. выступил за необходимость отмены крепостного права в России и представил государю соответствующий документ. С другой стороны, это не могло не раздражать таких реакционеров, как генерал И.В. Сабанеев, с помощью которого была разгромлена местная декабристская организация и закрыта ложа «Овидий».

Приезды в наши провинции самодержавных особ всегда вызывали ажиотаж и тщательно готовились. Возможно, не только географическое положение и военно-стратегическое значение приграничных земель привлекали сюда монархов России, но и то, что они находили здесь близкое им по духу и настроениям провинциально-русское общество, никоим образом не помышлявшее о выходе из России или, тем более, жестокого противостояния ей. Бессарабию посетил Александр I в 1818 г., впервые после Прутского похода Петра I. Через 10 лет сюда прибыл Николай I. А сын его, Александр II, посещал эти края дважды – в 1860 и 1877 гг. Александр III был по натуре затворником и мало ездил по России. Николай II был здесь в 1914 г.

Вполне возможно, что симпатии русских монархов к этим землям определялись еще и тем, что в лихую годину испытаний и похода на Россию Великой армии Наполеона на недавно присоединенных к империи землях (Приднестровье – за 20 лет, а Бессарабия вообще – за месяц до вторжения Бонапарта) местное население не примкнуло к врагам страны. Жители этих провинций не подняли восстаний, не присоединились к французской армии, как это сделали поляки и почти все подчинившиеся Франции страны Европы. Ведь момент был крайне благоприятный для того, чтобы вмиг освободиться от ненавистной

«русской оккупации», говоря языком нынешних официозных историков Молдовы!

Однако население провинции и не подумало о такой возможности. Наоборот, местные жители по-доброму напутствовали уходившие от Днестра и Дуная русские войска, снабжали их продовольствием и фуражом, предоставляли на постой свои квартиры. А многие местные уроженцы ушли защищать вместе с русскими солдатами свою новую родину, участвовали в главных сражениях Отечественной войны и даже дошли до Парижа. Современные средства массовой информации Молдовы либо не знают, либо не хотят вспоминать подобные факты, которые невозможно втиснуть во все их искусственные конструкции «русской оккупации».

Несмотря на большую отдаленность от Санкт-Петербурга, Москвы и других политических и культурных центров империи, бессарабская провинция с самого момента своего вхождения в Россию жила общими со всей страной проблемами, интересами, заботами. Социально-политическая, культурная и духовная интеграция ее населения в общерусский конгломерат народов произошла на редкость безболезненно и естественно. Такова была реальная судьба этих земель. Русское правление Бессарабией на протяжении столетия было частью этой судьбы.

События, связанные с Первой мировой войной, с русскими революциями 1917 г., с началом гражданской войны в корне изменили историческую судьбу края. На смену русскому правлению пришло правление румынское. Но это тема другого разговора.

Для записи

Для записи

Научное издание

Николай Вадимович Бабилунга

Бессарабия под русским правлением
(История края в жизнеописании
его губернаторов в XIX – начале XX вв.)

Научный редактор *В.Я. Гросул*
Литературный редактор *Е.Ф. Ершова*
Компьютерная верстка: *М.Н. Грибиненко*

Подписано в печать ? .2020. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Georgia.
Печать офсетная. Усл. печ. л. ?. Тираж ? экз. Заказ № 795.

Отпечатано на ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»
Государственной службы средств массовой информации ПМР,
3200, г. Бендеры, ул. Пушкина, 52.